

РУСЛАН ЖУКОВЕЦ

ВЕЛИКОЕ
ДАО

*Комментарий
к «Дао Дэ Цзин»*

Амрита-Русь

Москва

2022

УДК 221.3
ББК 86.33
Ж86

Жуковец Р.

Ж86 Великое Дао. Комментарий к «Дао Дэ Цзин» / Р. Жуковец. — М.: Амрита-Русь, 2022. — 256 с.

ISBN 978-5-413-02513-0

«Дао Дэ Цзин» — один из самых известных и наиболее загадочных мистических текстов в истории человечества. Он вызывает непреходящий интерес у философов, мистиков и искателей истины всех времён. Суфийский мастер Руслан Жуковец исследует древнюю мудрость даосов, исходя из собственного опыта следования Пути и взаимодействия с Высшим. Автор комментирует каждую главу Дао Дэ Цзин, открывая её практический и мистический смысл для духовного искателя. Что есть Дао, как прийти к гармонии с собой и с миром, что такое совершенная мудрость и как ее постичь, что значит жить в недеянии — вот лишь малый круг вопросов, ответ на которые даёт автор в своих комментариях.

Книга представляет собой перевод мистических переживаний и истин с языка древнего мистика на язык тех, кто продолжает такую Работу сегодня. Сам этот опыт даёт ценнейший ключ к пониманию древних мистических текстов современным читателем.

Книга будет интересна широкому кругу читателей — всем, кто интересуется философией, психологией, духовными и мистическими практиками, знанием о мироустройстве и человеке, и конечно же, тем, кто на себе почувствовал притяжение мудрости Лао Цзы.

УДК 159.95
ББК 88.52

ISBN 978-5-413-02513-0

© Жуковец Р., 2021
© Оформление.
Амрита-Русь, 2022

П Р Е Д И С Л О В И Е

К «Дао Дэ Цзин» написаны сотни комментариев, но поток их пока не прекращается. Текст Лао Цзы, трудный для перевода, да и для понимания тоже, даёт широкий простор для самых различных его толкований; а его непонятность побуждает людей разобраться в нём чуть-чуть поглубже, чтобы, разобравшись, — записать очередной комментарий. В наше время все комментируют всё, удивляться нечему.

Существует более полусотни переводов «Дао Дэ Цзин» на русский язык. Каждый перевод — тоже своего рода интерпретация смыслов исходного текста: выделение тех смысловых и логических связей, которые кажутся переводчику наиболее подходящими и близкими его уровню понимания. Выступить в роли эксперта по качеству переводов некому — поэтому каждый из читателей сам решает, какой из них ему больше нравится. Да и вряд ли кто-нибудь окажется столь заинтересован истинным содержанием трактата Лао Цзы, чтобы читать все русскоязычные его версии. Тому же, кто хочет чистой и незамутнённой истины, придётся учить китайский.

Первый раз я прочитал «Дао Дэ Цзин» в 1989 году, в переводе Ян Хин Шуна. Не скажу, что многое тогда понял, но текст меня очаровал и, безусловно, повлиял на то, что через несколько лет я начал заниматься духовными практиками. Позже я не раз к нему возвращался и даже какое-то время его начитывал, постоянно нося с собой тоненькую книжечку, в которой он был напечатан.

Впечатление, производимое любым текстом на человеческий ум, зависит не только от его содержания, но и от ритма построения фраз, от частоты повторов отдельных оборотов и мыслей и, конечно, от используемых метафор и слов. Каждый текст действует на ум внимательного читателя, но воздействие порой бывает очень слабым и почти незаметным или же очень сильным и оставляющим глубокое впечатление. Великие писатели отличаются от всех остальных именно силой воздействия своих текстов — и чем оно глубже, тем более великими они признаются.

Перевод Ян Хин Шуна имеет специфический ритм и завораживает постоянными повторами, которых автор перевода даже не пытался избегать. Можно спорить о качестве его перевода, но, как я подозреваю, совершенных переводов «Дао Дэ Цзин» не существует. Или же они все совершенны, каждый по-своему. Для своего комментария я взял за основу перевод Ян Хин Шуна — первый научный перевод древнего трактата на русский язык. В качестве подспорья в местах, где работа Ян Хин Шуна выглядит не вполне удачной, я воспользовался переводом Владимира Малявина, который представляет собой последнюю на данный момент версию научного перевода «Дао Дэ Цзин».

За последние годы я сам написал немало книг о Пути и знаю, что содержание книги не берётся из ниоткуда — оно отражает личный опыт автора и уровень его бытия. Поэтому, берясь за комментарии к столь любимой мной когда-то книге, я собирался рассмотреть послание Лао Цзы с точки зрения внутренних состояний мистика и его опыта взаимодействия с Высшим. Что я, в итоге, и сделал.

В заключение этого небольшого предисловия скажу, что исследователи «Дао Дэ Цзин» делятся на две категории: одни считают, что его текст целиком принадлежит перу патриарха даосизма, другие настаивают на том, что книга бы-

ла написана несколькими людьми. Свою точку зрения на этот вопрос я высказываю в комментариях, подробно вникая в содержание глав трактата.

Комментарий — не просто высказывание своего глубоко прочувствованного мнения, как это сейчас принято, но, в первую очередь, исследование, которое может дать весьма неожиданные результаты. Я, во всяком случае, работая над комментарием, сделал для себя несколько открытий, касающихся смысла отдельных глав, да и всей книги в целом.

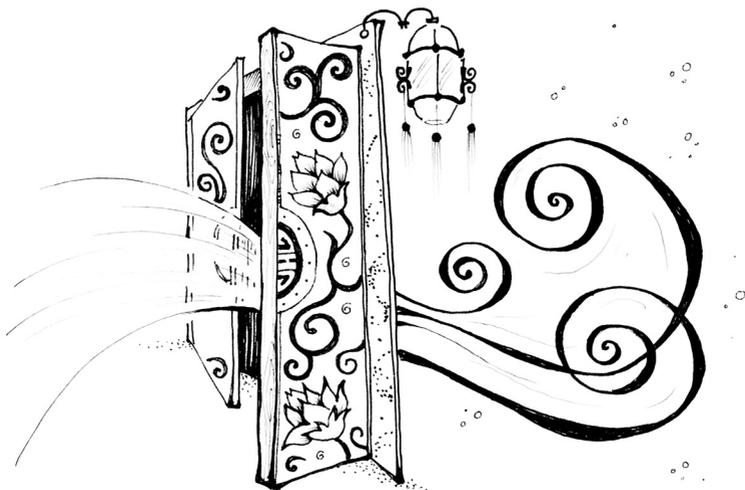
Истина бывает очень неожиданной.

Ч А С Т Ь П Е Р В А Я

1

Дао, которое может быть выражено словами, не есть постоянное дао. Имя, которое может быть названо, не есть постоянное имя. Безымянное есть начало неба и земли, обладающее именем — мать всех вещей.

Поэтому тот, кто свободен от страстей, видит чудесную тайну [дао], а кто имеет страсти, видит его только в конечной форме. Оба они одного и того же происхождения, но с разными названиями. Вместе они называются глубочайшими. [Переход] от одного глубочайшего к другому — дверь ко всему чудесному.

Человек придумывает названия всему — так уж он устроен. С одной стороны, название должно передавать суть вещи, её качества и особенности; с другой стороны — то, чему мы дали имя, мы как бы узнали, и нередко придумывание названия для нового явления становится суррогатом понимания его природы. О чём мы не можем сказать? О том, с чем никогда не сталкивались и чего никогда не видели, и о том, чего нет; чего вообще не существует. Хотя есть слово «небытие», означающее отсутствие бытия; и так получается, что и тому, чего нет, тоже можно придумать название.

Постоянное дао не может быть выражено словами, и здесь подразумевается, что слова имеют отношение к проявленному миру, что они сами — часть этого проявленного мира, а он изменчив. То, что в нём выглядит неизменным, ограничено во времени существования и рано или поздно всё равно исчезнет. И значит, постоянное дао не принадлежит этому миру, но даёт ему начало, оставаясь тайной, доступной для восприятия тех, кто свободен от страстей.

Страсть здесь — синоним желания, и только избавившийся от желаний способен воспринимать существование непроявленного. На суфийском Пути именно во время перехода к жизни без желаний, в трансформации, называемой исчезновением в Боге, мистик познаёт непроявленную Его часть — великий, ничем не ограниченный потенциал, из которого возникает Творец. И как Лао Цзы произвольно назвал эту непроявленную часть Бога именем Дао, так я — тоже произвольно — называю её Абсолютом.

Тот, кто свободен от желаний, видит источник Бытия, а тот, кто живёт желаниями, видит только вещи этого мира, которые появляются и проявляются согласно его законам. Но весь мир возникает из ничего. Из пустоты, которая

не есть пустота, но у нас нет слов, чтобы описать это переживание мистика.

Не слишком удачная фраза «оба они — одного и того же происхождения, но с разными названиями» призвана подчеркнуть прочную связь между непроявленным дао и проявленным — в виде «всех вещей». Затем им даётся очередное произвольное определение, ведь, взявшись говорить о чём-то, никто не сможет избежать создания определений. И тогда вместе они называются глубочайшими, хотя могли бы называться величайшими или ещё какими-нибудь. Впрочем, Лао Цзы ещё возвращается к вопросу определений в последующих главах своего текста, демонстрируя условность всех описаний дао.

Последняя фраза первой главы очень значима: дверь ко всему чудесному скрыта в переходе от непроявленного к проявленному, от Небытия к Бытию. Тот, кто умеет творить чудеса, соприкасается с этой тайной, и не будь Бог-Творец тесно связан с Абсолютом, Он стал бы всего лишь ещё одной частью создаваемого Им Творения, пусть даже в виде её Источника, непознаваемого для нас во всей Своей полноте, но всё-таки — познаваемого. Без непроявленного Бог стал бы смертным, как и весь создаваемый им мир, ведь и Сам Он появился из ниоткуда. Вечность и неизменность скрыты в море непроявленного, в постоянном дао, в неизменном Абсолюте. Вместе Творец и Абсолют и становятся тем единым Богом, который вечен, всезнающ, существует вне времени и так далее, и так далее. При этом тайна этого перетекания энергии и материи из Небытия в Бытие и обратно так и остаётся тайной, демонстрирующей немало чудес тем, кто с ней соприкасается.

Когда все в Поднебесной узнают, что прекрасное является прекрасным, появляется и безобразное. Когда все узнают, что доброе является добром, возникает и зло. Поэтому бытие и небытие порождают друг друга, трудное и лёгкое создают друг друга, длинное и короткое взаимно соотносятся, высокое и низкое взаимно определяют, звуки, сливаясь, приходят в гармонию, предыдущее и последующее следуют друг за другом. Поэтому совершенномудрый, совершая дела, предпочитает недеяние; осуществляя учение, не прибегает к словам; вызывая изменения вещей, [он] не осуществляет их сам; создавая, не обладает [тем, что создано]; приводя в движение, не прилагает к этому усилий; успешно завершая [что-либо], не гордится. Поскольку он не гордится, его заслуги не могут быть отброшены.

Здесь мы видим описание основного закона человеческого познания, отражающего дуальность всего Творения. Мир состоит из полярностей и противоположностей: мужское-женское, тепло-холод, любовь-ненависть, добро и зло. Недаром говорят, что всё познаётся в сравнении, ведь именно через сравнение одного с другим ум и определяет качества вещей и состояний. Правда, Лао Цзы рассматривает эту тему под специфическим углом: у него получается, что само узнавание прекрасного способствует появлению безобразного. То есть речь идёт о субъективности человеческой оценки и о том, что после вывода, является ли что-то хорошим или плохим, остальное будет сравниваться с этим «эталоном», и так неизбежно появится его антипод.

Определив одну работу как лёгкую, другую вы оцените как более трудную по сравнению с первой; решив, что есть поступки возвышенные, вскоре вы обнаружите и поступки низменные — и в этом противопоставлении высокое и низкое окажутся связанными вашим отношением к ним. То, что понимание добра и зла субъективно и что оно диктуется обусловленностью данного конкретного человека, сейчас уже стало банальностью. Есть, конечно, добро и зло, признаваемые почти всеми, в виде, например, спасения человеческой жизни или, наоборот, убийства человека. Но и здесь мы не увидим полного единодушия, поскольку при ближайшем рассмотрении выяснится, что многие люди не считают зазорным убийство иноверцев, а особо циничные не находят пользы в спасении и продлении жизни неизлечимо больных — как взрослых, так и детей. И мы сейчас, напомним, говорим не об Истине, а о субъективности человеческого восприятия.

И вот мы сами создаём для себя мир, в котором будет прекрасное и безобразное, высокое и низкое, вкусное и невкус-

ное. Это не означает, что дуальностей в мире не существует — они есть, но каждый человек несёт в себе своё их восприятие и свою оценку всего происходящего, из которой он и действует. Поэтому вслед за описанием того, как создаётся мир внутри человека, Лао Цзы говорит о том, как действует совершенномудрый, давая читателям альтернативный вариант отношения к миру и поведению в нём.

Желание порождает страх того, что не удастся получить желаемое. Страх темноты рождает желание никогда в ней не оказаться. Чтобы не плодить новых желаний и страхов, вы должны от них избавиться, иначе они так и будут продолжать питать друг друга. Очевидно, что под словом «совершенномудрый» подразумевается человек, достигший высшей степени духовной реализации, что в суфизме соответствовало бы стадии седьмого — совершенного нафса. И здесь надо сказать, что «Дао Дэ Цзин» — трактат не философский, а мистический. Философы строят концепции; мистики записывают опыт своих прозрений и состояний. И с этой точки зрения описание поведения совершенномудрого есть не умозрительная рекомендация, а запись опыта самого Лао Цзы.

По тексту получается, что выбор манеры действия мистика совершается из понимания, что любая вещь рождает свою противоположность. Тогда для получения наилучшего результата действовать надо *не действуя*, и так мы приходим к парадоксу, понять который почти невозможно. Что такое недеяние? Что значит приводить в движение, не прилагая к этому усилий? И как высшие состояния можно переложить на обычный человеческий язык?

О недеянии высказывались многие, выдвигая различные версии, одна другой краше. Говорили о том, что это действие спонтанное, незапланированное, не продуманное заранее, а потому оно и есть недеяние. Утверждали, что неде-

яние тесно связано с гармонией бытия, в согласии с которой и осуществляются действия совершенномудрого. Много чего написали и наговорили люди за те тысячи лет, что существует текст «Дао Дэ Цзин». Но если мы уясним, что речь идёт о внутренних состояниях, которые Лао Цзы описывает через действия, тогда, может быть, нам станет немного понятнее, что он имеет в виду.

Состояние недеяния возникает при условии отсутствия у человека желаний и эго. В обычной ситуации люди действуют из желаний — это их главное топливо и единственный источник воли. Желание подразумевает ожидание результата и вовлечённость в процесс. Мысли «я делаю» и «я сделал» становятся фоном любого деяния. Если желаемый результат не достигнут, человек огорчается, если всё получилось — он радуется. При этом он ощущает себя источником действия и чувствует себя «делателем». В случае успеха эго воспаряет, в случае провала оно же начинает страдать. Соответственно, как ни пытайся гармонизироваться и как ни взращивай в себе непредсказуемую спонтанность, пока есть желания и существует структура эго в уме, состояние истинного недеяния тебе не светит.

В недеянии ты не чувствуешь себя ни делателем, ни источником действия. То есть ты совершаешь необходимое здесь и сейчас, полагаясь на видение ситуации, — вот и всё. Недеяние — это не какой-то особый способ действия; это внутреннее состояние человека в любом действии.

Далее перечисляются особенности делания совершенномудрого: осуществляя учение, он не прибегает к словам. Здесь многие могут решить, что совершенномудрый обучает молчанием, но такого обучения не бывает. Можно учить на собственном примере (делай, как я), можно создать ситуацию, в которой ученик получит необходимый ему опыт, а вместе с ним — и новое знание. То, что Лао Цзы не слишком

доверяет словам, понятно с первых строк его книги. Слова могут быть неправильно услышаны и неправильно поняты, поэтому обучение в действии надёжнее. Учить (и учиться) при помощи слов проще всего, но мудрый не ищет лёгких путей, ему нужны совершенные.

Следующая характеристика действий мудреца вызывает немало вопросов: вызывая изменения вещей, он не осуществляет их сам; как такое возможно? Первый вариант толкования: мудрый ведёт себя так, чтобы подтолкнуть к действию других людей. Создает в них, так сказать, необходимость ответа, необходимость изменения ситуации и положения вещей. Словом ли, делом ли — мудрец провоцирует окружающих к свершению всякого рода поступков, приводящих к изменениям. Версия, честно говоря, сомнительная, ведь в ней совершенномудрый превращается в активного манипулятора, прямо или косвенно управляющего поведением людей. Для человека без желаний это и нелепо, и странно.

Второй вариант толкования: речь снова идёт о внутреннем состоянии, в котором нет делателя, и тогда, хотя формально мудрец осуществляет деяние, внутренне он остаётся к нему непричастен. Выглядит как натяжка, но, тем не менее, при попытках расшифровать тексты, написанные туманно, избежать натяжек мало кому удаётся.

Третий вариант: совершенномудрый умеет взаимодействовать с дао, и тогда ему не требуется прямо вмешиваться в ситуацию или влиять на состояния окружающих, потому что изменения происходят «чудесным» образом. Но «чудеса» такого рода — не более чем проявления законов, неизвестных большинству людей. Кроме того, мудрец умеет восстанавливать равновесие энергий творения, которое нарушается активностью людей, одержимых страстями; при этом его внутренняя работа гораздо важнее внешних действий. Он может становиться катализатором перемен, вы-

глядящих как абсолютно естественные. Энергия присутствия совершенномудрого ускоряет развитие многих вялотекущих процессов. Об этом, собственно, и сказано: приводя в движение, не прилагает к этому усилий.

Когда ты не ощущаешь себя делателем, тогда и гордости из-за своих огромных успехов не появится. Более того, у тебя не будет ощущения, что ты совершил нечто особенное, из-за чего теперь заслуживаешь почёта и уважения. А если вдруг ты не преуспел в действии, то ты не станешь порицать себя и чувствовать разочарование и позор. Финальная фраза: поскольку он не гордится, его заслуги не могут быть отброшены — рождает соблазн подумать о том, что эти заслуги становятся какими-то мистическими и потому не отбрасываемыми; но Лао Цзы говорит только о том, что нельзя ничего сделать с тем, чего нет.

3

Если не почитать мудрецов, то в народе не будет ссор. Если не ценить редких предметов, то не будет воров среди народа. Если не показывать того, что может вызвать зависть, то не будут волноваться сердца народа. Поэтому, управляя [страной], совершенномудрый делает сердца [подданных] пустыми, а желудки — полными. [Его управление] ослабляет их волю и укрепляет их кости. Оно постоянно стремится к тому, чтобы у народа не было знаний и страстей, а имеющие знания не смели бы действовать.

Осуществление надеяния всегда приносит спокойствие.

Здесь может показаться, что Лао Цзы выступает в роли настоящего ретрограда и противника всякого прогресса. Если воспринимать текст буквально, то так оно и есть. Держи народ в стойле, преврати его в подобие коровьего стада, корми до отвала и не давай думать о плохом. Более того, чтобы имеющие знания не смели бы действовать, нужно ввести для них наказания, иначе как их остановишь? И если бы не последняя фраза — о надеянии, приносящем спокойствие, — то никакой другой трактовки нам было бы не найти.

Философы придумывают свои описания мира, ищут смысл жизни и в итоге плодят разнообразные идеи. Тот, кто принял очередную идею за чистую истину, будет стремиться воплотить её в реальности, а потому сторонники противоположных идей станут непримиримыми врагами. Отсюда и ссоры в народе. Идея, в которую человек верит, обуславливает его поведение и реакции; из неё вырастает желание,

чтобы люди и мир ей соответствовали, и каждый раз, когда несоответствие обнаруживается, возникает гнев или печаль. В общем, «работающая» идея приносит своему обладателю немало беспокойства.

Всё, что объявляется ценным, рождает желание иметь это у себя; так уж устроен человек. Там, где ценится красивое тело, люди будут стремиться к тому, чтобы сделать свои тела максимально красивыми согласно объявленному стандарту красоты; там, где ценится богатство, — большинство захочет разбогатеть; человеческое эго всегда ищет, как увеличить собственную ценность.

Что значит — сделать сердце пустым? Согласно Лао Цзы, сердце — вместительнице страстей, и страстями здесь называются желания, со всеми их малоприятными следствиями в виде негативных эмоций, одержимости ума и совершения неадекватных или преступных действий. Поэтому, чтобы сделать сердце пустым, нужно избавиться от желаний.

Если вы понаблюдаете за своими ощущениями в момент, когда у вас появилось какое-нибудь желание, то убедитесь, что его энергия чувствуется в груди, а если точнее — в проекции сердечного центра. Оттуда оно толкает нас к действию и там создаёт давление. Так что, помещая страсти в сердце, Лао Цзы опирался на опыт наблюдения за проявлением желаний.

Полный желудок — символ удовлетворения насущных потребностей. Потребности могут существовать отдельно от желаний, хотя в разговорной речи мы выражаем свои нужды через слова, связанные с желаниями. Мы редко говорим «мне нужно поесть» и часто — «я хочу есть» или «я хочу спать». Такая подмена вполне объяснима, ведь большинство наших желаний создаётся на основе потребностей, кроме, разве что, желаний, связанных с идеями. Потребность в комфорте рождает свои желания; на ос-

нове необходимости в удовлетворении сексуального влечения появляется множество желаний, порой выглядящих не совсем адекватно. Недаром говорят, что желание — это нужда, сошедшая с ума.

Учитывая, что человеческая воля выковывается в противостоянии желаниям или в усилиях по воплощению их в реальность, то ослабление воли относится всё к тому же избавлению от желаний. А укрепление костей символизирует развитие сущностных качеств человека, вместо того, чтобы продолжать накачивать личность-эго со всеми его иррациональными «хотелками».

Итак, вот суть содержания этой главы: если вы хотите спокойствия, то вам надо избавиться от идей и желаний, осознав свои истинные необходимости и следуя им. Осуществляя эту работу над собой, вы и познаете надеяние.

4

ао пусто, но в применении неисчерпаемо. О глубочайшее! Оно кажется праотцем всех вещей.

Если притупить его пронизательность, освободить его от хаотичности, умерить его блеск, уподобить его пылинке, то оно будет казаться ясно существующим. Я не знаю, чьё оно порождение, [я лишь знаю, что] оно предшествует небесному владыке.

Лао Цзы возвращается к описанию дао; к описанию того, что принципиально неопишимо. Поэтому на выходе получается чистая поэзия — переживание мистика, которое он пытается передать словами. Почему Лао Цзы постоянно указывает на пустоту дао? Потому что именно при взаимодействии с ним или при воздействии дао на человека появляется ощущение и переживание пустоты. Пустоты всеобъемлющей, которая не может быть заполнена никакими человеческими энергиями — да и никакими другими энергиями, впрочем, тоже. Пустота, отделённая от мира вещей, но доступная для восприятия человека и влияющая на него.

Никто особенно не задумывается над тем, что любой человек представляет собой этакий перекрёсток миров, ведь в нём проявляются физические, эмоциональные и ментальные энергии, принадлежащие разным планам Бытия. Понятно, что раз уж мы никак не можем зафиксировать эти энергии с помощью каких-нибудь приборов, а осознанности, чтобы отследить их тонкие проявления и познать их природу, у большинства из нас тоже нет, то они для нас почти и не существуют. Говорят же учёные, что человеческое со-

знание есть продукт жизнедеятельности мозга, и им виднее, на то они и учёные; им за учёность деньги платят. Вот и получается, что благодаря материалистическому подходу к человеку ни у кого, кроме мистиков, нет понимания механизма возникновения эмоций, строения и принципов работы ума и причин возникновения многих болезней.

Если даже у обычного человека имеется несколько уровней бытия, то у мистика, достигающего вершин возможной для человека эволюции, их становится ещё больше. Тогда он познаёт энергии Творца и пустоту Абсолюта. А как ещё может проявить Себя великое Ничто, которое, в потенциале, есть Всё, что только можно и чего нельзя себе представить?

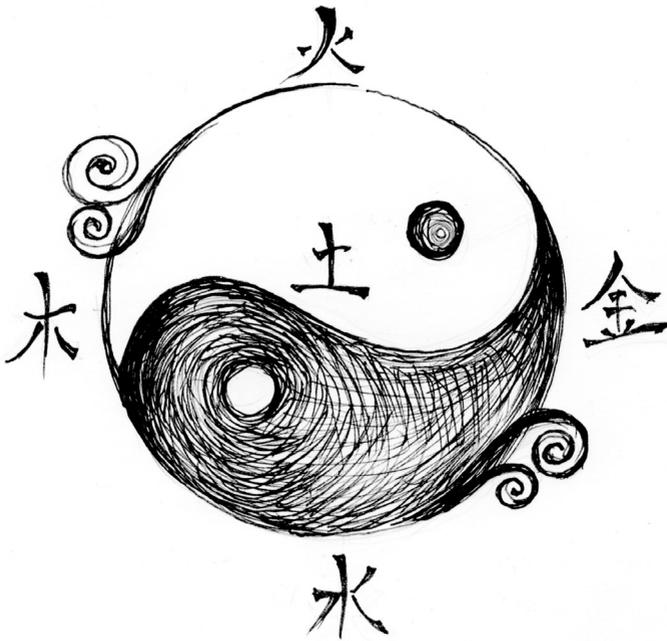
Далее Лао Цзы даёт ключ, которым пользуются — сознательно или бессознательно — все люди, пытающиеся понять крайне сложные вещи. Что нужно сделать с необъятным, чтобы хоть как-то его воспринять? Правильно, нужно его уменьшить, сделав его таким же ограниченным, как мы сами. И вот, «если избавиться его от хаотичности, умерить его блеск, уподобить его пылинке, то оно будет казаться ясно существующим». Сложное придётся упростить, а величайшее — уменьшить; другого способа воспринять сложное и великое у большинства людей нет. При упрощении и уменьшении смысловые потери и искажения неизбежны, но раз уж нет иного способа хоть что-то понять, есть ли у нас выбор? Просто нужно помнить о том, что дао, выраженное словами, не есть постоянное дао, и тогда мы не наделаем далеко идущих выводов из своих упрощённых схем, забыв, что они — всего лишь кривые отражения Истины, но не она сама.

В последнем предложении говорится о том, что дао предшествует небесному владыке. Творец имеет Своё начало в Абсолюте, а небесный владыка (Император Неба) берёт своё начало в дао. Слова разные, а суть — одна.

Небо и земля не обладают человеколюбием и предоставляют всем существам возможность жить собственной жизнью. Совершенномудрый не обладает человеколюбием и предоставляет народу возможность жить собственной жизнью.

Разве пространство между небом и землёй не похоже на кузнечный мех? Чем больше [в нём] пустоты, тем дольше [он] действует, чем сильнее [в нём] движение, тем больше [из него] выходит [ветер].

Тот, кто много говорит, часто терпит неудачу, поэтому лучше соблюдать меру.

Можем ли мы любить незнакомых нам людей или даже всё человечество в целом? Нет, не можем. Мы можем любить идею, внушающую нам необходимость любви ко всем, какие только ни есть, людям. В русле следования ей мы будем убеждать себя, что все эти люди нам близки и дороги, но реальность, как известно, зачастую опровергает самые прекрасные идеи; и так можно абстрактно любить человечество, но с превеликим трудом переносить бытовое поведение своих соседей.

Человеколюбие — это идея, а Лао Цзы, как мы уже знаем, считает, что от идей следует избавиться. Этот аспект послания ясен. Но имеется здесь и ещё один аспект: в человеколюбии нет никакой нужды, если есть уравнивающие жизнь законы — и небесные, и земные. Если преступник получает воздаяние за свои преступления, а праведник вознаграждается достижением того, к чему стремился, должны ли мы искать большего?

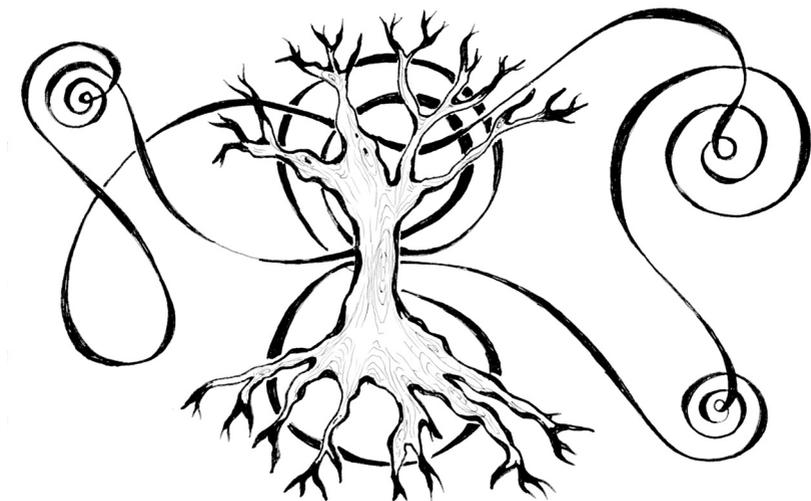
Когда появляется любовь, появляется и ненависть. Человеколюбивый будет бороться с теми, кто не разделяет его взглядов, и попытается воздействовать на тех, кто приносит людям страдание. Он вступит в борьбу, обречённую на поражение, став источником страдания для многих людей и для себя самого. Всё это и рядом не стояло с надеянием, приносящим спокойствие. Все попытки построить идеальное общество или идеальный мир заканчивались войнами и репрессиями.

Если вы вовлечены в дела людей, если вас беспокоит политическая ситуация и будущее человечества — значит, до надеяния вам ещё далеко. Совершенноумудрый существует не в вакууме, и он может быть в курсе разных событий, мнений и тенденций; но он не испытывает беспокойства из-за

происходящего. Ибо, как сказал другой мудрец, родившийся позже Лао Цзы: «Что было, то и будет; что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем». И действительно, суть человеческих желаний и страхов век от века не меняется, и мотивация действий остаётся прежней. А тот, кто видит реальность дао, не станет беспокоиться о суете людей, пусть даже она выглядит очень опасной для них самих.

Далее Лао Цзы снова воспеваает пустоту — а точнее, тот потенциал, который она в себе содержит. Чем больше пустоты, тем сильнее ветер; чем выше потенциал, тем более серьёзным будет результат его реализации. Косвенно речь снова идёт о дао, о его великой пустоте и таком же великом потенциале, из которого создаётся мир со всеми его вещами. Затем нам даётся пример бесполезной растраты потенциала — тот, кто много говорит, часто терпит неудачу. Запас энергии ограничен, и если вся она тратится на обещания, рассказы о своих планах и пустую болтовню, то на успешные свершения её порой просто не остаётся. Иногда надо перестать болтать именно для того, чтобы вовремя начать делать то, что задумано. Лао Цзы вообще не любит чрезмерности, поскольку она свидетельствует о неосознанности того, кто её допускает. А совершенномудрый, как мы знаем, и адекватен, и всегда знает меру.

Преращения невидимого [дао] бесконечны. [Дао] — глубочайшие врата рождения. Глубочайшие врата рождения — корень неба и земли. [Оно] существует [вечно] подобно нескончаемой нити, и его действие неисчерпаемо.

Снова поэзия, призванная подчеркнуть значимость дао для существования мира. Когда слепым объясняешь всю прелесть закатов и восходов солнца, тоже приходится использовать возвышенные и возвышающие слова, чтобы хоть как-то донести эту красоту. Из полезной информации: дао вечно, и из него исходит всё, что есть в этом мире, включая высшие и низшие уровни Бытия.

Небо и земля долговечны. Небо и земля долговечны потому, что они существуют не для себя. Вот почему они могут быть долговечными.

Поэтому совершенномудрый ставит себя позади других, благодаря чему он оказывается впереди. Он пренебрегает своей жизнью, и тем самым его жизнь сохраняется. Не происходит ли это от того, что он пренебрегает личными [интересами]? Напротив, [он действует] согласно своим личным [интересам].

Рецептам долголетия от Лао Цзы можно дать несколько вариантов толкования. Первый вариант, очень понятный и совершенно неверный, сводится к служению, а кому вы будете служить — Богу или людям, — по сути, всё равно. Существование не для себя подразумевает какую-то иную цель, а значит, проще всего истолковать её как служение. Не думать о себе, думая о других, — не в этом ли выборе кроется истинное благо? Подобные идеи широко распространены среди тех, кто стремится понравиться Богу или хочет понравиться самому себе. Дескать, мы никакие не эгоисты, а самые что ни на есть альтруисты и люди, любящие других людей. Но тот же Лао Цзы указывает, что подобное отношение — просто приятный для эго способ следовать своим личным интересам. Служение полезно как часть работы на Пути, но к долговечности оно не имеет никакого отношения.

Второй вариант предполагает практическое применение малопонятных утверждений Лао Цзы. Ладно, небо и земля существуют не для себя, но чтобы в этом преуспеть, нужно всё время ставить себя позади других. То есть принижать се-

бя, делать то, от чего отказываются другие, брать то, чего никто не хочет, и всех до последнего пропускать впереди себя при посадке в трамвай. Такое искусственное смирение многим может прийтись по душе, потому что лишит их необходимости толкаться локтями и бороться за место под солнцем. Не все, прямо скажем, готовы отстаивать свои интересы с пеной у рта, и тогда выбор, как бы предлагаемый Лао Цзы, снимает с них бремя участия в общей гонке; а значит, можно больше не считать себя неудачниками, говоря всем, что, дескать, мы даосы, и идите вы куда подальше, а мы постоим позади и в сторонке.

Бывают люди, не слишком приспособленные к соревнованию, и если в детстве им внушают идею о том, что нужно обязательно добиваться своего пусть даже ценой склок, скандалов и судебных тяжб, что надо делать карьеру любой ценой, ну и ещё что-нибудь в этом же духе, то таким людям становится очень непросто жить, постоянно ощущая себя слегка неполноценными. Противоположная идея, отрицающая пользу борьбы, даёт им облегчение и даже свободу, а потому именно им подобное прочтение послания Дао Дэ Цзин приходится по душе. Какая-никакая, а всё-таки польза от текста.

Третий вариант толкования исходит из того, что состояние совершенномудрого отличается от обычных состояний людей, и что Лао Цзы не даёт рекомендаций, как следует действовать, а описывает свой способ жить. Небо и земля не обладают самосознанием, у них изначально нет эго и желаний. В силу этого небо и земля не испытывают беспокойства, не имеют страстей и не загоняют себя в попытке достигнуть невозможного. Спокойствие, приносимое недеянием, — вот истинный ключ к долговечности.

Когда совершенномудрый ставит себя позади других — это не какое-то тонко и хитро продуманное действие. Му-

дрец, не чувствующий себя «делателем», не имеющий заслуг и не гордящийся, оказывается позади людей естественным образом. Там, где они хвалятся, он молчит; там, где они соревнуются, он проходит мимо.

Озабоченные люди часто воспринимают спокойствие как равнодушие. Им кажется, что тому, кто не нервничает по пустякам или даже перед лицом реальной опасности, на всё плевать. Ум любит мыслить в категории крайностей, так уж он устроен. Бесплезно объяснять обеспокоенным, что существуют иные состояния, в которых нет ни беспокойства, ни равнодушия; где нет ни уверенности, ни неуверенности. Если человек лишён такого опыта, то и пониманию взяться неоткуда. Поэтому спокойствие совершенномудрого и его готовность остаться в стороне могут кому-то показаться пренебрежением к своей жизни. Но страсти, страхи и погоня за несбыточным разрушают психику и здоровье людей, о чём они и сами прекрасно знают, хотя сделать с этим ничего не могут. Им ведомы только деяния и беспокойство. Может быть, потому Дао Дэ Цзин до сих пор и привлекает к себе внимание людей, ведь эта книга пропитана *иным* отношением к жизни и даёт другой взгляд на неё. Так им, пусть и опосредованно, но удаётся прикоснуться к состоянию того, кто познал тайны Бытия и осуществил надеяние. Луч света, глоток свежего воздуха и всё такое. К тому же все, кто беспокоится о своей жизни, прямо-таки мечтают о долговечности, а значит, Лао Цзы говорит о вполне актуальных вещах, и то, что понимать его слова можно и так и этак, — даже лучше, ведь каждый желающий сможет найти в них смысл, приятный именно для него.

Высшая добродетель подобна воде. Вода приносит пользу всем существам и не борется с [ними]. Она находится там, где люди не желали бы быть. Поэтому она похожа на дао.

[Человек, обладающий высшей добродетелью, так же, как вода], должен селиться ближе к земле; его сердце должно следовать внутренним побуждениям; в отношениях с людьми он должен быть дружелюбным; в словах должен быть искренним; в управлении [страной] должен быть последовательным; в делах должен исходить из возможностей; в действиях должен учитывать время. Поскольку [он], так же, как и вода, не борется с вещами, [он] не совершает ошибок.

Добродетель — это способность человека творить добрые дела и совершать высоконравственные поступки. Впрочем, давать чему-то определение — занятие так себе, потому что оно определяется через другое: и теперь, по-хорошему, нужно понять, что такое добрые дела и как проявляет себя высокая нравственность. Но тогда мы углубимся в дебри семантики и философии, а некоторая неопределённость всё равно останется. Слова остаются словами, как их ни крути, и выразить ими нечто постоянное, как справедливо указал Лао Цзы, — задача почти невыполнимая.

Итак, высшая добродетель подобна воде. Вода пассивна, принимает в себя всё, что угодно, поддерживает жизнь и ни с чем не борется. Насчёт пользы воды для всех можно и поспорить, вспомнив тех, кто ею захлебнулся, но вода здесь ни

при чём — не она ведь заставляла людей путешествовать на «Титаниках» и заплывать за буйки. Люди борются с водой, она же остаётся пассивной. Тем не менее, избыток пассивной силы тоже приводит к печальным событиям вроде гибели невинных во время наводнений, но это мы будем считать нарушением равновесия дао, а не злобными планами воды по устранению человечества.

Заметим, что Лао Цзы в своих рассуждениях всегда идёт от желаний — вода находится там, где люди не хотели бы быть. Главная потребность людей и главное их желание — быть в комфорте, и, хотя он может определяться по-разному в разных цивилизациях и культурах, суть этого стремления одна: чувствовать себя хорошо и жить в приятных для себя условиях. Отсюда следует, что человеку высшей добродетели не присуще желание всяческих удобств, а потому он выходит за границы обычного человеческого выбора, основанного на поиске максимального комфорта.

Когда Лао Цзы сравнивает воду и людей, нужно понимать, что «не хотели» и «не могли бы» — не одно и то же. Человек существует в достаточно узком спектре — температурном, кислородном, радиационном; вода и дао прекрасно обходятся без всего этого, и здесь они, конечно, схожи.

Далее мы видим наставления для тех, кто стремится к обладанию высшей добродетелью. Или, если убрать постоянно повторяющийся глагол «должен», мы получим описание качеств добродетельного человека. Понимая наставления буквально, мы придём к выводу, что селиться нужно на первом этаже, а может быть, даже и в полуподвале; и что слушать надо не разум, а внезапные «сердечные» порывы и побуждения. С людьми нам придётся обходиться вежливо, постоянно улыбаясь, чтобы они видели наше хорошее к ним отношение, а в управлении страной следует гнуть одну изначально выбранную линию, куда бы она нас ни завела. Так,

собственно, некоторые люди и считают смысл этой главы. Бывают тексты, где всё написано прямо, и в них, кроме того, что прочитывается и понимается буквально, искать больше нечего. С иероглифами Лао Цзы дело обстоит сложнее.

Фразу «селиться ближе к земле» можно тоже понять по-разному. Например, быть ближе к природе, к естественности поведения. Или — быть проще; ведь чем ближе к земле ты оказываешься, тем меньше над ней возвышаешься, а значит, и возгордиться уже не можешь. Ещё вариант: быть ближе к корням, не отрицать родство и родственные связи, укорениться в традиции. Ну и последняя версия — не витать в облаках, не вдохновляться пустяками и стать приземлённее. Что касается меня, то я выбираю вариант с простотой и естественностью поведения. Добродетель и неестественность сочетаются плохо, превращаясь в какое-то лицемерие. Ну и конечно, лицемерие и искренность несовместимы в принципе.

Под сердцем, которое следует внутренним побуждениям, тоже можно понимать всякое. Можно решить, что нужно следовать только своим желаниям и решениям, не слушая ничьих советов или поучений. То есть стать таким светом для самого себя в тёмной ночи мира. А что, бывает и такое. Но толкование, отражающее истинный смысл следования побуждениям сердца, снова будет противостоять желаниям, ибо страсти, как мы помним, Лао Цзы поместил в него. В данном контексте побуждения означают необходимости, которыми и живёт человек, избавившийся от желаний. Причём необходимость, подталкивающая совершенному-дрогу к действию, не обязательно будет его собственной. Она может быть ответом на ситуации окружающих людей или даже на ситуацию в Творении, связанную с нарушением равновесия дао. Суть в том, чтобы идти не за желанием, созданным умом, а за необходимостью, которая лежит в основе

круговорота жизни, да и всего существования в целом. Необходимость — корень, желание — плод. Идущий к Источнику Бытия познаёт глубочайшие его необходимости.

Дружелюбие по отношению к людям появляется само собой, когда ты их не боишься и тебе от них ничего, в общем, не нужно. Когда ты не закрыт своими тревогами и не считаешь себя настолько важной персоной, что нисходить до общения с простыми смертными для тебя унизительно. Другими словами, речь идёт о состоянии без желаний, страхов и эго. Конечно, доброжелательность может быть чертой характера человека или следствием его обусловленности, и практиковать её не так уж и сложно. Придётся время от времени подавлять гнев и неприятие, но это, как кажется, не такая уж большая цена за истинную добродетельность, когда очень хочется поступать как совершенномуудрый.

Искренность — необходимое условие для достижения высших состояний. Без неё никуда в работе над собой не продвинешься, а привычка быть искренним с самим собой неизбежно проявится и вовне. С какого-то момента враньё становится настолько утомительным, что проще сказать то, что думаешь, чем следовать ожиданиям собеседника. Мир от этого почему-то не рухнет, да и отношения очищаются от лжи и лицемерия. Если же они разваливаются, то туда им и дорога. А совершенномуудрый совсем не вступает в отношения, поскольку не видит смысла в поддержании системы взаимных ожиданий. Да и нет никаких ожиданий, когда желания исчезли.

В том, что касается последовательности, тоже всё просто. Вы не обязаны придерживаться одной линии поведения или раз и навсегда избранных взглядов, речь не об этом. Последовательность по Лао Цзы — это соответствие слов и дел. Если вы дали обещание — сдержите его. Если решили что-то сделать — делайте. Если вам нечего сказать — промолчите.

Если вы ничем не можете помочь, скажите об этом прямо. Искренность и последовательность, как видите, тесно связаны.

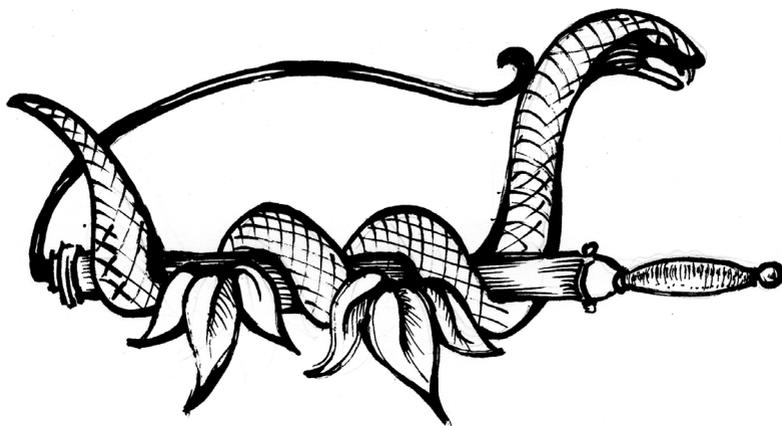
«В делах он должен исходить из возможностей». Смысл очевиден — не занимайтесь самообманом, трезво оценивайте ситуацию и не давайте желанию ослепить вас надеждой на то, что всё у вас получится, когда обстоятельства неблагоприятные, а возможности для успешного действия нет. Умейте ждать, тренируйте терпение и выдержку. Научитесь созерцанию и прежде, чем приступить к делу, рассмотрите ситуацию: возможно, вам откроются возможности и варианты, которых вы не замечали, упершись лбом в не самое лучшее решение. В общем, не торопитесь и тщательно исследуйте возможные варианты действия.

«В действиях он должен учитывать время». Ни одна возможность не существует вечно; так что, не торопясь, с началом действия затягивать тоже не стоит. Фактор времени важен в любой работе — и во внешней, и во внутренней. Тот, кто слишком медлит с принятием решения, часто терпит неудачу. Тот, кто действует с недостаточной интенсивностью, не справляется с работой.

Выбирая правильное действие в правильное время, совершенномудрый не ошибается, хотя я не стал бы утверждать, что все его дела будут выглядеть однозначно успешными для стороннего наблюдателя. И совершенное действие может не давать видимого эффекта, зато будет иметь иные следствия. А невидимое часто оказывается важнее видимого, но надо иметь отличное от обычного восприятие, чтобы это познать.

Лучше ничего не делать, чем стремиться к тому, чтобы что-либо наполнить. Если [чем-либо] острым [всё время] пользоваться, оно не сможет долго сохранить свою [остроту]. Если зал наполнен золотом и яшмой, то никто не в силах их уберечь. Если богатые и знатные проявляют кичливость, они сами навлекают на себя беду.

Когда дело завершено, человек [должен] устраниваться. В этом закон небесного дао.

Лао Цзы говорит о вреде чрезмерности и непрерывной активности. Когда вы пытаетесь получить как можно больше впечатлений, наполнив себя ими до краёв, вы, с одной стороны, постоянно вовлечены в их поиск, с другой — перегружаете себя, и ваше восприятие грубеет. Длительное раз-

мышление притупляет ум, да и любое длительное действие приносит плоды в виде истощения энергий действующего.

Какую бы полноту вы ни искали, вы вовлекаетесь в процесс, выйти из которого будет сложно. Если вы хотите накачать свой ум знаниями, то их придётся всё время обновлять, поскольку наука не стоит на месте. Если вы ищете внутренней наполненности хорошими ощущениями, призванными вытеснить зияющую пустоту, которую чувствуете всё время, то выбранный вами путь ведёт в никуда.

Допустим, что когда-то вам внушили идею о необходимости проводить время с пользой для себя и окружающих. И вот теперь вы вынужденно заполняете свободное время как бы полезными занятиями, но на деле — остаётесь в беспокойстве, не позволяющем вам расслабиться. Примеров наполнения внешних и внутренних пространств, которым занимаются люди, можно привести множество. Привычка избегать пустоты и праздности укореняется так глубоко, что иной жизни большинство людей уже не может себе представить. Чистое безделье теперь недоступно свободным людям, ведь даже изнемогая от усталости, они продолжают смотреть в смартфоны, наполняя свой ум не нужной никому информацией.

Замечание про золото и яшму можно рассматривать как продолжение темы зависти народа к обладателям драгоценных вещей, но я бы сказал, что здесь нам указывается на невозможность сохранения никакой наполненности. Даже поставив охрану в зал с золотом, богач не обретёт желанного покоя, потому что охранники — тоже люди, и доверять им нельзя. И чем себя ни наполняй, от печали и беспокойства избавиться навсегда не удастся, а значит, нужно будет наполнять себя снова и снова.

В предыдущей главе Лао Цзы описывал правильный способ жить, теперь он описывает неправильный способ. Кич-

ливость знати раздражает людей, и ни о каком дружелюбии в этой ситуации говорить не приходится. И если мы понимаем, что недеяние — это внутреннее состояние, то стремление к наполненности противостоит возможности его достижения.

Умение оставаться незанятым — ключ к успеху во взаимодействии с дао. Когда ваше внутреннее пространство заполнено, ничего нового в него не войдёт. Когда ваш ум занят обработкой информации, он закрыт для прозрений. Поэтому лучше ничего не делать, чем стремиться к тому, чтобы что-либо наполнить. Тот, кто понял эту простую истину, способен изменить свою жизнь.

Гонясь за наполненностью, вы вынуждены постоянно действовать, даже если ваше действие связано с поддержанием состояния пресыщенности и полноты. Дело не завершается, пока вы живы, а значит, и устранившись из него вы не можете. Закон небесного дао нарушен, и вы будете жить в беспокойстве и истощённости. Тот, кто не привязан к действию и его плодам, внутренне свободен. Ему даже устраниваться не нужно, поскольку он участвовал в деле несколько условно. Сделал — и забыл, не утратив внутреннего покоя ни на мгновение. Следствием недеяния становится жизнь «здесь и сейчас», о которой теперь так любят говорить люди, стремящиеся наполнить себя осознанностью и Светом. Избавиться от стереотипа утверждающего, что полнота лучше пустоты, не так уж и просто.

Если душа и тело будут в единстве, можно ли сохранить его? Если сделать дух мягким, можно ли стать [бесстрастным] подобно новорождённому? Если созерцание станет чистым, возможны ли тогда заблуждения? Можно ли любить народ и управлять страной, не прибегая к мудрости? Возможны ли превращения в природе, если следовать мягкости? Возможно ли осуществление надеяния, если познать все взаимоотношения в природе?

Создавать и воспитывать [сущее]; создавая, не обладать [тем, что создано]; приводя в движение, не прилагать к этому усилий; руководя, не считать себя властелином — вот что называется глубочайшим дэ.

Работа по переводу тонких ощущений или такого же тонкого восприятия в обычные слова — всегда сложная. Всякое может получиться в итоге, а если при созерцании Истины тебя накроет очередной волной блаженства или захлестнёт безмолвием, то и вообще передать что-либо будет очень трудно.

Иногда предмет, о котором говорит мистик, настолько велик и невероятен, что приходит даже не вдохновение, а возвышенно-изменённое состояние, и тогда уже речи мистика становятся совсем поэтичными и непонятными. И вот эта череда полуриторических вопросов, заданных читателю, косвенно указывает на то, что и Лао Цзы тоже время от времени «накрывало с головой». Хотя определённое впечатление они, конечно, производят, что немудрено: энергия состояния пишущего всегда передаётся тексту.

Можно ли сохранить единство души и тела? В данном случае мы не будем вникать в вопрос, что автор имеет в виду под словом «душа». Можно, пока тело не умрёт; что, впрочем, очевидно.

Можно ли стать бесстрастным, подобно новорождённому, сделав дух мягким? Исходя из контекста, я бы заменил «дух» на «нрав» или «характер». У новорождённого нет никакого характера, да и желаний (страстей) нет пока тоже. И если понимать бесстрастность как отсутствие желаний, то мягкий нрав в этом не слишком помогает. Требуется серьёзная работа над собой, в которой обязательно выкуется воля, а вот потом, пройдя необходимую духовную трансформацию, дух сам собой смягчается. Так что если мягкость духа достигается в трансформации, тогда, конечно, получится уподобить мистика новорождённому; говорят же о смерти и новом рождении мистика в процессе духовного преобразования. Не совсем понятно, зачем вообще нужно это сравнение, но раз уж ум познаёт вещи, сравнивая их друг с другом, то пусть будет.

Если созерцание станет чистым, то заблуждений относительно своих состояний и мотивов у человека не останется. Что касается внешних ситуаций — созерцание не вносит в них ясности, здесь работает иное восприятие, да и оно никогда не бывает абсолютно совершенным. Человек не должен стремиться к тому, чтобы знать всё, потому что этим он нарушит естественный ход вещей. А значит, заблуждения относительно своей объективной роли в происходящем у него могут сохраняться. Но это, между нами говоря, не так уж и важно.

Можно любить народ и править им согласно тому, что понимаешь под мудростью. Всё относительно, и если Лао Цзы говорит нам об истинной мудрости, присущей совершенным, то вопрос праздный, поскольку никто из них не ста-

нет правителем. Если же говорить об обычных человеческих существах, то их мудрость основана на личном опыте, который бывает весьма специфическим, так что, любя свой народ, они наделают немало бед. А так все прибегают к мудрости, без неё никуда.

Возможны ли превращения в природе, если следовать мягкости? Когда речь идёт о внутренних превращениях в человеческой природе, при помощи жёстких вмешательств большого успеха не добьёшься. Ум умеет контролировать и подавлять — но это никакая не мягкость. Воздействие энергии Сознания на внутренние состояния куда мягче; кроме того, она готовит почву для самых настоящих превращений. Ум запирает, Сознание освобождает.

Если же Лао Цзы имеет в виду превращения во внешней природе, тогда принцип мягкости действительно помогает во взаимодействии с живой природой и бесполезен для воздействия на неживую. Растить цветок и строить дорогу — не одно и то же.

Возможно ли осуществление надеяния, если познать все взаимоотношения в природе? Понимая надеяние как внутреннее состояние, мы должны говорить о внутренней природе, о естестве человека. Не зная, как устроен ум, как формируются желания и возникают эмоции; не зная механизмов контроля и подавления эмоций и желаний; не понимая роли идей и их влияния на наше поведение и реакции, нам никогда не прийти к состоянию надеяния. Познание себя — прямое следствие осознанности, без которой надеяние неосуществимо, хотя сымитировать надеяние можно, убедив себя в том, что ты уже не делатель, а наблюдатель действия. У каждой истинной вещи есть свой суррогат, и надеяние исключением не является. Поэтому можно найти немало людей, практикующих надеяние, но совершенномудрых днём с огнём не сыщешь.

Если же мы подумаем о познании всех взаимоотношений во внешней природе, то нам их никогда не познать; да и недеяние, с ними связанное, будет меланхоличным наблюдением за тем, как осень сменяет лето, а потом приходит зима. Говорят, что ничегонеделание мистически настроенных людей делает их жизнь приятной и неотягощённой; но вряд ли Лао Цзы описывает именно такое недеяние.

И вот мы подошли к очередному туманному термину, непонятность определений которого и делает его туманным. Исследователи, вникавшие в смыслы «Дао Дэ Цзин» задолго до меня, пришли к выводу, что «дэ» в нём представляет собой «постоянные свойства» вещей, их качества. Кроме того, в определённом контексте «дэ» может означать этическую норму, нравственность. Так или иначе, но дао проявляется в мире через дэ, а описание этого процесса будет меняться в зависимости от того, какой уровень Бытия рассматривается.

Итак, приступим. Создавать и воспитывать сущее — это уровень Бога-Творца, никому другому такое не под силу. Создавая, не обладая тем, что создано, отдавая ход вещей под власть законов, по которым существует мир, и наделяя людей свободой воли, — способен только Творец. Ну, и на своём уровне — совершенномудрый. Тот, кто не привязывается к плодам своих действий и не становится их обладателем, считая их своими, по определению обладает глубочайшим дэ. То есть что-то от Творца проявлено и в совершенномудром.

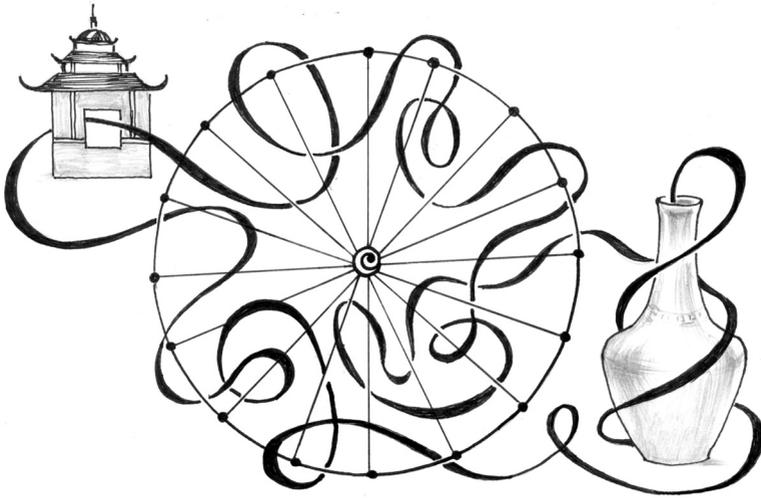
Приводя в движение, не прилагать к этому усилий может быть и уровнем Творца, а может — уровнем Его Воли: то есть законов, согласно которым существуют мир и цикл появления и исчезновения всех вещей в нём. Что-то подобное, как мы знаем, может делать и совершенномудрый. На суфийском Пути следовать Воле Бога безуильно невозможно, но если ты становишься проводником Воли, тогда качество дей-

ствия меняется, и твои усилия уже как бы и не усилия: действует Воля, связывающая тебя с Творцом.

Руководя, не считать себя властелином — это уже больше уровень людей и их нравственности. Человек без эго не отождествляется с ролями, которые ему порой приходится выполнять. Человек, обременённый эго, будет чувствовать свою власть, и она напитает и изменит его. Постоянства здесь и в помине не будет, дэ начнёт исчезать, а равновесие дао нарушится.

К обсуждению термина «дэ» мы ещё не раз вернёмся, ведь он настолько важен, что входит в название исследуемого нами текста — «Дао Дэ Цзин».

Тридцать спиц соединяются в одной ступице, [образуя колесо], но употребление колеса зависит от пустоты между [спицами]. Из глины делают сосуды, но употребление сосудов зависит от пустоты в них. Пробивают двери и окна, чтобы сделать дом, но пользование домом зависит от пустоты в нём. Вот почему полезность [чего-либо] имеющегося зависит от пустоты.

Парадоксальность мышления мистика есть следствие восприятия, далеко выходящего за пределы привычного и обычного для людей. Все знают, что полный стакан лучше пустого; все предпочитают иметь побольше, видя в избытке вещей залог счастливой жизни. Пустота ассоцииру-

ется с утратой и одиночеством; люди воспринимают её негативно.

Ум стремится к завершению начатого: выполнить желаемое, сделать намеченное, прояснить непонятное. Поэтому любая пустота, с точки зрения ума, должна быть чем-то заполнена. Незавершённость вызывает дискомфорт, заполнение пустоты приносит уму спокойствие.

О чём нам говорит Лао Цзы? Полезность пустоты — в потенциале её использования; как только он растрочен, ничего нового уже не произойдёт — во всяком случае, до тех пор, пока вы не восстановите изначальную пустоту. Если думать только о внешнем, то это утверждение интересно и даже забавно, но не более того. Но когда мы рассмотрим его как ключ к внутренней трансформации, оно станет весьма полезным.

В обычном состоянии у людей вообще нет ощущения внутреннего пространства, потому что оно заполняется подавленными эмоциями и желаниями ещё в детстве. Мало кто знает о существовании внутреннего пространства, и ещё меньше сумели осознать его и очистить. Так вот, пока оно забито под завязку тем, что мы боимся выразить и осуществить, у нас нет шансов на изменения. В этом смысле наш духовный потенциал почти равен нулю. Можно накачивать себя светлыми идеями, но тогда мы ещё более отдаляем себя от обретения пустоты, в которой могут проявиться высшие энергии. Можно сколько угодно рассуждать о любви, но не знать её ни в каком другом виде, кроме страсти, густо приправленной похотью. Очищение пространства внутри себя требует усилий по осознанию и выражению подавленного.

Внутреннее пространство человека не имеет отношения к его физическому телу; оно возникает из сочетания пространств эфирного (эмоционального) тела и тела ума. И чем больше в нём пустоты, тем выше возможность взаимодей-

ствия с Творцом или (по Лао Цзы), тем выше вероятность обретения человеком глубочайшего дэ.

Пустота сердца в «Дао Дэ Цзин» — это свобода от желаний. Хотя и в сердечном центре при его открытии появляется ещё одно пространство, не связанное с тем, что достигается очищением от подавленного. Оно открывается в бесконечность, и можно обоснованно заявить, что чем больше пустых пространств появляется в человеке по мере его продвижения по Пути, тем выше потенциал его возможностей; тем ближе он к Творцу и Абсолюту, и тем более совершенна его гармония с дао.

Пять цветов притупляют зрение. Пять звуков притупляют слух. Пять вкусовых ощущений притупляют вкус. Быстрая езда и охота волнуют сердце. Драгоценные вещи заставляют человека совершать преступления. Поэтому совершенномудрый стремится к тому, чтобы сделать жизнь сытой, а не к тому, чтобы иметь красивые вещи. Он отказывается от последнего и ограничивается первым.

Повторение — мать учения, и вот Лао Цзы снова говорит о вреде чрезмерности. Избыток впечатлений притупляет восприятие; практика затвора в изоляции от внешнего мира, применяемая в ряде мистических школ, имеет своей целью создать пустоту в уме, лишённом впечатлений. Пребывая в полной темноте, не слыша внешних звуков, не имея собеседников и повседневных забот, человек получает шанс освежить и развить своё восприятие. В отсутствии внешних впечатлений он открывается внутренним ощущениям, что частенько приводит к прорыву в работе над собой. Впрочем, неподготовленный к такому испытанию человек вместо прорыва может получить самый настоящий нервный срыв; не каждое лекарство подходит всем на свете.

Ну и конечно, освободившись от давления грубых внешних впечатлений, человек становится открытым для впечатлений куда более тонких; а пустота может на время наполниться Светом, Любовью или такой энергией, которой и названия не подберёшь.

В двух последних предложениях Лао Цзы опять подчёркивает приоритет необходимостей над желаниями, указы-

вая на то, что совершенная мудрость основана на отказе от них. Но, поскольку желания можно подавить, то у любителей буквального следования и здесь возникает соблазн относительно простого достижения высшей мудрости: запретить желаниям проявляться — и дело с концом. Мне доводилось видеть несчастных, искренне утверждавших, что у них нет желаний. То, что мы запретили себе видеть, не исчезает от нашей слепоты, но поди докажи это тем, кто решил освободиться от «плохого» одним волевым усилием.

Если обычная мудрость является плодом жизненного опыта, то совершенная мудрость, по идее, должна иметь своим источником либо совершенный опыт, либо нечто совсем нереально-неземное. Выход из-под власти желаний сопровождается духовной трансформацией, которая, конечно, даёт человеку весьма специфический опыт. Но совершенство — не только мудрость, а ещё и незамутнённое страстями восприятие вещей, и свобода от автоматических реакций ума, и связь с дао. Вот и в слове «совершенномудрый» первым ставится совершенство, а уж вторым — мудрость. Имитировать мудрость проще, чем подражать совершенству, поскольку она больше связана со словами и обоснованием выполняемых действий. В совершенстве куда больше невыразимого, чем в мудрости, тем более что какую-никакую житейскую мудрость несут в себе все люди, а вот достигнуть совершенства хоть в малом удаётся далеко не всем.

В общем, жизнь без желаний более совершенна, чем жизнь, питаемая ими; но Лао Цзы не ставит перед собой задачи дать нам подробную схему, как прийти к такому уровню бытия; он описывает причины страданий и указывает на возможность избавления от них. Сам же путь превращения из ограниченного обывателя в совершенномудрого человека остаётся неопианным, а в чём-то, может быть, и неопируемым.

Слава и позор подобны страху. Знатность подобна великому несчастью в жизни. Что значит, слава и позор подобны страху? Это значит, что низестоящие люди приобретают славу со страхом и теряют её также со страхом. Это и называется — слава и позор подобны страху.

Что значит, знатность подобна великому несчастью в жизни? Это значит, что я имею великое несчастье, потому что я [дорожу] самим собой. Когда я не буду дорожить самим собой, тогда у меня не будет и несчастья. Поэтому знатный, самоотверженно служа людям, может жить среди них. Гуманный, самоотверженно служа людям, может находиться среди них.

Лао Цзы продолжает делать заявления, идущие вразрез с общепринятыми мнениями. Кто бы отказался от знатности, к которой прилагаются богатство, почёт и хорошие связи в верхах? Жить в праздности (не путать с бездельем) и достатке мечтает чуть ли не подавляющее большинство людей. Это, как вы понимаете, идеальные условия для выполнения желаний: много свободного времени и много денег. И вот мудрец Лао Цзы говорит, что знатность и слава подобны великому несчастью в жизни. Конечно, эти слова станут сладкой музыкой в ушах неудачников, но нормальных людей они несколько удивят.

Человеческое эго питается вниманием окружающих. Предпочитается одобрительное, хвалебное внимание; но в наши странные времена люди научились питаться осуждением; как говорится, пишите про меня, что угодно, толь-

ко фамилию не перепутайте. То, что многие боятся позора, — это факт, и что получив свои пятнадцать минут славы, люди боятся её потерять — тоже очевидно, но Лао Цзы пишет не совсем об этом.

Освободившись от зависимости во внимании окружающих, мы избавляемся от страха осуждения и желания одобрения. И опять приходится говорить о том, что воображаемая свобода, созданная намерением игнорировать мнения людей о тебе, не равна истинной свободе, которая является следствием освобождения от эго и эго программ. Проблема эго в том, что оно создаётся только и исключительно для общения с людьми и из необходимости взаимодействовать с ними. Поэтому оно и зависит от их мнений, ведь в общении с людьми всегда имеется вполне конкретная цель. Даже если вы поддерживаете необязательную беседу, то её целью будет нежелание выглядеть невежливыми и грубыми. Или, говоря иначе, вы хотите выглядеть хорошими людьми, и это — та самая конкретная цель.

Волевым усилием от эго не избавиться, хотя оно может начать игру, в которой притворится, что с ним покончено и никаких эго-мотивов в ваших действиях больше нет. Такое тоже случается с людьми, и общаться с ними после их успешного «самоисцеления» — настоящее мучение. На деле деконструкция структур эго в уме происходит не в одночасье и осуществляется с помощью всё того же внимания, только теперь — своего собственного. Однако, пока существуют желания, полного избавления от эго всё равно не случится, и корни эго в уме останутся. Только после трансформации ума, как части общей духовной трансформации, эго стирается окончательно.

Когда Лао Цзы говорит о несчастье из-за того, что «я дорожу самим собой», он описывает обычную ситуацию эго. Соответственно, и избавление от страдания прямо связано

с избавлением от эго. Далее идут странноватые рекомендации, которые по контексту, вроде бы должны помочь людям перестать дорожить собой, и их следует рассмотреть повнимательнее.

Для начала: знатность можно понимать как состояние человека, обладающего сильным и хорошо скомпенсированным эго. А нижестоящие — это люди с комплексом неполноценности, проявленным в большей или меньшей степени. И тогда становится понятнее, почему нижестоящие приобретают и теряют славу со страхом. Для людей с комплексом неполноценности страх — очень привычное переживание. А описание знатного, дорожащего собой, тоже хорошо отражает состояние человека с прокачанным и раздутым эго.

Лао Цзы предлагает самоотверженное служение нижестоящим в качестве «лечения» для знатных. Как мы знаем, благотворительностью занимается немало знаменитостей и богачей. Стремятся ли они успокоить свою совесть или искренне хотят помочь обделённым — дело второе. В любом случае, их эго вследствие активной общественной деятельности или тайных пожертвований не только не стирается, но становится ещё крепче. «Хорошие» поступки обычно способствуют укреплению ощущения собственной важности, а не ослабляют его. И если Лао Цзы даёт совет для выживания — дескать, служи людям, и они тебя не тронут, — тогда совет полезный. Но для стирания эго одного только самоотверженного служения явно недостаточно.

Служение может обнажить твои проблемы — высокомерие, желание похвалы и прочие желания, требующие для своего осуществления немалого времени, которое гораздо приятнее тратить на себя любимого, чем на всяких там страждущих. Служение создаст внутреннее трение, но польза от него будет только при условии целенаправленного осознания своих реакций и состояний; то есть — при уже ведущей-

ся внутренней работе. Эго твоё откроется с неявных прежде сторон, и с ними можно будет что-то делать. Служение людям как этап практики на Пути — полезно, и оно может принимать различные формы. Впрочем, совершенномудрый тоже служит людям, восстанавливая равновесие дао или приводя вещи в движение через недеяние. Тот, кому нечего для себя желать, порой помогает людям больше, чем тот, кто сделал служение целью своего существования, но так и не освободился из-под власти собственного эго.

Гуманный — это человек, озабоченный идеями человеколюбия и чувствующий их важность и полезность. То есть он тоже знатный и даже возвышенный. Так что всё, сказанное мной выше, относится и к его ситуации. Любить людей, находясь среди них, бывает очень непросто, так что тренинг здесь тоже обеспечен. И тогда кто-то из гуманных может разочароваться в людях, а кто-то — в себе; мудрый же использует возникшую ситуацию для того, чтобы вырасти в осознанности и прийти к восприятию реальности такой, какая она есть, без фильтров в виде идей гуманности или каких-нибудь других. Что для одного — повод к падению, для другого — трамплин к прыжку на новый уровень бытия.

Смотрю на него и не вижу, а поэтому называю его невидимым. Слушаю его и не слышу, поэтому называю его неслышимым. Пытаюсь схватить его и не достигаю, поэтому называю его мельчайшим. Не надо стремиться узнать об источнике этого, потому что это едино. Его верх не освещён, его низ не затемнён. Оно бесконечно и не может быть названо. Оно снова возвращается к небытию. И вот называют его формой без форм, образом без существа. Поэтому называют его неясным и туманным. Встречаюсь с ним и не вижу лица его, слеую за ним и не вижу спины его.

Придерживаясь древнего дао, чтобы овладеть существующими вещами, можно познать древнее начало. Это называется принципом дао.

Как ни пытайся описать неопишуемое, понятнее от этого оно не станет, поэтому Лао Цзы использует метод перечисления того, что не обнаруживается, ведь ничего больше особенно и не скажешь. Первая фраза этой главы звучит как известный мем о суслике, которого никто не видит, а он есть. Дао не услышишь, не увидишь и не почувствуешь никаким из привычных для нас органов чувств, но как же тогда о нём узнал сам Лао Цзы?

Проблема восприятия Бога существует ровно столько, сколько тысяч лет люди пытались вступить с Ним в прямой контакт. Там, где не работало зрение, использовалось воображение, духовные видения могли быть истинными, а могли оказаться галлюцинациями; во все времена до-

стоверность взаимодействия с Богом того, кто заявлял, что установил контакт с Ним, проверить было сложно. Доказательством служили разнообразные чудеса; и кто мог сотворить чудо, тот подтверждал свои претензии на близость к Богу, а кто не мог — зачислялся в обманщики.

Невидимого Бога нужно было сделать видимым — и так в большинстве религий появлялись Его изображения, благодаря которым общение с Творцом сильно упрощалось. Другими словами, с проблемой, описываемой Лао Цзы, в разные времена справлялись примерно одинаково. Разница только в том, что Лао Цзы, в отличие от тех, кто обращался к иконам и статуям, не видя дао глазами, всё равно воспринимает его непреходящую реальность.

И в этом мы обнаруживаем разницу в восприятии между мистиками и обывателями. Когда внутри человека открывается пустота, в ней появляются не только новые энергии, но и новое знание. Откуда я знаю об Абсолюте? Из взаимодействия с ним. Но опыт взаимодействия — это одно, а знание Источника — совсем другое. Дверь к его видению и восприятию открывается один раз, но всю доступную для тебя ты информацию усваиваешь постепенно. Есть визуальный образ, и есть прямое, ничем не обусловленное, знание. Ты видишь закулисную механику мира и имеешь общее знание о ней. Оно появляется не из созерцания и не из анализа ощущений; оно даётся тебе как ответ на твою потребность в понимании происходящего. Но если твой ум беспокоен, а внутреннее пространство заполнено, то твоё восприятие ещё не раскрылось, и не надо спешить с познанием того, что от тебя скрыто твоим собственным состоянием.

Описывать неопишемое сложно. Нужно подбирать слова, хоть сколько-то приближающиеся по смыслу к предмету описания, но найти такие слова не всегда удастся. И вот Лао Цзы говорит, что у дао нет источника, как нет его и у непро-

явленной части Бога, которую я называю Абсолютом. В нём одновременно — конец и начало всего, что было и что ещё только будет. Его верх не освещён, и низ не затемнён потому, что в нём нет ни Света, ни Тьмы. Да и верха с низом нет тоже. А называют его формой без форм и образом без образа именно потому, что человеческому уму невозможно воспринимать бесформенное, и у него в момент познания всё равно появляется какая-то форма, пусть даже туманная и расплывчатая. И знание, приходящее одновременно с этим, сообщает, что никакой формы нет и быть не может. Но что-то всё-таки есть, хотя, глядя из проявленного мира в непроявленный, ничего толком не разглядишь. Поэтому тот, в ком больше пустоты, и знает о непроявленном больше, чем тот, кто переполнен всякой прекрасной и ужасной всячиной.

И если под овладением существующих вещей подразумевается обретение Знания, тогда понятно, что только тот, кто держится не наполненности, а пустоты, способен познать Первопричину. Таков закон познания Творца и Абсолюта, который Лао Цзы называет принципом дао.

В древности те, которые были способны к учёности, знали мельчайшие и тончайшие [вещи]. Но другим их глубина неведома. Поскольку она неведома, [я] произвольно даю [им] описание: они были робкими, как будто переходили зимой поток; они были нерешительными, как будто боялись своих соседей; они были важными, как гости; они были осторожными, как будто переходили по тающему льду; они были простыми подобно неотделанному дереву; они были необъятными подобно долине; они были непроницаемыми подобно мутной воде. Это были те, которые, соблюдая спокойствие, умели грязное сделать чистым. Это были те, которые своим умением сделать долговечное движение спокойным, содействовали жизни. Они соблюдали дао и не желали многого. Не желая многого, они ограничивались тем, что существует, и не создавали нового.

Говорят, что просветлённым свойственно хорошее чувство юмора, хотя пример Кришнамурти нас в этом не убеждает. Возможно, он был исключением из правила; в любом случае, при чтении пятнадцатой главы возникает ощущение, будто Лао Цзы слегка посмеивается над читателями.

Обращение к древности обычно используется, чтобы показать правильный порядок вещей, который позже был искажён или вообще утрачен. По этой логике мудрецы древности должны быть сверхсовершенными, но автор сначала заявляет, что описывает их произвольно, а потом рисует образы, мало совместимые с представлением обывателей о сверхлюдях.

Ну ладно, мудрецы древности знали мельчайшие и тончайшие вещи. Помня, что Лао Цзы называет дао мельчайшим, то и древние, получается, знали невидимое и следовали ему. Фраза «другим их глубина неведома» показывает, что их глубина, безусловно, известна автору текста, иначе следовало бы написать: «но мне она неведома». Поэтому заявление о произвольном описании менее, чем иронией, не назовёшь; а по зрелому размышлению она выглядит чистой насмешкой над теми, кому что ни пиши — всё равно понять не смогут.

Вот краткая характеристика древних мудрецов: они были робкими, нерешительными, важными, осторожными, простыми, необъятными и непроницаемыми. Качества, прямо скажем, не слишком выдающиеся, и у многих обывателей имеющиеся в избытке. Возжелать себе таких качеств никому не захочется, ведь это ищет силы и влияния, а не какой-то там робости и нерешительности. Насмешка вкупе с противопоставлением представлений о совершенных привычным образам героев — налицо. Но я, как добросовестный комментатор, всё же попробую найти какие-нибудь возвышенные или хотя бы полезные смыслы в этой шутке.

Понятно, что названия качеств, вырванные из контекста, теряют конкретику смысла, к ним привязанного. Итак: они были робкими, словно переходили зимой поток. Другими словами, их робость возникала от понимания, что одно неверное движение может стоить им жизни. Переходить бурный поток зимой — занятие не из приятных, да и не из лёгких, наверное, тоже. Свалишься в него — и если даже сумеешь выбраться, всё равно замёрзнешь насмерть. И раз уж мудрецы видели мельчайшие и тончайшие вещи, значит, понимали, с какой огромной силой они имеют дело. Отсюда и робость, и почтение к великой силе, создающей все вещи и их же уничтожающей.

Если ваши соседи — люди активные, то вам придётся хорошенько подумать перед любым действием, которое может нарушить их покой. А что такое нарушение покоя, как не утрата гармонии? Нерешительность мудрецов была связана с тем, что они взвешивали каждый свой шаг, внутренне согласовывая его с равновесием дао и сиюминутной гармонией или дисгармонией Творения. И это, в общем, не нерешительность даже, а простое прислушивание к своим ощущениям; не размышление о последствиях, а использование возможностей своего восприятия. Но со стороны, конечно, такое может выглядеть как топтание на месте и оттягивание решения.

Мы не знаем, что там было с гостями во времена Лао Цзы, и существовал ли какой-то особый этикет их поведения. Природа важности гостей неясна, поэтому я бы обратил внимание на суть: мудрецы ведут себя, как гости. В нашем мире они — в гостях, и потому ничего им не принадлежит, ничем они не обладают, и нет у них далеко идущих планов на жизнь в этом месте. Они побудут здесь и уйдут, не оставив следа; и ничто, кроме, может быть, присущей гостям вежливости, их здесь не держит. Вот что имеет в виду Лао Цзы, говоря о древних мудрецах, и, конечно же, говоря о себе на их примере.

Осторожность древних имеет ту же природу, что робость и нерешительность, — тут добавить нечего.

Неотделанное дерево, с которым сравнивают простоту мудрецов, символизирует отсутствие у них эго. Создание и постепенное усложнение человеческой личности и есть отделка дерева, а точнее, сущности человека. Они просты, потому что не кичливы, бесстрастны и не стремятся занять чьё-нибудь место.

Необъятность указывает нам на их внутренние пространства и связь с бесконечностью.

Непроницаемость — свойство мистиков, позволяющее им оставаться среди людей. Вы можете каждый день видеть мудреца и обсуждать с ним малозначительные темы, но ничего не знать про его необъятность, пределы восприятия и прочие непонятные способности и состояния. И я бы сказал так: чем выше уровень бытия мистика, тем выше его непроницаемость — просто в силу того, что приближение к дао сопровождается отдалением от мира и его вещей.

Когда Лао Цзы говорит об умении делать грязное чистым, вряд ли он имеет в виду стирку белья или уборку по дому; хотя и этим, конечно, можно заниматься, сохраняя спокойствие. Тем не менее, более адекватным выглядит вариант с внутренней чистотой: очищением ума от привязанностей и заикленностей, избавлением от подавленных энергий и тому подобных действий. Кроме того, обретая внутреннюю гармонию, древние мудрецы делали более спокойной жизнь окружающих людей. Бывают такие эффекты — когда один праведник своим присутствием спасает целое село от больших и малых напастей, призванных вовлечь местных жителей в страдания. Энергии мудреца так влияют на равновесие сил в данной местности, что в бессознательном страдании людей больше нет необходимости, и какие-то события стираются из их Узоров, так и не случившись. Вот почему всегда полезно селиться неподалёку от мудреца, но вот где сейчас такого найти — не совсем понятно.

Далее Лао Цзы говорит об отсутствии желаний у древних, благодаря которому они не создавали нового. Спорить здесь не с чем — если нет желаний, то не возникнет необходимости делать новое. Ну разве что написать трактат о пользе избавления от желаний, а больше — ничего.

Нужно сделать [свое сердце] предельно беспристрастным, твёрдо сохранять покой, и тогда все вещи будут изменяться сами собой, а нам останется лишь созерцать их возвращение. [В мире] — большое разнообразие вещей, но [все они] возвращаются к своему началу. Возвращение к началу называется покоем, а покой называется возвращением к сущности. Возвращение к сущности называется постоянством. Знание постоянства называется [достижением] ясности, а незнание постоянства приводит к беспорядку и [в результате] к злу. Знающий постоянство становится совершенным; тот, кто достиг совершенства, становится справедливым; тот, кто обрёл справедливость, становится государем. Тот, кто становится государем, следует небу. Тот, кто следует небу, следует дао. Тот, кто следует дао, вечен, и до конца жизни [такой государь] не будет подвергаться опасности.

Когда у тебя нет ключа к пониманию текста, приходится фантазировать, придумывая свои смыслы, которые в нём вроде бы содержатся. В этой главе мы имеем дело с чередой определений, трактовать которые можно достаточно широко, но я скажу сразу, что речь в ней идёт о достижении истинной непривязанности. Известно, что привязанности возникают как следствие желания получать удовольствие и пребывать в комфорте, всегда имея под рукой то, что тебе нужно сейчас или может понадобиться в неопределённом будущем. Мы не привязываемся к тому, что нам безразлично, и не хотим того, чему не можем найти применение. И,

конечно, нам хочется, чтобы то, что нам нравится, никогда не кончалось и существовало вечно; поэтому самовлюблённым людям бывает так трудно умирать. Но всё всегда кончается, и тот, кто понял эту крайне простую истину, легко поймёт суть шестнадцатой главы «Дао Дэ Цзин».

Беспристрастность — следствие отсутствия страстей, то есть желаний; покой — абсолютное условие всех достижений совершенномудрого и тоже результат избавления от желаний и страхов. Дальше начинается перечисление определений, описывающих путь вещей к истинному постоянству, которое, как мы понимаем из первой главы, не может быть выражено словами.

Итак, все вещи изменяются сами собой. Единственный вид спонтанного изменения вещей — их старение и разрушение. Возвращение к началу — путь от бытия к небытию. Если в основе бытия лежит небытие, то возвращение к нему и будет возвращением к подлинной сущности всего сотворённого. Существование чего бы то ни было непостоянно, оно ограничено во времени. Постоянство достигается возвращением к дао, что означает исчезновение из мира (да и исчезновение мира тоже). Конец света по Лао Цзы выглядит очень спокойно: все вещи вернуться в непроявленное, и это хорошо и правильно.

Всё, что проявляется, вносит беспокойство в мир. Проявленная эмоция, например, нарушает покой человека. Поэтому исчезновение проявленного приносит покой, да и выражение эмоции, которая при этом рассеивается и исчезает, способствует возвращению покоя. Всё, от чего мы избавляемся внутренне и внутри, увеличивает наш покой.

Осознание непостоянства вещей, ясность видения их преходящей сущности лишают смысла все привязанности. Хотя, говоря между нами, человек без желаний и так уже ни к чему не привязан. Что значит знание постоянства? Обрете-

ние слоя небытия внутри себя; ничто иное истинным знанием постоянства считаться не может. Все знают, что рано или поздно умрут, и что всё существующее когда-то исчезнет. И кого это спасает от стяжательства и страданий из-за ерунды? Вот и получается, что абстрактное знание не особенно помогает, а зло, которое люди творят из-за своих привязанностей и желаний, вполне очевидно, и с конкретными его случаями можно ознакомиться в любой криминальной хронике.

Тот, кто взаимодействует с дао, обретает в себе сначала пустоту, а потом и небытие. Согласно Лао Цзы, такой человек становится совершенным; дошедшим до высших ступеней возможной для себя эволюции. Далее идут трудности перевода — и «справедливость» я бы заменил на «объективность». Человек, не имеющий идей и желаний, видит то, что есть, а не то, что хочет увидеть. Поэтому совершенный может быть объективным, что значит — лишённым заблуждений.

И наконец, совершенный становится государем. Понятно, что речь идёт не о внешней, а о внутренней власти. Человек владеет собой в хорошем смысле слова — он хозяин своих состояний, и им не управляют автоматические реакции ума; он свободен от страстей, и они не руководят его решениями. Он — государь самого себя. Но, не имея желаний, найти себе занятие, не связанное с удовлетворением простейших своих нужд, будет довольно сложно, и тогда государь начинает следовать небу, а проще говоря — выполнять Волю Творца. Через следование Воле он приходит к взаимодействию с Абсолютом и следует дао. Тот, кто следует дао, открывает для себя вечность (и бесконечность) ровно потому, что даоечно и бесконечно. Поскольку слово «вечен» стоит в связке со словами «и до конца жизни», я не советовал бы воспринимать его буквально.

Не стал бы я относиться буквально и к утверждению «не будет подвергаться опасности». Для людей, полных страха, подобное заявление выглядит слишком привлекательно, и они вкладывают в него свои сокровенные смыслы. Но для Лао Цзы опасность — это неправильное поведение с людьми (кичливость и прочее), неправильное отношение к себе (дорожить собой) и вообще всё, что относится к реанимации эго и страстей. Перед нами — указание на то, что достигший совершенства и ставший государем обретает постоянство состояний, и уже не может «упасть» назад, в прежние заблуждения и проблемы. Совершенство нельзя утратить, и возможности для возврата к низшим состояниям здесь нет.

Лучший правитель тот, о котором народ знает лишь то, что он существует. Несколько хуже те правители, которые требуют от народа их любить и возвышать. Ещё хуже те правители, которых народ боится, и хуже всех те правители, которых народ презирает. Поэтому, кто не заслуживает доверия, не пользуется доверием [у людей]. Кто вдумчив и сдержан в словах, успешно совершает дела, и народ говорит, что он следует естественности.

От внутреннего государя Лао Цзы переходит к внешним правителям. Совершенен тот, кто правит настолько незаметно и точно, что потребности людей удовлетворяются по мере их возникновения. Можно, конечно, сказать, что совершенный правитель осуществляет недеяние, но если всерьёз говорить о нём как о внешнем действии, то оно сразу превращается в некий магический акт. Но там, где законы справедливы и выполнение их гарантировано, в постоянном вмешательстве высшей власти в дела народа нет никакой нужды.

В общем, в этой главе автор рисует картину деградации власти, чтобы проиллюстрировать, как осуществляется утрата естественности и совершенства. Картина точная, ничего не скажешь; однако данный нам пример имеет ещё одно толкование, прямо связанное с тем, как люди воспринимают Бога.

Если вы точно знаете, что Бог существует, и ищете непосредственного взаимодействия с Ним, то вы движетесь к совершенству. Там, где требуется любить и возвышать Бога, воз-

никает религия, и какой бы прекрасной она ни была, связь уже утрачена, потому что к Богу не ходят строем. Умственно-чувственная любовь присуща людям вдохновлённого нафса, и это — высшее доступное состояние для тех, кто не преуспел в работе над собой. Боящиеся Бога относятся к людям осуждающего нафса, которые с опаской ждут страшного наказания за свои грехи. В тех религиях, где есть понятие греха, всегда много таких людей. Презирающие Бога — люди повелевающего нафса, для кого собственные желания важнее любых моральных предписаний; кроме того, к этой же категории принадлежат атеисты, верящие, что Бог выдуман глупыми, невежественными людьми вроде Лао Цзы.

У религии нет необходимости в прямом знании, зато нужна вера, которая более или менее успешно его заменяет. Но и в мирской жизни встречаются люди, уверенные в том, что правители лучше знают, как надо жить и что делать с народом и его несчастными чаяниями. Там, где нет точного знания, правят предрассудки, ожидания и надежды.

Когда устранили великое дао, появились «человеколюбие» и «справедливость». Когда появилось мудрствование, возникло и великое лицемерие. Когда шесть родственников в раздоре, тогда появляются «сыновья почтительность» и «отцовская любовь». Когда в государстве царит беспорядок, тогда появляются «верные слуги».

Плохо, когда связь с дао утрачена, и нет никого, кто видел бы суть вещей. Каждая религия начинается с тех, кто знает Бога и следует Его Воле, но затем правила и ритуалы создаются людьми, не имеющими подобного знания, зато вкладывающими своё ограниченное понимание в первоначальное послание и искажающими его. Идея — суррогат знания; и существует огромная разница между тем, чтобы ощущать Присутствие Бога, — или нести в своём уме идею о Его повсеместном Присутствии.

Состояние переполняющей любви, известное мистикам высокого уровня, и рядом не стояло с идеей любви к людям, предписываемой последователям какой-нибудь религии или духовного учения. Лао Цзы в очередной раз описывает деградацию, причиной которой становится утрата видения Истины и подмена Истины на красивые, но всё-таки суррогаты.

Что делать человеколюбивым с теми, кто не хочет любить людей? Как их вразумить и заставить поверить в благо, возникающее из любви всех ко всем? Требуется ли здесь применение наказания из любви или ограничения их права вы-

сказывать своё ложное мнение? Нужно ли их изолировать от общества, чтобы там, в тишине и спокойствии, они смогли проникнуться мыслью о пользе и необходимости человеколюбия?

Справедливость — вещь субъективная, и понимание её в зависимости от ситуации у разных людей будет разным. Более того, справедливости изначально нет среди людей, слишком уж они неодинаковые от рождения, и попытки насадить её искусственно всегда кончаются чьим-нибудь угнетением. Другими словами, идеи вносят раскол в человеческое общество, что иллюстрируется многочисленными примерами из жизни семьи и государства. Деление на «своих» и «чужих», на «наших» и «не наших» очень привычно для людей, поскольку они живут не связью с дао, а набором идей разной степени свежести и оригинальности. Они не видят Реальности, проецируя на неё свои исключительно важные сны о столь же важных вещах, близких страстному сердцу любого порядочного человека. Гармония с дао утрачивается, беспорядок нарастает.

Мудрствование, под которым понимается умничанье на пустом месте и раздувание слона из мухи, питает эго и усиливает привычное для него лицемерие. Поэтому, видимо, «Дао Дэ Цзин» и остаётся столь популярной книгой, ведь за тысячи лет, прошедшие с момента её создания, ничего у нас не изменилось.

Когда будут устранены мудрствование и учёность, народ будет счастливее во сто крат; когда будут устранены человеколюбие и «справедливость», народ возвратится к сыновней почтительности и отцовской любви; когда будут уничтожены хитрость и нажива, исчезнут воры и разбойники. Все эти три вещи [происходят] от недостатка знаний. Поэтому нужно указывать людям, что они должны быть простыми и скромными, уменьшать личные [желания] и освобождаться от страстей.

Если долго объяснять окружающим, что они — дураки, то рано или поздно тебя спросят о том, как стать умными. Тогда придётся предложить людям какое-то средство от их глупости, и желательно, чтобы оно было практически выполнимым; принцип «критикуя — предлагай» никто не отменял. То, что предлагает Лао Цзы, в общем, понятно, но трудноосуществимо без описания конкретных шагов по избавлению, например, от желаний. Его текст констатирует, что нужно устранить мудрствование, и на этом останавливается. Лао Цзы говорит, что нужно твёрдо сохранять покой, но на практике тем, кто последует его совету, придётся подавлять беспокойство, и ни к чему хорошему это усилие не приведёт.

В девятнадцатой главе особенно заметны трудности перевода: с одной стороны, предлагается устранить учёность, с другой — констатируется, что описываемые проблемы возникают из-за недостатка знаний. Понятно, что речь идёт об избавлении от тлетворного влияния идей и знания о дао,

а также мудрости, возникающей из следования ему. Но это нам понятно, а тем, кто не разобрался в смысловых нюансах предыдущих глав, придётся проигнорировать явную словесную несуразицу девятнадцатой главы, сосредоточив внимание на последнем её предложении.

Кроме того, «сыновняя почитительность» и «отцовская любовь», которые в предыдущей главе были признаками раздора, теперь стали спутниками благоденствия; что делать, если перевод запутанных по смыслу текстов позволяет воспринимать явные смысловые ошибки как составную часть этой запутанности? И действительно, от постоянных повторов и расплывчатых по смыслу словосочетаний в «Дао Дэ Цзин» можно слегка обалдеть, так что Ян Хин Шуна мы упрекать в ошибках не станем.

Суть послания этой главы понятна: чтобы обрести счастливую жизнь, нужно избавиться от идей и желаний; а тем, кто имеет знание, следует объяснить простым людям, что они должны быть ещё проще и скромнее, и им надо самостоятельно избавиться от страстей. Пожелание прекрасное, сказать нечего, но не слишком реалистичное с точки зрения получения результатов. С другой стороны, разве должен совершенномудрый лезть из кожи вон, чтобы убедить людей в том, что существуют варианты изменения их жизни к лучшему? Тем более, что такое им постоянно сулят политики, а мудрец занимает место позади всех. Лао Цзы сказал — а люди пусть решают, как им быть; он, как мог, поделился знанием и устранился. Кто хочет — ищет способ, кто не хочет — ищет оправдание.

Когда будет уничтожена учёность, тогда не будет и печали. Как ничтожна разница между обещанием и лестью, и как велика разница между добром и злом! Надо избегать того, чего люди боятся.

О! Как хаотичен [мир], где всё ещё не установлен порядок. Все люди радостны, как будто присутствуют на торжественном угощении или празднуют наступление весны. Только я один спокоен и не выставляю себя на свет. Я подобен ребёнку, который не явился в мир. О! Я несусь! Кажется, нет места, где мог бы остановиться. Все люди полны желаний, только я один подобен тому, кто отказался от всего. Я — сердце глупого человека. О, как оно пусто! Все люди полны света. Только я один подобен тому, кто погружён во мрак. Все люди пытливы, только я один равнодушен. Я подобен тому, кто несётся в мирском просторе и не знает, где ему остановиться. Все люди проявляют свою способность, и только я один похож на глупого и низкого. Только я один отличаюсь от других тем, что вижу основу в еде.

Учёность, как и прежде, считается источником многих бед. Если обещание ложное, то оно ничем не отличается от неискренней похвалы, поскольку и то, и другое — обман. Разница между добром и злом может быть весьма относительной, но раз уж Лао Цзы считает, что она велика, — пусть так и будет.

В книгах Карлоса Кастанеды образ совершенномудрого олицетворял собой дон Хуан, наставлявший Карлоса, помимо прочего, ещё и тому, что не нужно пугать бедных индей-

цев. Веди себя так, чтобы не вызывать страх у людей, и тогда они на тебя не ополчатся. Страх порождает ненависть, и не зачем создавать себе проблемы там, где без них можно обойтись. Об этом говорит Лао Цзы, призывая избегать того, чего люди боятся.

Далее следует довольно неожиданный и весьма личный текст, дающий нам представление о том, как чувствовал себя Лао Цзы среди людей. Это снова поэзия в прозе, и, на мой вкус, она очень хороша. Содержание её, в общем, не слишком сложное. Люди полны желаний, предвкушений и надежд; они любят внимание и стремятся занять достойное место под солнцем. Лао Цзы подобен неродившемуся ребёнку; он существует, но пока не проявлен в мире. Совершенномудрый и существует, и не существует одновременно; внутри него есть слой небытия, связывающий его с великим дао.

Глупый человек потому и глупый, что многие желания умников ему непонятны, а его желания очень просты. Поэтому Лао Цзы сравнивает себя с сердцем глупца; кроме того, он иронизирует, представляя себя отсталым, примитивным существом в сравнении с теми, кто хочет насладиться всеми вещами мира. Люди хотят всего, а совершенномудрому нужна только пища, причём я бы не стал ограничивать понимание данного утверждения одной физической пищей.

В первом варианте перевода «Дао Дэ Цзин», опубликованном Ян Хин Шуном в 1950 году, последнее предложение двадцатой главы звучало так: «Только я один отличаюсь от других тем, что ценю источник питания». Потом переводчик поработал над текстом, чтобы сделать его более гладким и красивым, сохранив, по мере возможности, основные его смыслы. Так появилось «я вижу основу в еде». Источником питания может быть и дао, и дэ, и Абсолют, и Творец. Но тот, кто не видит дао и не имеет связи с ним, не знает такого пи-

тания. Ну и конечно, образ пищи служит метафорой удовлетворения потребностей, а не желаний.

Лао Цзы не привязан к миру, и потому ему негде остановиться. Он знает главное, а значит, к мелочам, привлекающим любопытные умы людей, он равнодушен. Сам по себе образ полёта над миром прекрасен, а весь этот абзац как бы намекает на то, что и совершенномудрым, невзирая на всю их непривязанность и пустоту, знакомы экстатические состояния. И здесь, как писали в одной книге, увидел я, что это хорошо. Не всё же Лао Цзы сокрушаться над тем, что человечество мудрствует и занимается ерундой; надо и воспарить над всем этим. Может, и не стоит спускаться к людям, пытаться передать им знание, а нужно просто оставаться на высоте несказанной благодати, и тогда кто-нибудь из них всё-таки заинтересуется тем, как обрести для себя такое же состояние? Не на каждый вопрос получается найти ответ, и потому, сохраняя спокойствие, мы двинемся дальше.

Содержание великого дэ подчиняется только дао. Дао бестелесно. Дао туманно и неопределённо. Однако в его туманности и неопределённости содержатся образы. Оно туманно и неопределённо. Однако в его туманности и неопределённости скрыты вещи. Оно глубоко и темно. Однако в его глубине и темноте скрыты тончайшие частицы. Эти тончайшие частицы обладают высшей действительностью и достоверностью.

С древних времён до наших дней его имя не исчезает. Только следуя ему, можно познать начало всех вещей. Каким образом мы познаём начало всех вещей? Только благодаря ему.

Что можно сказать про великое дао, если, что про него ни скажи, всё будет упрощением? Эта глава очень радует материалистов, которые цепляются за «тончайшие частицы» и выводят из них теорию, что Лао Цзы был тоже был не чужд материалистических взглядов на мир и даже описал атомы. Удивительно, как люди, одержимые идеями, находят их подтверждение везде, где только можно; воистину — кто ищет, тот найдёт. И тогда познание начала вещей осуществляется через науку, с помощью микроскопов и адронных коллайдеров, что, в общем, давно уже и делается.

Можно ли познать законы мира, в котором мы существуем? Конечно, можно, но только до определённого предела. Теория большого взрыва прекрасна, но причина взрыва нам не ясна. Как бы известно, что до взрыва вселенная находилась в сингулярном состоянии, когда плотность и темпера-

тура вещества были бесконечными. И вот эту сингулярность можно было бы приравнять к дао, но тогда оно исчезло бы сразу после взрыва, вместе со всей своей непроявленностью.

Учитывая, что Ян Хин Шун и сам был коммунистом и материалистом, у него, несомненно, имелась потребность как-то легитимизировать свой интерес к общепризнанно мистическому тексту. Нужно было найти в нём что-то рационально-материалистическое, и он справился с этим делом в переводе двадцать первой главы «Дао Дэ Цзин».

Вот как выглядела двадцать первая глава в переводе Ян Хин Шуна в 1950 году:

Образы великого дэ подчиняются только дао. Дао — вещь неясная и туманная.

О туманное! О неясное! В нём заключены образы. О неясное! О туманное! В нём заключены вещи. О бездонное! О туманное! В нём заключены семена. Его семена совершенно достоверны, и в нём заключена истина. С древних времён до наших дней его имя не исчезает. Оно существует для обозначения начала всех вещей. Почему я знаю начало всех вещей? Только благодаря ему.

Как говорится, почувствуйте разницу. По стилистике и содержанию эта версия перевода куда ближе к предыдущей, двадцатой, главе книги; и мы должны понимать, что Ян Хин Шун делал первый научный перевод «Дао Дэ Цзин» на русский язык, а значит, его консультировали разнообразные профессора, и у текста были научные редакторы. Кто из них выправил перевод, мы не знаем, да это не столь и важно.

Итак, рассмотрим первую версию перевода. Качества вещей подчиняются дао, да и всё творение возникает из образов, содержащихся в нём в потенциале. Неясность и туманность, приписываемая дао, возникает из особенностей восприятия мистика, которое хоть и выше, чем у обычных

людей, но всё-таки тоже ограничено. Как увидеть непроявленное? Правильно, никак. Как мистик познаёт непроявленное? В момент, когда из него появляются энергии, воспринимаемые мистиком. Вместе с энергиями могут приходить видение и знание их источника. Прямого видения Абсолюта и Творца не бывает, оно всегда опосредованное. Туманность и неясность в таком видении непременно остаётся, потому что такова его природа. Но знание об источнике получается напрямую, и здесь никакой неясности нет, хотя неполнота знания может оставаться. Видение — это образы, знание — информация, приходящая не от образов, но от их источника. Кто может претендовать на полноту познания Бога? Как ограниченное существо может познать бесконечность?

Семена, заключённые в дао, — это потенциал творения, то, что в нашем понимании потом осуществляется Творцом. Истина в данном случае — это реальность дао и реальность великого потенциала Абсолюта. Реальность небытия, если угодно.

В ранней версии перевода Лао Цзы говорит о себе, что логично. «Почему я знаю начало всех вещей?» Потому что взаимодействую с дао. И заметим, что это знание получено им без всяких микроскопов и других подручных средств, используемых для исследования материи. Прямое знание мистика не менее достоверно, чем неоднократно повторённый научный эксперимент; беда только в том, что настоящих мистиков мало, а людей, выдающих свои фантазии за прямое знание высшей реальности, — хоть отбавляй. Откровение Старджона гласит, что 90% всего на свете — несусветная чушь; и ко всему объёму имеющихся у человечества описаний высшей реальности и её законов это относится в полной мере.

В древности говорили: «Ущербное становится совершенным, кривое — прямым, пустое — наполненным, ветхое сменяется новым; стремясь к малому, достигаешь многого; стремление получить многое ведёт к заблуждениям». Поэтому совершенномудрый внимлет этому поучению, коему необходимо следовать в Поднебесной. Совершенномудрый исходит не только из того, что сам видит, поэтому может видеть ясно; он не считает правым только себя, поэтому может обладать истиной; он не прославляет себя, поэтому имеет заслуженную славу; он не возвышает себя, поэтому он старший среди других. Он ничему не противоборствует, поэтому он непобедим в Поднебесной.

Слова древних: «Ущербное становится совершенным...» — разве это пустые слова? Они действительно указывают человеку путь к [истинному] совершенству.

Если понимать слова древних буквально, они могут вызвать недоумение. С чего бы ущербному стать совершенным, а кривому — прямым? Чтобы сделать это, нужны небольшие усилия, и не факт, что испорченное получится починить. При этом в финальной фразе главы ясно говорится, что слова о кривом и ущербном указывают путь к совершенству, а значит, они относятся к состояниям человека, а не к внешним вещам. Ну и если мы знаем, что все вещи идут к своему началу — то есть к исчезновению, то спонтанные улучшения и исправления внешних вещей выглядят совсем нелепо.

С другой стороны, внутренние изменения тоже спонтанными не бывают. Чувство собственной ущербности исчезает, если с ним правильно работать. Путь к совершенству не преодолевается быстро и безуспешно. Качества человека меняются — не всегда на противоположные, как говорит нам Лао Цзы, но — на другие, более гармоничные по отношению к Пути. Старое сменяется новым — как раз об этом. Там, где человек стремится сразу же обрести мудрость и совершенство, он не преуспеет, поскольку не будет готов к продолжительным усилиям. Зато появится соблазн принять любое маленькое духовное переживание за большое и на этой почве возомнить себя достигшим многого.

Если помнить о высшей цели, но использовать в качестве текущей цели успех, например, в той практике, которую выполняешь сейчас, тогда в уме не возникнет чрезмерного напряжения, связанного с желанием достижения, и двигаться будет легче. Тот, кто настроился на длительную работу, достигает большего, чем тот, кто ищет мгновенного просветления.

К фразе «совершенномудрый исходит не только из того, что сам видит, поэтому может видеть ясно» подходит несколько толкований. Например, он учитывает видение тех, кто рядом, и потому обладает более полной картиной происходящего. Или он полагается не только на своё восприятие, но и на знание, приходящее к нему из высшего источника, а потому его видение и понимание ситуации имеют куда большую глубину. В любом случае, здесь говорится о том, что совершенномудрый не привязан только к своему видению, а потому может быть объективным.

Фраза «он не считает правым только себя, а потому может обладать истиной» тоже относится к объективности восприятия и суждений. Тот, кто не заиклен на идеях, способен понять и принять любую точку зрения, следовательно, и здесь его видение в итоге будет объективным.

Тот, кто прославляет себя, страдает тщеславием; его оценка себя неизбежно субъективна. Если же слава твоя идёт от людей, тогда она, возможно, заслуженная, спору нет.

Слова про невозвышение себя лежат всё в той же канве скромности и действия от противного. Они не похожи на непреложную истину, поэтому оставим их на совести Лао Цзы и Ян Хин Шуна. Однако если рассматривать их как описание внутреннего, а не внешнего процесса, тогда «не возвышает себя» будет относиться к отсутствию у человека эго-комплекса. А такой человек, конечно, на самом деле будет «взрослее», объективнее и мудрее окружающих.

Если вы не боретесь с окружающими, то они не могут вас победить. Тогда вы не участвуете в спорах, не пытаетесь стоять на своём и не создаёте конфликтов на пустом месте. Вы спокойны там, где другие возмущаются, и не ищете удовольствия от того, что сумели кому-то что-то навязать или доказать. Вы пребываете в гармонии с собой, а потому вам и не нужно участвовать ни в какой борьбе, и навязать её вам ни у кого не получится.

Нужно меньше говорить, следовать естественности. Быстрый ветер не продолжается всё утро, сильный дождь не продержится весь день. Кто делает всё это? Небо и земля. Даже небо и земля не могут сделать что-либо долговечным, тем более человек. Поэтому он служит дао. Кто [служит] дао, тот тождествен дао. Кто [служит] дэ, тот тождествен дэ. Тот, кто теряет, тождествен потере. Тот, кто тождествен дао, приобретает дао. Тот, кто тождествен дэ, приобретает дэ. Тот, кто тождествен потере, приобретает только потерянное. Только сомнения порождают неверие.

В который раз Лао Цзы пишет о вреде лишних разговоров. Болтовня для него — признак беспокойства ума, перевозбуждения и пленения страстью. Естественное состояние, с точки зрения Лао, характеризуется внутренней тишиной и спокойствием ума. Тот, кто осознан, говорит реже, чем тот, кто, подобно наполненному до краёв сосуду, сбрасывает внутреннее напряжение через болтовню.

Далее идёт рассуждение об интенсивном действии, которое невозможно осуществлять долго. По сути, Лао Цзы говорит о том, что человек слаб, и его личные силы невелики. Чтобы их увеличить, нужно присоединиться к источнику большей силы и долговечности; для человека источником такой силы становится дао. Или, говоря иначе, ощущая необходимость в высшей помощи, человек обращается к Богу.

«Тот, кто служит дао, тот тождествен дао». Давайте признаем, что служить непроявленному невозможно, а вот

взаимодействовать с ним возможно вполне. Взаимодействие это происходит на стыке проявленного и непроявленного, и так человек частично познаёт то, что лежит за границами уже существующего. Сотрудничая с дао (или Абсолютом), мистик может время от времени служить ему, но чаще он больше получает, чем даёт. Мы не можем рассматривать тождество как равенство между дао и человеком, но появление в человеке слоя небытия будет обретением свойств дао.

«Тот, кто служит дэ, тот тождественен дэ». Служить Творцу через следование Его Воле — дело осуществимое, хоть и требующее длительной и серьёзной подготовки. В этом случае человек становится проводником Воли Творца, наподобие ветхозаветных пророков; опыт, правда, показывает, что сейчас уже не требуется утверждать новую веру или давать новые заветы, — всего этого уже хватает с лихвой. У суфиев, чья жизнь, в идеале, полностью посвящена служению Богу, существует практика зикра, в которой проводится целенаправленная работа с осознанием атрибутов Творца. Благодаря ей возможная для каждого отдельного человека тождественность достигается быстрее и полнее.

«Тот, кто теряет, тождественен потере». С этой фразой появляется новый смысловой слой, указывающий на разницу между привязанностью и связью. Тот, кто привязан к тому, что теряет, кто отождествляет себя с вещью или состоянием, сам становится потерянным. Тот, кто связан с Богом, становится святым. Тот, кто связан с дао, обретает великий потенциал, который проявляется в ответ на необходимость людей или творения.

Тождественность дао и дэ с обретением их в себе указывает на обретение мистиком высших качеств. Человек, умеющий влиять на погоду и ход вещей, обладает качествами дэ. Он получил определённую власть от Творца, но меняет то, что уже существует. Тот, кто может создавать несущее

ствующее прежде, обрёл связь с дао (Абсолютом). Без предварительной связи с дэ достигнуть связи с дао не получится. Лао Цзы всегда идёт от дао, но в реальности постижение дао невозможно без постижения дэ. Познать Абсолют без предварительного познания Творца нельзя. И связь с Абсолютом без ранее обрётённой связи с Творцом тоже неосуществима.

Небытие — основа бытия, и всё чудесное, что может создать совершенномудрый, исходит из небытия в нём. Познав принцип перехода непроявленного в проявленное, он способен менять состояния людей, трансформируя их.

Тот, кто привязан, не может обрести ничего, что лежит за пределами его привязанности. Привязанность к потерянно-му сужает поиск и ограничивает возможности. Те, кто ищут состояния счастья, не поднимутся выше этого, а обретя его, не смогут удержать.

Сомнения в том, что можно стать тождественным чему-то высшему, лишают вас возможности даже двинуться в эту сторону. Ум любит сомневаться, а эго отрицает всё, что может пошатнуть его самооценку и тщательно выстроенную систему компенсаций. Если вы верите только тому, что видите и можете пощупать руками, дао вам не откроется. Но и нужно оно, прямо скажем, далеко не всем, так что беспокоиться не о чем.

Кто поднялся на цыпочки, не может [долго] стоять. Кто делает большие шаги, не может [долго] идти. Кто сам себя выставляет на свет, тот не блестит. Кто сам себя восхваляет, тот не добудет славы. Кто нападает, не достигает успеха. Кто сам себя возвышает, не может стать старшим среди других. Если исходить из дао, всё это называется лишним желанием и бесполезным поведением. Таких ненавидят все существа. Поэтому человек, обладающий дао, не делает этого.

Стоять на цыпочках — неестественно для человека, да и шагать большими шагами не слишком удобно. Эти слова могут восприниматься буквально, и можно рассматривать их как метафоры внутренних состояний. Если вы пытаетесь всем угождать, преодолевая своё неприятие, то внутренне вы стоите на цыпочках и вскоре будете истощены. Если вы хотите овладеть навыком осознания себя за пару недель — вы делаете большие шаги и быстро устанете. Есть гармония покоя и гармония правильно прилагаемых усилий, но желания слишком часто приводят к избыточному напряжению и её нарушению.

Выставлять себя на свет — значит заниматься саморекламой и искать внимания окружающих. Восхваление и возвышение себя преследуют те же цели, и все эти действия имеют свои корни в человеческом эго, что, с точки зрения мудрости, выглядит бесполезным и даже вредным, ведь окружающим не понравятся ваше высокомерие и хвастовство.

Истинность фразы «кто нападает, не достигает успеха» выглядит сомнительно, ведь история знает немало примеров, когда нападавшие одерживали победы и покоряли народы. Следовательно, и эту фразу следует толковать как относящуюся к внутренней, а не внешней жизни человека. И тогда мы поймём, что в силу отрицания своих эмоций и желаний человек начинает нападать на них, не давая им проявиться. Начинается внутренняя борьба, следствием которой становится подавление нежелательных энергий. И так человек проигрывает, упуская шансы на здоровую жизнь и уж тем более — на обретение связи с дао. Поставить всё под контроль не получается, и подавленное регулярно даёт о себе знать. Так что и здесь достигнуть полного успеха не может никто.

Тот, кто обладает дао, не занимается подобной ерундой; в этом Лао Цзы, бесспорно, прав. Повторение — мать учения, и потому он, видимо, пишет одно и то же, обращаясь к теме тщеславия и бесполезных усилий снова и снова. Или же ему нужно было выдать определённый объём знаков в своём тексте — бывают же такие технические задания. И здесь просьба начальника пограничной заставы проигрывает требованию великого дэ, заставляющего писать именно так, а не иначе... Впрочем, откуда мне обо всём этом знать?

Вот вещь, в хаосе возникающая, прежде неба и земли родившаяся! О беззвучная! О лишённая формы! Одиноко стоит она и не изменяется. Повсюду действует и не имеет преград. Её можно считать матерью Поднебесной. Я не знаю её имени. Обозначая иероглифом, назову её дао; произвольно давая ей имя, назову её великое. Великое — оно в бесконечном движении. Находящееся в бесконечном движении не достигает предела. Не достигая предела, оно возвращается [к своему истоку]. Вот почему велико дао, велико небо, велика земля, велик также и государь. Во Вселенной имеются четыре великих, и среди них — государь.

Человек следует [законам] земли. Земля следует [законам] неба. Небо следует [законам] дао, а дао следует самому себе.

Самый интересный вопрос, на который, видимо, мы никогда не узнаем ответа, — почему непроявленное вдруг пожелало стать проявленным. Есть ли причина для того, чтобы бесконечное проявилось, став конечным? Почему Творец творит, более или менее понятно: без акта творения он не будет Творцом. А для чего Абсолюту выделять из Себя Творца — неясно. Но нашему уму объять такое всё равно не по силам, так что просто займёмся тем, что попробуем разобраться хотя бы с содержанием этой главы.

В начале мы имеем очередное описание дао, и теперь оно — в бесконечном движении, что можно понять только в ключе постоянного появления и исчезновения вещей. То есть небытие становится бытием, а то, что было создано, снова возвращается к началу — в небытие. Но при этом, от-

мечает Лао Цзы, находясь в непрерывном движении, дао не достигает своего предела. Сколько бы вещей ни появлялось из небытия, оно не истощается, оставаясь всё таким же бесконечным. По логике законов существования мира, такое невозможно, но у небытия, полагаю, свои законы, отношения к нашему миру не имеющие. С другой стороны, если процессы воплощения и развоплощения идут параллельно, то с чего бы небытию истощаться? И Лао Цзы пишет, что «не достигая своего предела, оно возвращается к началу». На каждую вспышку очередной сверхновой звезды открывается своя чёрная дыра.

Дао велико, потому что оно неистоцимо. Но к нему по этому же признаку присоединяются небо, земля и государь. Если расшифровывать эту символику, то получится, что небо — это Творец, земля — мир со всеми его законами, а государь — человек, ставший хозяином самого себя. И такой человек обладает величием, сравнимым с величием мира, Творца и Абсолюта, потому что в нём все они в разной степени, но проявлены. В ином случае он не стал бы государем.

Человек подчинён законам существования мира на многих уровнях. Он зависит от пищи и от наличия кислорода; его физическое тело полностью вписано в мир и не может жить в другой среде. Мир создан Волей Творца, и все его законы, по сути, и есть проявления этой Воли. Творец подчинён Абсолюту, поскольку Его вечность и способность творить прямо зависят от связи с бесконечным потенциалом небытия Абсолюта. Чему следует Абсолют, мы не знаем, но раз и узнать этого не можем, то будем считать, что Он следует Самому Себе. Существование мира зависит от дао, а дао не зависит ни от чего, ведь его, можно сказать, и нет. Во всяком случае, нет до тех пор, пока ты не дорастёшь до того, чтобы ощутить всю мощь его небытия, и не получишь возможность взаимодействия с ним.

Тяжёлое является основой лёгкого. Покой есть главное в движении. Поэтому совершенномудрый, шагая весь день, не отходит от [телеги] с тяжёлым грузом. Хотя он живёт прекрасной жизнью, но он в неё не погружается. Почему властитель десяти тысяч колесниц, занятый собой, так пренебрежительно смотрит на мир? Пренебрежение разрушает его основу, а его торопливость приводит к потере власти.

Почему тяжёлое является основой лёгкого? Потому что любой новый навык обретается трудом, а тренированность — тяжёлыми усилиями. Потому что осознание своих подавленностей и избавление от них — работа не из лёгких, но

то, что трудно вначале, позже делается без особого напряжения сил. Чтобы прийти к недеянию, нужно очень постараться, и лёгким Путь бывает только в фантазиях тех, кто никогда на нём не был. Первые шаги в осознанности трудны, но когда она становится высокой, осознание происходящего внутри и снаружи происходит абсолютно безусильно.

Когда Лао Цзы говорит о покое в движении, то речь идёт о внутреннем покое, о спокойствии ума и о том покое, который появляется внутри человека как следствие его осознанности и очищения. Бывает сиюминутное спокойствие, когда страхи, тревоги и желания стали неактивными. Бывает, что человек скомпенсировался, подавив своё беспокойство и негативные эмоции. Всё это — преходящий покой, который может быть нарушен в одно мгновение. Покой совершенномудрого незыблем, и даже если ему приходится увещевать безумцев или отвечать на их выпады, его внутреннее состояние не меняется. Покой в движении достигается не намерением и усилием, он естественен для того, кто достиг.

Телега с тяжёлым грузом может символизировать любые трудности, но мы не будем забывать о служении совершенномудрого. Он служит дао, а каково его служение — никому, кроме него и дао, неизвестно. Кроме того, какие ещё телеги могут быть у человека без желаний?

Все хотят жить прекрасной жизнью, хотя, конечно, каждый вкладывает в эти слова свой смысл. Жизнь в мудрости, покое и недеянии прекрасна, что тут скажешь. Но невозможно отождествиться с потоком состояний и проживанием внешних ситуаций, когда ты полностью осознан. Невозможно привязаться к прекрасной жизни, когда нет желаний. И невозможно глубоко погрузиться в её проживание, когда ты уже частично не здесь, когда в тебе если не пустота, то небытие, которые, подобно поплавкам, не дают совершенномудрому утонуть в мирском, теряя связь с незримым. В об-

шем-то, именно это непогружение и делает жизнь прекрасной; попробуйте как-нибудь сами не вовлекаться в тревоги и беспокойства — и узнаете.

В конце, для контраста, даётся очередная картина неправильного отношения к себе и к жизни. Тот, кто эгоистичен и занят только собой, теряет связь с реальностью, и его власть над обстоятельствами и своими состояниями будет утрачена. Контролировать себя и обстоятельства и так-то довольно сложно; если же человек возомнил, что достигнутая им вершина (какой бы мелкой она ни была) никогда не будет утрачена, то он стал жертвой заблуждения. Живя в мире, не стоит забывать его законы. Человек следует законам земли — помните? Считая, что вы им неподвластны, вы вступите на тропу поражений и разочарования. Вот об этом говорит Лао Цзы, и любой разумный человек с ним согласится.

Умеющий шагать не оставляет следов. Умеющий говорить не допускает ошибок. Кто умеет считать, тот не пользуется инструментом для счёта. Кто умеет закрывать двери, не употребляет затвор и закрывает их так крепко, что открыть их невозможно. Кто умеет завязывать узлы, не употребляет верёвку, [но завязывает так прочно], что развязать невозможно. Поэтому совершенномудрый постоянно умело спасает людей и не покидает их. Он всегда умеет спасать существа, поэтому он не покидает их. Это называется глубокой мудростью. Таким образом, добродетель является учителем недобрых, а недобрые — её опорой. Если [недобрые] не ценят своего учителя и добродетель не любит свою опору, то они, хотя и [считают себя] разумными, погружены в слепоту. Вот что наиболее важно и глубоко.

Совершенные навыки по Лао Цзы выглядят как сверхъестественные способности. Люди, ими обладающие, действуют на ином, отличном от общеизвестного, уровне личного бытия. Поэтому их действия не имеют привычных для нас следствий, и потому, например, умеющий шагать не оставляет следов. Можно ли выйти за пределы обусловленности причинно-следственными связями? Да, можно, иначе ни один святой не сумел бы сотворить ни одного настоящего чуда. Если человек входит в контакт с дао, то само по себе приближение к началу начал ослабляет связь причин и следствий. И есть такой слой в Узоре Творения, при достижении которого действия человека перестают оставлять сле-

ды в привычном для нас понимании следствий, прямо вытекающих из сделанного просветлённым шагом.

Совершенный навык потому и совершенный, что при его применении ошибок быть не может. При этом великий оратор может быть похожим на заику, но то, что для окружающих будет выглядеть изъясном или ошибкой, есть часть действия, необходимая для достижения поставленной цели. Тот, кто достигает наиболее глубокого и сильного воздействия на слушателей, тот и есть совершенный оратор. Совершенство в следовании дао не подразумевает успеха в том виде, каким он представляется обывателям. Впрочем, об этом Лао Цзы говорит постоянно.

Логика высшего не совпадает с логикой приземлённого. Как закрыть дверь, не используя затворы, сделав её открытие невозможным? Можно, например, сделать дверь невидимой для людей. Конечно, от этого утверждения попахивает магией, но если немного поразмыслить, то выяснится, что такое доступно и без её применения. А если мы примем во внимание, что дальше в тексте заходит речь о спасении людей (от них самих), то поймём, что здесь Лао Цзы может говорить о дверях, которые изначально невидимы, но вхождение в них сулит немалые беды для всех вошедших. Далеко не каждая линия Узора Творения ведёт людей к счастью и процветанию. Можно ли, следуя дэ, закрыть для людей дверь, ведущую к совсем плохим событиям и ситуациям? А почему бы и нет?

То же самое относится и к завязыванию узлов; кто сказал, что узлы эти материально-видимые? Какова природа связи с дао и дэ? Материальна ли она в том смысле, который обычно вкладывают в понятие материи? Может ли совершенномудрый создавать невидимые связи и вязать невидимые узлы? Способен ли он влиять на судьбы людей, помогая им в изменении своих Узоров Судьбы? Если нет, тогда последу-

ющие фразы не имеют смысла, а весь текст «Дао Дэ Цзин» можно с лёгким сердцем отнести на помойку и там оставить.

Теперь нам надо определиться с тем, что Лао Цзы имеет в виду, говоря о спасении людей. Не будем забывать, что совершенномудрый не обладает человеколюбием и действует не из идей. К тому же у него нет эго, которое могло бы питать чувство собственной важности, размышляя о том, сколько несчастных оно уже спасло; а ещё у совершенного нет желаний. Из чего же он действует? Из видения, которое приходит ему в следовании дао.

Следование дао — это одновременно и следование дэ; причём дэ ближе человеку, чем дао, и Творец для него понятнее, чем Абсолют. Если Творец поддерживает процесс творения, то совершенномудрый неизбежно примет в этом участие. Согласно Лао Цзы, дао и дэ постоянно участвуют в круговороте вещей, то есть — участвуют в творении. А совершенномудрый, наделённый некоторыми качествами Творца и Абсолюта, становится их проводником в конкретных своих действиях. Спасением людей будет облегчение их страданий, которые, чаще всего, они сами себе и создают, погрязнув в страстях, алчности, тщеславии, высокомерии и всём остальном, о чём говорит Лао Цзы. Помощь совершенному может быть незаметной для людей, потому что она осуществляется не на уровне физического спасения утопающих или создания благотворительных обществ, но путём завязывания и развязывания невидимых узлов, о наличии которых почти никто и не знает. Даже простое поддержание равновесия энергий в Творении уже спасает многих людей от внешних бед.

Помимо невидимой, есть и видимая помощь. Для чего Лао Цзы написал свою книгу? Только ли для того, чтобы отделаться от начальника пограничной заставы? Судя по количеству советов и наставлений в ней, целью была помощь тем,

кто ищет способ жить по-другому. Поэтому обучение — тоже часть работы по спасению людей. Ну, и как без слепых не бывает зрячих, так и без недобрых нам не узнать добродетели. Обычная для «Дао Дэ Цзин» связка, ведь когда люди познают прекрасное, появляется и безобразное.

Люди несовершенны и потому могут стать совершенными. Ученики могут избавиться от своих заблуждений и состояний помрачения, став просветлёнными. Лао Цзы обозначает два главных условия для того, чтобы обучение стало возможным: ученики должны осознавать ценность того, что им даётся, а учитель не сможет работать с ними без любви. Тот, кто считает, что может до всего дойти сам, не нуждается в обучении. Тот, кто не ценит того, что ему даётся, не достоин обучения.

В любви мы принимаем того, кого любим, таким, какой он есть. Другое дело, что любовь, сопровождаемая страстью, порой приносит страданий больше, чем счастья. Любовь совершенномудрого не окрашена страстью, она свободна, но её энергия может изливаться на того, кто рядом. Поэтому совершенномудрый может любить без ревности, гнева и печали. Любовь не нарушает его покоя, являясь, что называется, любовью без объекта, чистой энергией, существующей внутри него наравне с небытием и другими энергиями — приходящими время от времени или присутствующими постоянно. Совершенномудрый — существо многоуровневое и к тому же связанное с бесконечностью дао. Поэтому его любовь может изливаться на тех, кто рядом, не истощаясь, и поэтому он может учить даже недобрых — если у них есть необходимость в изменении, и если они осознают ценность того, что им даётся.

Кто, зная свою храбрость, сохраняет скромность, тот [подобно] горному ручью становится [главным] в стране. Кто стал главным в стране, тот не покидает постоянное дэ и возвращается к состоянию младенца. Кто, зная праздничное, сохраняет для себя будничное, тот становится примером для всех. Кто стал примером для всех, тот не отрывается от постоянного дэ и возвращается к изначальному. Кто, зная свою славу, сохраняет для себя безвестность, тот становится главным в стране. Кто стал главным в стране, тот достигает совершенства в постоянном дэ и возвращается к естественности. Когда естественность распадается, она превращается в средство, при помощи которого совершенномудрый становится вождем и великий порядок не разрушается.

Лучший правитель — тот, о котором народ знает только то, что он существует. Чтобы стать главным в стране, лучше бы, чтобы о тебе не знал почти никто. Мистики — люди скрытные, ведь они знают о бесполезности слов для описания высшего опыта и не афишируют свои занятия. К тому же заявлять о том, что ты познал дао, — просто глупо, и первый же, кому ты об этом сообщишь, если и не посчитает тебя безумцем или пустобрехом, спросит: «А чем докажешь?» — «Ничем...» На этом разговор и закончится.

И вот в чём штука: тот, кто осознаёт себя главным в стране, не может быть совершенномудрым, непривязанным к своим деяниям и состояниям. Это осознание возникает из сравнения себя с другими и приписывания себе неких особых качеств

или заслуг, что совершенномудруму совсем не свойственно. Поэтому Лао Цзы пишет здесь об объективном главенстве совершенномудруго, а не о его внутреннем самоощущении.

В чём связь между горным ручьём и знанием праздничного, но сохранением для себя будничного? И то, и другое — спуск с вершины вниз. Почему совершенномудрый возвращается к людям, вместо того, чтобы оставаться на вершине своих состояний и пребывания в дао? Для служения людям. Постоянное дэ в данном контексте может рассматриваться как проявление и укрепление добродетели и как укрепление связи с Волей Творца. Впрочем, одно совершенно не исключает другого.

Тот, о ком никто ничего не знает, не может стать примером для всех. Поэтому совершенномудрый становится примером только для тех, кто идёт по тому же Пути. Тогда служение и самоотречение совершенномудруго действительно будет примером для искателей, ещё не познавших дао на своём опыте. Говорят, что тот, кто по-настоящему нуждается, всегда найдёт Мастера; Господь поможет обнаружить скрытое. Сейчас Мастера не прячутся, но задача стала сложнее — поди отличи того, кто действительно познал, от того, кто только изображает из себя познавшего.

Рефреном этой главы становится возвращение главного в стране к состоянию младенца, к изначальному и естественному. Трудности изложения создают трудности перевода; тот, кто стал главным, уже должен был познать все эти состояния и жить в них постоянно. Поэтому единственной вменяемой трактовкой этих повторов будет такая: спускаясь вниз и приближаясь к людям, совершенномудрый периодически возвращается ввысь, в то, что принципиально неопишимо. Так он сохраняет себя в порядке, да и невозможно полностью выйти из небытия, когда оно в тебе появилось. Ослабить — можно, окончательно выпасть — не получится.

В какие моменты роль совершенномудрого становится особенно значимой? Когда распалась естественность, и люди вступили на путь помрачений, нарушив равновесие сил в мире. Тогда совершенномудрый спасает их, завязывая невидимые узлы и открывая прежде запертые двери. Тогда он, никем не замечаемый, становится главным в стране. Главным по спасению людей от дополнительных страданий.

В суфизме существует статус кутба — высшего достижения для суфия на Пути. Кутб — мистик высшего порядка, совершенный человек, проводник между Богом и людьми. Так вот, в один период времени на Земле присутствует только один главный кутб, вершина иерархии. Его называют Учителем Века или Полюсом Времени. Но в каждой стране, одновременно с этим, должен быть свой кутб, свой Полюс и проводник. Может быть, Лао Цзы излагает нечто подобное, а может, и нет. Сейчас его уже не особенно спросишь, тем не менее, там, где есть Путь, есть и иерархия, а в ней всегда кто-то оказывается главным — не только внутри своей общины, но и в стране, людей которой он спасает. На этом, собственно, и остановимся.

Если кто-нибудь силой пытается овладеть страной, то, вижу я, он не достигает своей цели. Страна подобна таинственному сосуду, к которому нельзя прикоснуться. Если кто-нибудь тронет [его], то потерпит неудачу. Если кто-нибудь схватит [его], то его потеряет.

Поэтому одни существа идут, другие — следуют за ними; одни расцветают, другие высыхают; одни укрепляются, другие слабеют; одни создаются, другие разрушаются. Поэтому совершенномудрый отказывается от излишеств, устраняет роскошь и расточительность.

Овладеть страной или миром можно только в своём воображении. Никто не может проникнуть всюду, чтобы контролировать всё и вся, никто не может подчинить себе все процессы — независимо от того, человеческие они или природные. Можно заставить подчиниться себе, но страх подчинённого, как мы знаем, в ответ вызывает ненависть, когда человеку становится всё равно, выживет он или умрёт, — лишь бы наказать обидчика. Это — один из законов человеческой психики и человеческой жизни.

На уровне обычной логики первый абзац двадцать девятой главы, в общем-то, не выдерживает критики. Написан красиво, но в истории полным-полно случаев, когда страной овладевали и делали с ней всякое. То, что ни одно порабощение не длится вечно, — другой разговор. То, что захватчики ассимилируются, а порабощённые со временем принимают веру и обычаи чужеземцев как свои, — тоже известно. И ес-

ли понимать под таинственным сосудом Узор Судьбы страны, то и он переписывается при внешнем захвате. Получается, что речь здесь идёт не об этом.

Ключ к пониманию слов про овладение страной спрятан во втором абзаце главы. Её смысл можно трактовать двояко: с одной стороны, здесь обозначены противоположные процессы — цветение и увядание, созидание и разрушение. Можно предположить, что те, кто живёт в гармонии с дао, расцветают, а те, кто нарушает их, — разрушают себя и свою жизнь. В таком случае тот, кто пытается овладеть страной, нарушает естественность и гармонию, следовательно, он разрушит сам себя, и хоть процесс его увядания может растянуться на несколько десятков лет, он всё равно придёт к закономерному финалу. Слабое утешение, честно говоря.

Поэтому я бы поднял смысловую планку повыше: во втором абзаце показываются законы, по которым существует мир и живут люди; законы вечные (насколько вообще вечно Творение) и неизменные. Каждый проходит свои этапы жизни, и за детством следует взросление, а потом наступит старение. И так по жизненному пути идут друг за другом поколения людей, и кто-то начал путь недавно и полон сил, а кто-то уже завершает его, состарившись. Законов, по которым течёт река жизни, не избежать, и никому не уклониться от их действия. Тот, кто чем-то владеет, может впасть в иллюзию, что его власть над вещами и людьми равна или даже превышает власть Бога. Но ход вещей изменить нельзя, как ни старайся, и если бы люди были не столь ослеплены желаниями и жили несколько дольше, то ясно это увидели бы. Всё возвращается к началу, а любой порядок сменяется хаосом. Вы можете убить кого-то, нарушив естественный ход вещей, но общий порядок законов этим не измените. Тот, кто вообразил себе, что он — хозяин мира, старится бы-

стрее, потому что его разрушают собственные страсти. Тот, кто погряз в иллюзиях, отдаляется от дао.

Вот поэтому совершенномудрый отказывается от излишеств — он избегает иллюзорной власти над вещами. Ну, а заодно — не вовлекается в беспокойство по их сохранению и уходу за ними. Говорят, что свобода нужна для чего-то, но есть и просто свобода от всего, что не является жизненно необходимым, хотя в наше время такое уже мало кому понятно. Действительно, смартфон — это жизненно необходимая вещь или нет? Прогресс ввёл столько удобств, плотно вошедших в нашу повседневность, что не сразу и поймёшь, без чего можно прожить, а без чего — уже почти нельзя. Да и не жизнь это уже будет, что и говорить.

Процесс разрушения мира или страны можно сильно ускорить; что-то, а разрушать мы умеем. Но во времена Лао Цзы такой уровень знаний и технологий ещё не существовал, поэтому ему проще было говорить о естественности и прочих хороших вещах. Однако, справедливости ради, напомним, что он заранее предупреждал нас о вреде учёности. Но кто же слушает мистиков?

Кто служит главе народа посредством дао, не покоряет другие страны при помощи войск, ибо это может обратиться против него. Где побывали войска, там растут терновник и колючки. После больших войн наступают голодные годы.

Искусный [полководец] побеждает и на этом останавливается, и он не осмеливается осуществлять насилие. Он побеждает и себя не прославляет. Он побеждает и не нападает. Он побеждает и не гордится. Он побеждает потому, что к этому его вынуждают. Он побеждает, но он не воинственен.

Когда существо, полное сил, становится старым, то это называется [отсутствием] дао. Кто не соблюдает дао, погибнет раньше времени.

Ошо приобрёл много врагов, рассуждая о политике и политиках. Лао Цзы, как мы видим, тоже не чужд того, чтобы поговорить о внешних, достаточно далёких от мистики, делах. Вероятно, вопрос ведения войн был насущным во времена жизни Лао Цзы. Хотя в какие времена он не был насущным?

Смысл этой главы очевиден: воевать следует только из необходимости, а значит — только защищаясь. И полководцу нужно иметь все добродетели совершенномудрого — не гордись, не прославляя себя, и, в идеале, ему надо воевать, оставаясь в состоянии недеяния. Мудрец изрекает истину, а вы делайте с этим, что хотите. Или — что можете.

Тот же, кто действует из страстей и воюет — с собой или окружающими, — следуя идеям и желаниям, тот быстро себя источит и состарится. Впрочем, об этом я уже писал в комментарии к предыдущей главе.

Хорошее войско — средство, [порождающее] несчастье, его ненавидят все существа. Поэтому человек, следующий дао, его не употребляет.

Благородный [правитель] во время мира предпочитает быть уступчивым [в отношении соседних стран] и лишь на войне применяет насилие. Войско — орудие несчастья, поэтому благородный [правитель] не стремится использовать его, он применяет его, только когда его к этому вынуждают. Главное состоит в том, чтобы соблюдать спокойствие, а в случае победы себя не прославлять. Прославлять себя победой — это значит радоваться убийству людей. Тот, кто радуется убийству людей, не может завоевать сочувствия в стране. Благополучие создаётся уважением, а несчастье происходит от насилия.

Слева строятся военачальники флангов, справа стоит полководец. Говорят, что их нужно встретить похоронной процессией. Если убивают многих людей, то об этом нужно горько плакать. Победу следует отмечать похоронной процессией.

Пробуждать людей можно по-разному, но чаще всего им просто даётся новая точка зрения на привычные для них вещи и ситуации. Я слышал, что в древнем Китае бурное празднование победы было обязательным ритуалом по окончании успешной войны. Соответственно, Лао Цзы указывает, что праздновать убийство многих людей неправильно. При этом все, конечно, понимают, что гибель многих людей ужасна — или, во всяком случае, ужасна смерть своих людей: родственников и соплеменников. Врагам — туда и дорога, на то они

и враги. Ну, а празднуют люди окончание бойни и то, что им удалось выстоять и одержать верх над врагом. Всем понятное получается празднование.

И вот Лао Цзы говорит, что победу нужно отмечать поминками и плачем. Его высказывание идёт вразрез с общепринятыми обычаями и представлениями, и на тех, кто почувствительнее, оно может подействовать отрезвляюще. Причём Лао Цзы не делит убитых на своих и чужих: с точки зрения следования дао, все они одинаковы. Патриот обозлится, но кто-то может и почувствовать в словах мудреца отголосок высшей Истины. А потом задастся и другими вопросами относительно привычных ранее обычаев и собственных представлений, вступив на путь поиска Истины. Иногда слова пробуждают людей — тех, кто созрел, чтобы их услышать.

Повторы рекомендаций о спокойствии и непрославлении, а также вполне понятные утверждения о том, что несчастье происходит от насилия, мы рассматривать не станем и двинемся дальше.

Дао вечно и безымянно. Хотя оно ничтожно, но никто в мире не может его подчинить себе. Если знать и государи могут его соблюдать, то все существа сами становятся спокойными. Тогда небо и земля сливаются в гармонии, наступают счастье и благополучие, а народ без приказа успокаивается.

При установлении порядка появились имена. Поскольку возникли имена, нужно знать предел [их употребления]. Знание предела позволяет избавиться от опасности.

Когда дао находится в мире, [всё сущее вливается в него], подобно тому, как горные ручьи текут к рекам и морям.

Первый вывод из фразы «оно ничтожно, но никто в мире не может подчинить его себе» такой: пока тебя не замечают, никто себе тебя не подчинит. О втором выводе мы уже говорили — сама идея подчинения себе того, что является источником существования мира и людей, бессмысленна. Во взаимодействии с источником ты начнёшь обретать его свойства, но условием для этого становится освобождение от желаний и, как следствие, естественный аскетизм и спокойствие жизни.

Чем беспокойнее правитель, затеивающий реформы, великие стройки и тому подобные проекты, требующие нового налогообложения и дешёвой рабочей силы, тем беспокойнее делается жизнь народа. Когда правитель хочет расширить границы своего правления, начинаются войны, и о спокойствии приходится забыть. Если же государь не озабочен на-

капливанием богатств и скромн в желаниях, то жизнь народа становится спокойной сама собой.

«При установлении порядка появились имена»; по одной из версий творения, имена вещам давал Адам, впрочем, учитывая, что к тому моменту он был первым и единственным человеком, больше давать имена было некому. В чём опасность чрезмерного умножения числа имён? В том, что исходный порядок окажется нарушенным. Как может быть увеличено количество имён, если количество вещей не увеличилось? Нужно создать умственные категории, как бы описывающие реальность, но находящие в ней вещи, которых нигде, кроме ума рассуждающего, не существует. Весь язык философии состоит из таких вещей. Любая чрезмерность нарушает порядок, внося в него хаос. Ян Хин Шун полагал, что в абзаце про предел употребления имён Лао Цзы призывал не плодить человеческие законы. И в самом деле, избыток законов — уголовных и административных — неизбежно ведёт к увеличению числа преступлений, поскольку появляется то, что можно нарушить.

Сочиняя свою книгу, Лао Цзы не мог видеть достигнутого нами научно-технического прогресса, умножившего количество невиданных ранее вещей с такими же неслыханными прежде именами. Исходный порядок, безусловно, уже нарушен; обмирщение людей стало повсеместным, а уж о хаосе мировых войн прошлого столетия я вообще молчу. Зная законы существования и развития Творения, можно предсказать многое.

Интересно, что финальная фраза этой главы имеет противоположные смыслы в первой и финальной версиях перевода. В первом варианте: «Дао, находясь в мире, похоже на горные ручьи, которые текут к рекам и морям». Здесь перед нами предстаёт картина питания Творения разнообразными энергиями, исходящими от Творца, поскольку дао пря-

мо в мире действовать не может, и ему нужны посредники. Мистики взаимодействуют с дао напрямую, но они, в итоге, тоже превращаются в его посредников и носителей.

Творение осуществляется по нисходящей — от Творца к мириадам миров и вещей; поддержание Творения происходит также по нисходящей, и всё живое насыщается жизненной силой, приходящей от Источника всего. Поэтому образ горных ручьёв, вода которых сбегает с вершин в самые глубокие долины, здесь очень уместен.

Финальный вариант перевода предлагает нам другую картину: теперь уже дао лежит в долине, а всё сущее, вливаясь в него, исчезает. Может быть, так и будет выглядеть окончательный и бесповоротный конец света, но, скорее всего, Ян Хин Шун немного перестарался с додумыванием того, что имел в виду Лао Цзы. Как бы то ни было, обе версии имеют право на существование и не противоречат тому, что мы успели узнать о дао и дэ. Наплодим слишком много имён и вольёмся в дао, почему бы и нет?

Знающий людей благоразумен. Знающий себя просвещён. Побеждающий людей силён. Побеждающий самого себя могуществен. Знающий достаток богат. Кто действует с упорством, обладает волей. Кто не теряет свою природу, долговечен. Кто умер, но не забыт, тот бессмертен.

Полезно иметь знание о внешнем, но знание о внутреннем гораздо важнее. Есть вещи, и есть Источник всех вещей — знание чего полезнее и важнее? Источник жизни каждого из нас — Сознание, и только проявив его свет во всей полноте, мы можем стать просветлёнными. Физическая сила и бойцовские навыки — это неплохо, но возможность избавляться от идей и желаний через их созерцание даёт нам власть иного порядка. Управлять тем, что до этого управляло тобой, — разве это не наивысшая сила, которую человек может обрести сам в себе, без помощи свыше?

Лао Цзы ставит волю и упорство выше достатка, потому что тот, кто ими обладает, переживёт любые трудности и обретёт достаток в малом, если так сложатся обстоятельства. Он не зависит от комфорта и способен делать то, что необходимо здесь и сейчас. Он не жалеет себя и не избегает трудностей, поэтому его жизнь легка. Как, собственно, и обещал нам Лао Цзы в предыдущих главах.

К фразе «кто не теряет свою природу» возникают вопросы. Дело в том, что свою природу (физическое, например, тело) можно разрушить разными способами. Утрата его означает смерть, вот и всё. Но здесь речь, видимо, всё-таки идёт

об именно утрате. Тогда под природой должно пониматься нечто иное.

Некоторые говорят, что истинная природа человека — просветление. Просто тьма невежества заслоняет её от нас, и как только мы рассеем эту проклятую тьму, так сразу сделаемся просветлёнными, довольными жизнью людьми. Такую природу тоже не потеряешь, как ни старайся. Поэтому я бы предложил следующую трактовку: если ты не растрачиваешь себя в страстях и погоне за славой, богатством и учёностью, если ты не живёшь чрезмерно наполненной жизнью и вообще знаешь меру — тогда ты будешь долговечным. Сохраняй детскую непосредственность восприятия вкупе с интересом к жизни — и проживёшь дольше. Как их сохранить — вопрос другой, но мы с Лао Цзы в такие мелочи не вдаёмся.

Кто умер, но не забыт, тот бессмертен! Классическая советская формулировка посмертного существования в плодах своих дел. В других переводах эта фраза обретает откровенно мистический смысл: в них говорится о том, что тот, кто может не умереть (не исчезнуть) в момент смерти, становится вечным. И здесь много можно рассуждать на тему смерти до смерти, которую переживают мистики во время трансформации, или о том, что, обретая тождественность с Творцом и Абсолютом, мистик обретает некие качества, позволяющие ему не исчезать полностью, продолжая своё существование на иных планах Творения, — но обо всём этом я писал в других своих книгах и не вижу смысла начинать здесь длинные объяснения всего вышеперечисленного. Тем более, что пока вы не умрёте, всё равно не узнаете, что происходит по ту сторону жизни. А понять, что именно имел в виду Лао Цзы в этой фразе, могли только его ученики, да и то не факт, что поняли бы, даже после его подробных объяснений. Поэтому я не буду давать сколько-нибудь однозначную трак-

товку возможного обретения вечности, тем более что её нет ни у кого, кроме, разве что, уверенных в своих прозрениях шарлатанов. Ну и у тех, кто верит в вечную жизнь в аду или в раю, но им Лао Цзы малоинтересен, ведь их вечность уже предназначена им изначально.

Человеческое эго хочет длить себя вечно, вот почему вопросы посмертной жизни и вечного существования так интересуют людей. При этом многие из них понятия не имеют, что делать с тем временем жизни, которым располагают прямо сейчас, но страх исчезновения, как им кажется, почти исчезнет, если они убедятся в возможности маяться вечно. И вот таким я бы посоветовал сделать что-нибудь особенное, чтобы надолго остаться в памяти людей; чем чёрт не шутит, вдруг и сработает.

Великое дао растекается повсюду. Оно может находиться и вправо, и влево. Благодаря ему всё сущее рождается и не прекращает [своего роста]. Оно совершает подвиги, но славы себе не желает. С любовью воспитывая все существа, оно не считает себя их властелином. Оно никогда не имеет собственных желаний, поэтому его можно назвать ничтожным. Всё сущее возвращается к нему, но оно не рассматривает себя их властелином. Его можно назвать великим. Оно становится великим, потому что никогда не считает себя таковым.

Любой текст становится непонятным не столько из-за туманности изложения и сложности смысловых конструкций, сколько из-за противоречий, в нём заложенных. Кажалось бы, мы уже определились с понятием дао, но в этой главе оно существенно меняется. На то могут быть две причины: первая — сам Лао Цзы не счёл необходимым вдаваться в подробности, и тогда все его усилия по определению дао в начальных главах книги идут насмарку; или кто-то вписал эту главу позже, внося в неё своё скромное представление о дао и подражая стилю автора текста. Мало, что ли, среди переписчиков встречается непризнанных литераторов, склонных к графомании?

Если бы мы говорили о Божественном Присутствии как одном из атрибутов Творца, тогда слова «растекается повсюду» и «может находиться и вправо, и влево» имели бы смысл. Но как непроявленное может растекаться повсюду, на ходу превращаясь в проявленное, а потому меняя свои собствен-

ные свойства, — большой вопрос. Либо мы знаем, что такое дао, либо не знаем, а потому приписываем ему всё, что нам нравится и кажется подходящим. Понятие «дэ» было специально введено, чтобы у дао в мире появился действующий агент, но автору этой главы, сваливающему всё в одну кучу, нет дела до разделения высших функций. При этом ничего нового мы не узнаём, всё уже в той или иной форме проговаривалось — хоть и не так криво.

Растекается, находится во всех сторонах, с любовью воспитывает все существа — это качества дэ, судя по тому, что мы узнали в предыдущих главах. Оно теоретически может совершать подвиги, хотя применительно к высшей сущности это слово не слишком подходит. Понятно, что автор главы хотел продемонстрировать всю возвышенность и самоотдачу дао, чтобы заставить нас расчувствоваться и ощутить истинное благоговение. Кто знает, может быть, на кого-то эта чушь и подействует.

Возвращение всего сущего — привычное уже обозначение взаимодействия дао с вещами и миром в целом. Выражение «благодаря ему всё сущее рождается» может применяться как к дао, так и дэ.

Не иметь собственных желаний, не рассматривать себя властелином и не считать себя великим — настолько человеческое, что некоторые переводчики видят в этом не описание дао, а характеристику того, кто ему следует. Но в данном случае Ян Хин Шун, как я полагаю, перевёл всё достаточно точно. Из чего следует всё тот же вывод, что эта глава — подложная, и авторство её не принадлежит Лао Цзы. Впрочем, впереди мы ещё увидим подобные противоречия и главы, идущие вразрез с первоначальным посланием «Дао Дэ Цзин». Если у вас никогда не возникало желания дописать понравившийся вам рассказ или исправить в нём некоторые моменты, то это не значит, что подобных позывов

ни у кого больше не было. А когда сидишь над переписыванием прекрасного текста, и так он тебе нравится, что прямо сил нет, бывает трудно удержаться от того, чтобы ещё немного его не улучшить. Впрочем, мотив подлога может быть и не столь возвышенным, но к этому вопросу мы вернёмся немного позже.

К тому, кто представляет собой великий образ [дао], приходит весь народ. Люди приходят, и он им не причиняет вреда. Он приносит им мир, спокойствие, музыку и пищу. Даже путешественник у него останавливается.

Когда дао выходит изо рта, оно пресное, безвкусное. Оно незримо, и его нельзя услышать. В действии оно неисчерпаемо.

Известно, что к святым люди приходили из самых разных мест и, видимо, получали то, в чём нуждались; никто не пойдёт к человеку, не умеющему творить пусть и не всегда большие, но всё-таки чудеса. В этой главе описывается ровно такая ситуация: проводник дао даёт людям спокойствие, питание и музыку. С музыкой, кстати, не всё понятно: буквальное восприятие написанного предполагает самостоятельное исполнение песен проводником дао или, что ненамного лучше, — игру на музыкальных инструментах. Не каждому святому такое по плечу, поэтому я бы говорил здесь не о музыке, а о гармонии, которой проникаются люди в его присутствии.

Мы все транслируем энергию своих переживаний и состояний окружающим. Человек, полный гнева, поневоле зарядит его энергией тех, кто окажется с ним рядом. Человек, наполненный любовью, одним своим присутствием смягчит сердца людей. Тот, кто спокоен, может передать своё спокойствие окружающим. Истинный святой транслирует Свет, хотя бы на время рассеивающий помрачения в умах людей.

В носителе дао есть слой небытия, и порогом таинственного перехода вещей от небытия к бытию и обратно становится он сам. Он может дать людям питание в виде необходимых для них энергий. Но тех, кто не стремится приблизиться к дао, обычно интересует только исполнение своих желаний, а больше — ничего. Тот, кто постиг дао, не становится всемогущим, сколько ни расхваливай нескончаемые возможности непроявленного. Слой небытия — это малая часть дао, а не всё оно целиком. Поэтому святые, нашедшие связь с дао, имеют вполне конкретную специализацию в деле совершения чудес, которая определяется их сущностными склонностями и опытом, полученным на Пути.

Зачем говорится о безвкусном, выходящем из рта дао? Затем, что вы не увидите и не почувствуете присутствия дао в его носителе. Плоды взаимодействия совершенномудрого и дао ощутить на себе можно, но, чтобы познать нечто большее, вам самим требуется обладать хорошо развитым восприятием. И по плодам, собственно, можно отличить истинного святого от подлинного шарлатана. Раз уж дао невидимо, а все говорят, что у них внутри его полным-полно, то остаётся только поглядеть на неисчерпаемость его действия и результаты, им приносимые. Там, где появляется истинное, тут же возникает и ложное; избежать этого невозможно, но можно научиться отличать одно от другого.

Чтобы нечто сжать, необходимо прежде расширить его.
 Чтобы нечто ослабить, нужно прежде укрепить его.
 Чтобы нечто уничтожить, необходимо прежде дать ему расцвести. Чтобы нечто у кого-то отнять, нужно прежде дать ему. Это называется глубокой истиной. Мягкое и слабое побеждает твёрдое и сильное. Как рыба не может покинуть глубину, так и государство не должно выставлять напоказ людям свои совершенные методы [управления].

При первом прочтении этой главы может показаться, что Лао Цзы дал краткое пособие для негодяев, следуя которому, они смогут совершать разнообразные гадости. Они будут давать деньги в долг, а потом забирать вдвое больше за неплату процентов по долгу; примутся возвращать в человеке доверие, чтобы чуть позже обмануть и предать его; сумеют спровоцировать жертву на проявление гнева, чтобы обвинить её в грубости и низости. И раз уж человек сам творит свою судьбу, то надо немного напрячься и самому выстроить выгодную для тебя ситуацию, воспользовавшись необыкновенно мудрыми подсказками Лао Цзы. В общем, применяя этот текст во внешних действиях, можно научиться хитрости и вероломству, ведь первая половина его описывает принципы разрушения, прилагаемые к чему угодно, а сам Лао Цзы без доли иронии называет их глубокой истиной. Странно, правда?

Если мы поймём, что здесь нам даётся один из главных ключей к внутренней работе, тогда всё изменится. Чтобы

избавиться от подавленных эмоциональных энергий и желаний, нам нужно созерцать их. Для созерцания требуется объект, и нам надо позволить подавленному проявить себя. Работая, например, со страхом, мы должны разрешить ему развернуться, охватив всё наше существо. Бывает полезным усилить его, представив себя в ситуации, которой мы боимся и избегаем. Когда он поднимется и усилится, мы сможем наблюдать его во всей красе и во всех нюансах его проявления. Мы увидим реакции ума и физического тела — и будем созерцать весь спектр своих ощущений, вызываемых эмоцией страха. Если мы окажемся достаточно терпеливыми и, созерцая страх, не сольёмся вниманием с ощущениями, мыслями и напряжениями в физическом теле, тогда его энергия сама рассеется и исчезнет без следа. Точно так же можно работать с желаниями, идеями и с другими эмоциями. Так достигается очищение внутреннего пространства, и так поддерживается внутренняя гармония, ведь с вновь возникшими эмоциями и любыми негативными состояниями мы станем работать по этому же принципу.

Энергии эмоций и желаний бывают очень сильными, а энергия нашего внимания в сравнении с ними слаба. Созерцание — это недеяние в чистом виде, и сильное в нём проигрывает слабому, утрачивая свою силу и вообще исчезая. Главный принцип работы с проявлениями любых внутренних энергий — не борись; позволь всему проявиться в полной мере, и пусть оно вычерпается и рассеется в свете твоего внимания. Так, уступая и вроде бы проявляя слабость, ты побеждаешь. Это и есть глубокая истина, описывающая правило успешной работы с внутренними состояниями.

Финальное предложение снова напоминает нам о пользе скрытности. Рыбу, таящуюся в глубине, трудно обнаружить, уже не говоря о том, чтобы поймать её и съесть. Познать глубокую истину на собственном опыте тоже не так уж и про-

сто. Стать слабым по отношению к своим собственным состояниям, позволив им развиться до предела, чтобы после этого они исчезли, — удаётся не всем. Слишком долго нас учили контролю и прививали нам силу воли в противостоянии своим собственным энергиям. И вот что происходит: подавляя эмоции и желания, мы делаем из них глубоководных рыб, скрытых в нашем внутреннем пространстве, но влияющих на наши состояния. Мы скрываем истину своих желаний и переживаний от самих себя, и это нас разрушает. Такая скрытность присуща большинству людей, и в следовании дао от неё приходится избавляться в первую очередь.

Внешняя скрытность («он не выставляет себя на свет») — естественный выбор мистика, живущего среди людей, но очень сильно от них отличающегося. Впрочем, в фразе про государство, скрывающем методы управления, Лао Цзы говорит не о мистиках, а о манипуляции вниманием людей. Но мы должны верить, что мудрец даёт этот совет ради спокойствия самих же людей, чтобы их желудки были полными, а сон — крепким.

Дао постоянно осуществляет недеяние, однако нет ничего такого, что бы оно не делало. Если знать и государи будут его соблюдать, то все существа будут изменяться сами собой. Если те, которые изменяются, захотят действовать, то я буду подавлять их при помощи простого бытия, не обладающего именем. Не обладающее именем — простое бытие — для себя ничего не желает. Отсутствие желания приносит покой, и тогда порядок в стране сам собой установится.

В этой главе снова обнаруживаются противоречия с тем, что было сказано раньше. Мало того, что дао здесь осуществляет недеяние, которое раньше являлось уделом совершеннымудрых, так теперь оно ещё и делает всё — в прямом и буквальном смысле этого слова. Понятна попытка автора в очередной раз возвеличить дао и указать на его огромную важность в происходящем, но в итоге мы получаем сверхсущество, руководящее любыми процессами — и человеческими, и природными. Если принять это на веру, тогда с людей снимается вся ответственность за любые их действия, ведь делают не они — делает дао. Тогда все люди — невольные проводники дао, как и положено, ничего о нём не знающие, но ему подчиняющиеся. Привлекательная точка зрения, не правда ли? Всё предопределено, и никакой свободы выбора у человека нет; идея известная и в поле доступной нам логики неоспоримая. Проблема только в том, что в предыдущих главах Лао Цзы отговаривал людей от бахвальства и стяжательства так, словно у них есть настоящая свобода воли. Поэтому я не мо-

гу принять фразу о дао, делающем всё на свете, как принадлежащую перу Лао Цзы; в ином случае, нам придётся признать, что он писал то одно, то другое, сам до конца не понимая, что имеет в виду.

Проблема имитаторов всех сортов заключается в том, что им всегда не хватает либо понимания, либо таланта. Использовать термины, употребляемые Лао Цзы, совсем не сложно; сложно сочинить что-нибудь действительно осмысленное. Следующая фраза: «Если знать и государи будут его соблюдать, то все существа будут изменяться сами собой». Видимо, речь здесь идет о соблюдении недеяния, а не дао. Если недеяние стало уровнем бытия самого великого дао, то как его станут соблюдать государи, не прошедшие все необходимые трансформации, — непонятно. Но если им это удастся, тогда они станут равными дао, вызвав как бы беспричинные изменения существ. А дао, которое делает всё, оказывается при этом исключённым из процесса. Если же оно участвует, значит, государи могут подчинить его себе, и тогда получается совсем уже чушь.

Есть законы, по которым существует всё живое и неживое. Зная эти законы, мы можем предсказать, как будут развиваться события. Всё, к чему призывал Лао Цзы, — это их соблюдение и ограничение деятельности людей в том, что касается внесения хаоса в изначальный порядок. Без желаний люди не могут жить в принципе, если они не прошли через духовную трансформацию, и поэтому Лао Цзы призывает ограничить и умерить желания, но не предлагает людям избавиться от них одним щелчком. Тот, кто понимает, демонстрирует своё понимание того, что пишет. А тот, кто не понимает, сочиняет ерунду, обравив её «правильными» словами.

«Если те, кто изменяется, захотят действовать, то я буду подавлять их при помощи простого бытия, не обладающе-

го именем». Слова знакомые, содержание странное. До этого предлагалось не давать действовать мудрствующим и расширяющим учёность. Теперь автор собирается подвлять всех изменяющихся (то есть всех вообще), кто вдруг захочет что-нибудь сделать. Непроявленное дао, не обладающее именем, — понятно: имени нет в силу его небытия. Бытие, не обладающее именем, — нечто новое и абсурдное. В других вариантах перевода этой главы используется словосочетание «безымянная простота», но суть дела от этого не меняется. Автор, со всей присущей ему прямоотой и скромностью, претендует на силу Бога; ну, что же — бывает.

«Не обладающее именем — простое бытие — для себя ничего не желает». Похоже, что речь всё-таки идёт о дао, но искажения первоначальных смыслов слишком большие, чтобы принимать эту фразу всерьёз.

«Отсутствие желания приносит покой, и тогда порядок в стране сам собой установится». Снова правильные слова, непонятно о чём сообщающие. Отсутствие желаний у народа? Это невозможно. У знати? Если знать обрела высшую мудрость, тогда она перестала быть знатью, поместив себя позади всех. Может быть, автор имеет в виду отсутствие желаний у себя? Но если его одного хватит, чтобы поддержать порядок в стране, тогда незачем всё это писать. Спасай людей незаметно, не трезвонь об этом на всю округу. Если же тебя так распирает, что промолчать невозможно, значит, до совершенства тебе ещё далеко, и все твои великие силы существуют только в твоём воображении. В общем, эта глава, с моей точки зрения, написана не Лао Цзы и вносит искажения в его послание.

Человек с высшим дэ не стремится делать добрые дела, поэтому он добродетелен; человек с низшим дэ не оставляет [намерения] совершать добрые дела, поэтому он не добродетелен; человек с высшим дэ бездеятелен и осуществляет надеяние; человек с низшим дэ деятелен, и его действия нарочиты; обладающий высшим человеколюбием действует, осуществляя надеяние; человек высшей справедливости деятелен, и его действия нарочиты: человек, во всём соблюдающий ритуал, действует, [надеясь на взаимность]. Если он не встречает взаимности, то он прибегает к наказаниям. Вот почему дэ появляется только после утраты дао; человеколюбие — после утраты дэ; справедливость — после утраты человеколюбия; ритуал — после утраты справедливости. Ритуал — это признак отсутствия доверия и преданности. [В ритуале] — начало смуты.

Внешний вид — это цветок дао, начало невежества. Поэтому [великий человек] берёт существенное и оставляет ничтожное. Он берёт плод и отбрасывает его цветок. Он предпочитает первое и отказывается от второго.

В иероглифе «дэ» наличествует пять смысловых элементов, и дословно их сочетание переводится так: десять глаз смо-

трят на поступки одного сердца. Возможно, это глаза близких ему людей (если мы вспомним про упоминавшихся в тексте Лао Цзы «шесть родственников») или глаза посторонних свидетелей жизни человека. Не исключено, что одна пара глаз принадлежит самому обладателю сердца, а ещё одна (или оставшиеся четыре) — Творцу; в любом случае, здесь говорится о внешнем свидетельствовании поступков человека и его намерений. Искренность, постоянство, следование — идеям, желаниям, необходимости или Воле — вот что, вероятно, должно оцениваться тем, кто наблюдает поступки сердца человека. Конечно, список может быть расширен и изменён согласно представлениям о правильном и хорошем того, кто в данный момент выносит своё суждение. В этом смысле люди, оценивающие нас, всегда подходят к нашим действиям со своим собственным мерилom. И получается, что оценки людей неизбежно окажутся субъективными, а потому нет особого смысла на них ориентироваться.

Общепринятое понимание добра и зла может считаться условно объективным критерием, ведь в разных сообществах это понимание тоже разнится в силу неодинаковости идей, верований и представлений о допустимом и недопустимом. Тем не менее тот, кто творит доброе в границах, принятых в данном сообществе, и будет считаться добродетельным. Нас оценивают положительно, когда мы соответствуем представлениям людей о правильном и хорошем поведении.

В этой главе появляется высшее и низшее дэ. И здесь может быть несколько трактовок того, что имеет в виду её автор; если речь идёт о добродетели, тогда тот, кто уже преysитился добрыми делами, не стремится их делать, ведь его репутация в обществе и так высока. Но человеческое это таково, что ему всего мало, поэтому благотворители продол-

жают благотворительствовать, увеличивая свои заслуги, а значит, они всё ещё хотят укреплять и умножать свою добродетель.

Логика рассуждений автора очевидна: тот, кто уже богат, перестаёт стремиться к богатству; следовательно, тот, кто уже добр, не будет пытаться сделать себя ещё добрее при помощи нарочито добрых дел. То, что для одного уже стало естественным, другому только хочется обрести, и он идёт путём внешних заслуг, надеясь развить в себе внутренние качества, соответствующие поступкам. На этом принципе строится практика различных обетов, которые обычно принимают монахи в христианских, например, конфессиях. Есть обеты личного воздержания, вроде обета молчания, и есть обеты служения, когда монахи и монахини помогают нищим и больным, кормя их и выхаживая. Последователи разных религий стремятся совершать добрые дела, чтобы умиловить Бога и попасть в рай. Бывает, что послушание служения накладывается на монаха или мирянина для исправления каких-то его дурных качеств. Тогда возникает ровно та ситуация, которую Лао Цзы описывает словами «не оставляет намерения делать добрые дела, поэтому он не добродетелен».

Памятуя, что термин дэ, помимо прочего, означает процесс творения и поддержания вещей, то человек с высшим дэ, видимо, познал Творца в большей степени, чем человек с низшим дэ. И впрямь, чтобы суметь остановиться в стремлении к свершению добрых дел, нужно уже избавиться от это. Тогда ты делаешь то, что делаешь, не привязываясь к результату и не думая о том, сколько добра сможешь причинить людям. Об этом, собственно, говорится чуть дальше: «человек с высшим дэ бездеятелен и осуществляет надеяние». Забавно, что многие комментаторы воспринимают «бездеятельность» совершенномудрого буквально, прирав-

нивая к ней и недеяние. Дескать, совершенномудрый ничего не делает, и поэтому он совершенен. Конечно, способность ничего не делать производила впечатление на людей во все времена, ведь совсем ничего не делать — не фантазировать, не вспоминать прошлое и не строить планов на будущее; не читать и не смотреть видео в смартфоне — дано далеко не каждому.

Бездеятельность, о которой говорит Лао Цзы, описывает спокойный ум, которому не требуется себя чем-либо занимать и в котором нет постоянных позывов к какому-либо действию. При этом в состоянии спокойного ума можно совершать любую работу, не требующую активного мышления. В написании текста, например, участие ума необходимо, а в работе по дому оно почти не требуется. Кроме того, бездеятельный ум свободен от идей, требующих действия и обосновывающих его необходимость. В таком уме нет озабоченности справедливостью, человеколюбием и прочими светлыми идеями. Это ум, прошедший трансформацию, не формирующий желаний и не цепляющийся за впечатления.

Непривязанность к идеям не подразумевает полного и абсолютного бездействия. Источник действия меняется, но не исчезает; им становится необходимость — своя собственная, необходимость окружающих или необходимость Творения. Поступки совершаются в состоянии недеяния, в котором нет ощущения делателя и осознания важности своих действий. Никакой бездеятельности здесь нет и в помине.

Лао Цзы описывает процессы с позиции утраты естественности и удаления от дао, но человек проходит их в обратном порядке. Лао Цзы демонстрирует деградацию, но путь к совершенной мудрости — это эволюция. Поэтому я рассмотрю путь изменения состояний в порядке, обратном описываемому; от ритуала — к дао.

Ритуал — застывшая форма действия, признак утраты связи с Источником и отсутствия высшего восприятия. Точности соблюдения ритуала придаётся особое значение, ведь благодаря ей люди пытаются достичь чего-то высшего. Религии полны ритуалов, призванных умилоствить Бога или вызвать Его ответное действие. При отсутствии видения и понимания остаётся надеяться на то, что точное выполнение обряда принесёт нужный результат. Здесь мы видим почти магическое отношение к действию, но любой ритуал постепенно превращается в магическое действие, хотя его участники могут этого не осознавать. Ритуал — это способ получения того, что получить иначе невозможно. Ну, или тем, кто знает ритуалы, не известны другие способы обретения желаемого.

Вера в важность и значимость ритуалов должна поддерживаться обещанием наказаний за их невыполнение. Гореть в аду тем, кто не постится, не ходит на воскресные службы или пятничные молитвы и вообще не верит в Бога Всемилоственного, Всемогущего. А тем, кто верит неправильно, — тоже гореть в аду, но ещё их можно поучить уму-разуму и при жизни.

Ритуал призван поддерживать «правильный» порядок вещей. Справедливость — попытка установления порядка исходя из идеи воздаяния по заслугам. Ритуал поддерживает иллюзию гармонии, справедливость должна построить её на основе одной, пусть и широко трактуемой идеи. Принцип справедливости отражён в религиях наказанием и вознаграждением в вечной посмертной жизни или понятием кармического воздаяния в новых перерождениях. Справедливость в сравнении с ритуалом является чуть более гибкой, хотя наказание в ней всё ещё присутствует, а смертная казнь выглядит вполне заслуженным наказанием за очень-очень плохие поступки.

Человеколюбие — тоже идея, но уже считающая человеческую жизнь бесценной. На Пути аналогом человеколюбия становится сострадание. Человек низшего сострадания будет стремиться пробудить людей любой ценой, лишь бы они осознали, что страдания — их собственный выбор, и можно перестать его поддерживать. Такой человек сам ещё толком не избавился от своих страданий, но узнал Путь, ведущий к этому, и получил опыт первых избавлений. Человек высшего сострадания понимает, что насильно никому помочь нельзя, и что страдалец должен сам созреть к тому, чтобы начать поиск пути к изменению своей ситуации.

Человеколюбие ищет гармонию не во внешних действиях, но во внутренних изменениях человеческой личности. Не наказание, но воспитание; признание всех культур и рас равноценными и достойными самой что ни на есть прекрасной жизни. А людей с пещерными взглядами на мир надо заставить немного пересмотреть свою позицию, с этим ничего не поделаешь. Но какое же воспитание бывает без приращения?

Обретение прямого взаимодействия с Творцом — это обретение дэ. Человеческие представления о гармонии отступают перед пониманием Воли и Замысла Творца. Абсолютное добро достигается в точном исполнении явленной Воли, и стремиться к действиям, основанном на идеях добра, уже нет смысла. Тот же, кто только ищет взаимодействия с Творцом, пытается угодить Ему, совершая добрые дела сообразно тому, что знает о возможностях этого взаимодействия. В конце концов, молитва, на которую получен ответ, — уже проявление взаимодействия с Богом.

Действия учеников совершенномудрого в выполнении предписанных практик — тоже нарочитые, но как средство они надёжнее, чем обеты и богоугодные дела. Чтобы прийти к дао и дэ, нужны внутренние, а не внешние действия.

Сначала познаётся Творец, потом — Абсолют. Сначала человек обретает дэ, потом может начать познавать дао. Во взаимодействии с Творцом мистик познаёт новый уровень гармонии, не относящийся к земным делам. Прежние виды гармонии были, если можно так выразиться, общелюдскими, теперь же мистик обретает гармонию в служении, гармонию, возникающую между человеком и Богом. На этой стадии ещё существует высшее сострадание, но потом и оно исчезает, сменяясь ни на кого конкретно не направленной любовью.

Познав дао и став тождественным с ним, человек открывает для себя гармонию бытия и небытия. В нём явление и то, и другое; равновесие подвижно, и каждая сторона может усиливаться за счёт ослабления противоположной. Гармония не статична, её элементы сосуществуют в динамическом равновесии; вот почему раз и навсегда зафиксированные ритуалы перестают соответствовать энергиям и возможностям текущего момента и не способствуют поддержанию гармонии.

Конечно, для описания эволюции и деградации можно было найти другие параметры и состояния, но в ситуации Лао Цзы ритуал, справедливость и человеколюбие, по всей видимости, были актуальнее и нагляднее всего остального. Впрочем, справедливость и человеколюбие остаются и до сих пор весьма популярными идеями, что ещё раз доказывает, что не так уж сильно мы изменились за две с половиной тысячи лет.

В финальном абзаце речь заходит о цветке дао, называемом началом невежества. Цветок — проявленная часть Творения, стимул и объект желаний. И здесь бы нам решить, что совершенномуудрый выбирает пустоту и небытие, но вдруг из цветка появляется плод. Который и надо выбрать. И тогда мысль становится довольно простой: не прельщайтесь кра-

сотой платья, смотрите на ткань, из которой оно пошито; не позволяйте восхитить себя красивыми словами, вникайте в суть послания, которое они обрамляют. За желаниями ищите необходимость, из которой они возникли... ну и так далее.

Вот те, которые с древних времён находятся в единстве. Благодаря единству небо стало чистым, земля — незыблемой, дух — чутким, долина — цветущей и начали рождаться все существа. Благодаря единству знать и государи становятся образцом в мире. Вот что создаёт единство.

Если небо не чисто, оно разрушается; если земля зыбка, она раскалывается; если дух не чуток, он исчезает; если долины не цветут, они превращаются в пустыню; если вещи не рождаются, они исчезают; если знать и государи не являются примером благодетельства, они будут свергнуты.

Незнатные являются основой для знатных, а низкое — основанием для высокого. Поэтому знать и государи сами называют себя «одинокими», «сырыми», «несчастливыми». Это происходит оттого, что они не рассматривают незнатных как свою основу. Это ложный путь. Если разобрать колесницу, от неё ничего не останется. Нельзя считать себя «драгоценным», как яшма, а нужно быть простым, как камень.

Тема единства продолжает затронутую выше тему гармонии. Мир устроен сложно, и его равновесие держится на множестве связей, благодаря которым и могут возникать единство и единение. Творец связан с Творением, разорвите эту связь — и жизнь на Земле прекратится. Законы, по которым существует мир, — это проявленная Воля Творца, и их единство очевидно любому, кто познал Волю. Дао и дэ тоже связаны, и так — через многочисленные связи — дао и вся тьма вещей мира образуют единство. Уберите связи — и всё раз-

валится; разберите колесницу на составные части — и она исчезнет. Самый яркий пример важности связей — строение атомов и молекул, там всё на них держится. Единства без связей не бывает.

Человеческое эго стремится обособиться, очертить границы, создать иллюзию отделённости. Эго усиливает себя страданиями и жалостью к себе; ему очень нравится считать, что весь мир настроен против него, а окружающие делают всё, чтобы не дать осуществиться его мечтам. В такие моменты человек называет себя одиноким, сирым и несчастливым. Знатные не рассматривают незнатных как свою основу, а «простые» люди не очень-то хотят видеть, что без сообщества, в котором они живут, их возможности порой становятся близкими к нулю. Но те, кто привык жалеть себя, будут

заниматься этим и в толпе, и в одиночестве; отказаться от горькой сладости саможаления, полюбив её, мало кто хочет.

Даже если кому-то хочется воспринимать себя отдельным, ни от кого не зависящим, существом, пока человек жив, — такого не бывает. Не забывайте, что дэ воспитывает и вскармливает всё живое. Уже поэтому мы все связаны с Творцом, хотя почти никто этого не чувствует. Лучший правитель — тот, о котором народ ничего не знает?

Мир устроен сложно, но весь он держится на незримых связях. Гравитация и магнитные поля, любовь и ненависть; связи бывают постоянными и преходящими. Последняя фраза с очередным поучением о нежелательном для человека ощущении собственной «драгоценности» в свете всеобщего единства кажется несколько нарочитой. Понятно, что гордец теряет гармонию, но в общем Узоре и общем единстве каждому найдётся своё место — так камень ложится в основание здания, а яшма используется для изготовления украшений. Если не думать об одной только духовности, а принять всё разнообразие людей как необходимую часть разнообразия мира, тогда можно понять, что любой, кто сейчас живёт на Земле, вписан в общую систему связей и выполняет в ней свою функцию. Дао и дэ не отвергают никого, всем находится своё место. И у всех есть потенциальная возможность следования дао, но не всем она нужна. Впрочем, я что-то увлёкся, пора нам двигаться дальше.

Превращение в противоположное есть действие дао, слабость есть свойство дао. В мире все вещи рождаются в бытии, а бытие рождается в небытии.

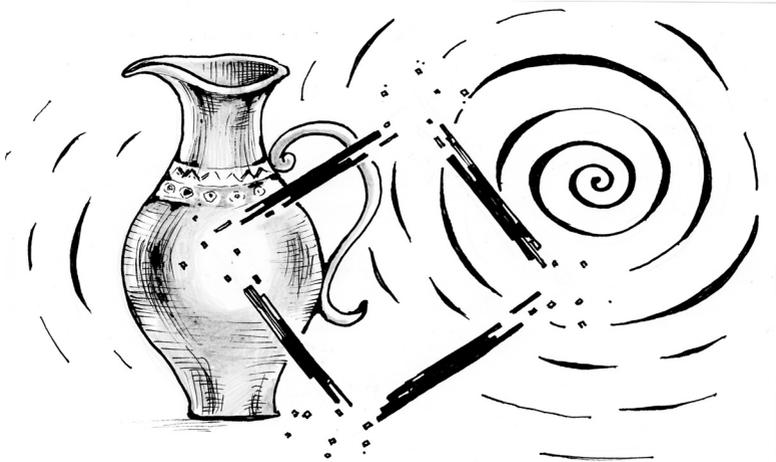
Сказано коротко и почти ясно. Надо понимать, что дао доступно всего два действия превращения: переход из небытия в бытие, с рождением «вещей», и обратное действие, в котором бытие снова обращается в небытие, а «вещи» исчезают. Все остальные превращения осуществляются согласно законам мира, но Лао Цзы очень точно подметил, что, достигнув своего предела, состояния и ситуации обращаются в противоположные. Тотальный контроль эмоций оборачивается хаосом невротических реакций, а полное выражение гнева приводит к спокойствию. Отчаянная вера во всемогущество Бога, не получившая желаемого подтверждения, приводит к неверию и принятию атеизма. Мы не смотрим на мировые и внутренние процессы с точки зрения этого знания, а потому не всегда замечаем его подтверждение. Ну и далеко не всегда процессы доходят до предела своего развития, а вялое их течение создаёт иллюзию их стабильности и постоянства.

Указание на слабость как свойство дао призвано обосновать утверждение о том, что слабость побеждает силу, ведь небытие, в итоге, поглощает всё. При этом заявление о том, что небытие несёт в себе слабость (или отсутствие силы), не вполне корректно, но словами, как известно, описывать запредельное трудно. Финальная фраза повторяет сказанное ранее, и в целом эта глава ничего нового, кроме утверждения о слабости дао, нам не даёт.

Человек высшей учёности, узнав о дао, стремится к его осуществлению. Человек средней учёности, узнав о дао, то соблюдает его, то его нарушает. Человек низшей учёности, узнав о дао, подвергает его насмешке. Если оно не подвергалось бы насмешке, не являлось бы дао. Поэтому существует поговорка: кто узнает дао, похож на тёмного; кто проникает в дао, похож на отступающего; кто на высоте дао, похож на заблуждающегося; человек высшей добродетели похож на простого; великий просвещённый похож на презираемого; безграничная добродетельность похожа на её недостаток; распространение добродетельности похоже на её расхищение; истинная правда похожа на её отсутствие.

Великий квадрат не имеет углов; большой сосуд долго изготавливается; сильный звук нельзя услышать; великий образ не имеет формы.

Дао скрыто [от нас] и не имеет имени. Но только оно способно помочь [всем существам] и привести их к совершенству.

И вновь мы сталкиваемся с трудностями перевода, а может быть, даже и трудностями изложения. Учёность, как мы помним, подлежала уничтожению вместе с мудрствованием, но теперь она подразделяется на высшую, среднюю и низшую и делается вроде даже полезной. Человек высшей учёности, видите ли, узнав о дао, стремится к его осуществлению. Соответственно, человек низшей учёности, узнав о дао, подвергает его осмеянию. Если заменить «учёность» на «восприятие», тогда смысла во всём этом станет на порядок больше.

Иероглиф «дао» означает Путь. На мой взгляд, Ян Хин Шун вполне обоснованно оставил его не переведённым, ведь термин «дао» используется в тексте в куда более широком смысловом поле, чем то, что можно отнести к даже очень-очень мистическому Пути. Но именно в этой главе прямой перевод значения иероглифа «дао» был бы уместен. Осуществить дао или что-нибудь сделать с тем, чего ещё нет, — невозможно. Любой путь — это движение от одной точки к другой, и если, не зная дороги, ты находишь подробное её описание, то можно начинать действовать.

И вот нам показывается, как люди разного уровня реагируют, узнав о существовании Пути. Или — если смотреть шире, — как они распознают Истину, изложенную им: одни начинают следовать ей, другие не способны следовать постоянно и вспоминают о ней время от времени, третьи отрицают её истинность. Классическое разделение людей, получающих новую информацию или предложение: безоговорочное согласие, позиция «и да, и нет», категорическое несогласие. Люди расходятся во мнениях по любым вопросам — неодинаковость восприятия и реакций заложена в нас изначально как средство самосохранения человечества. В итоге всеми не принимается ни одна, даже самая очевидная истина,

но и ложь никогда не овладевает умами всех без исключения людей. Понятно, что речь не идёт о сомнениях в том, что дважды два равняется четырём, хотя наверняка найдутся особенно умные люди, склонные оспорить данный факт в свете своих тонких и сложных ощущений. В том, что более-менее абстрактно и не слишком очевидно, разделение на принимающих и не принимающих информацию как истинную происходит всегда.

Тот, кто, узнав о дао, начинает его осуществлять, изначально ощущал смутную или явную необходимость в этом знании. На Путь порой попадают и случайные люди, но они быстро его покидают. Те же, кто ему следуют, нуждались именно в нём, не получив от «обычной» жизни насыщения своей высшей необходимостью. Тот, у кого необходимость слабая, может захотеть следовать Пути, но желание его тоже не станет всепоглощающим, а потому другие желания будут время от времени брать верх, и тогда человек займётся их удовлетворением, забыв о Пути. Так он станет колебаться между Путём и миром и вряд ли преуспеет и там, и там.

Тот, чья необходимость в высшем никак себя не проявила, подвергнет Путь осмеянию. Насмешка — одновременно защита и нападение; нападающий стремится унижить жертву, в то же время защищая себя от того, чтобы не попасть под влияние нового знания. Слабые извечно втихаря насмеются над сильными, чтобы скомпенсировать ощущение своей незащищённости и «низменного» положения.

Кроме того, люди делятся на «умных» и «глупых»; на тех, кто легко улавливает суть нового знания, и тех, для кого оно остаётся непонятным и чуждым. Насмешки «глупых» над «умными» служат всё той же цели — почувствовать себя немного лучше и в чём-то даже умнее проклятых очкариков.

Тот, кто привык лгать, легко видит ложь других. Тот, кто искренен с собой и людьми, почувствует искренность чужих

слов. Тот, кто честен с собой, знает о себе кое-что истинное. Опыт познания малых истин помогает распознать высшую Истину.

Великое кажется опасным тем, кто живёт мелкими желаниями и заботами. Поэтому дао неизбежно подвергается осмеянию, ведь маленьким людям тоже хочется чувствовать себя хорошо. А значит, нужно отрицать наличие чего-то большего, и, если отрицание не помогает, надо как следует поглумиться над дао и всеми, кто воображает, что следует чему-то невидимому. Ничего нового, всё очень знакомо.

«Кто узнал дао, похож на тёмного» означает — похож на заблуждающегося. И действительно, логика его поступков отличается от привычной всем логики, а рассуждения не то чтобы совсем непонятны, но выглядят, мягко говоря, не совсем адекватными. Какая такая Воля Творца? Придумают же себе оправдание, чтобы заниматься всякой фигнёй!

«Кто проникает в дао, похож на отступающего» — если человек теряет присущие всем желания и интересы, как ещё можно такое расценивать? Он явно деградирует, пятится назад в своём развитии. Ему не нужны праздничные вечеринки, да и вообще любимые всеми удовольствия; он избегает разговоров о жизни и слишком часто молчит в приличном обществе. Он не проникает в жизнь, стремясь взять от неё всё, а отступает от неё.

«Кто на высоте дао, похож на заблуждающегося»; имеет в виду всё то же изменение логики действий и иное понимание происходящего. С точки зрения обывателей, поведение совершенномудрого не слишком часто выглядит образом благоразумия и расчётливости. Кому хочется стоять позади других и не выставлять себя на свет — не под влиянием страха осуждения и не под давлением обстоятельств, а по собственному, вполне осознанному выбору? Кто согласен на роль аутсайдера в борьбе за место под солнцем? И уж,

конечно, видеть основу жизни в еде способно только очень тупое и ограниченное существо. А как же секс? А все виды эстетических, околодуковных и физиологических удовольствий? Вот то-то же.

«Человек высшей добродетели похож на простого». Это стремится к усложнённости и изошрённости. Человек без это ведёт себя естественно, а естественность всегда проста. Кроме того, говоря о простоте в данном контексте, Лао Цзы имеет в виду необразованность, за которую псевдоинтеллектуалы принимают избегание пустых разговоров на философские и «возвышенные» темы. Говорят, что, промолчав, можно сойти за умного, но молчание в активно общающейся компании обычно воспринимается как высокомерие или тупость молчащего. Так уж устроены люди, какими бы умными они себе при этом ни казались.

«Великий просвещённый похож на презируемого». Понятно, что речь здесь идёт о просветлённом, и Лао Цзы просто констатирует тот факт, что просветлённый, взявшийся просвещать людей, быстро становится изгоем. Мало кому нравится слышать о себе унижительные слова, вроде того, что люди спят и видят сны наяву, и что они сами поддерживают все свои страдания. История полна примеров гонений на просветлённых, так что Лао Цзы говорит о стандартной реакции бессознательных людей на слова человека осознанного. И здесь надо понимать, что «похож на презируемого» и все прочие вышеперечисленные похожести описывают восприятие обывателя, а не объективную истину. Для обывателя совершенномудрый похож на тёмного, заблуждающегося, слишком простого — и так далее. Впрочем, в «Дао Дэ Цзин» эта тема повторяется неоднократно.

«Безграничная добродетельность похожа на её недостаток». Благотворительность — не дело совершенномудрых. Они, как известно, осуществляют недеяние и поддерживают

гармонию Бытия своими способами. И если совершенному-дрые не пекутся о бедняках, не участвуют в движении за сохранение экологии и прочих современных им как бы добродетельных активностях, это может выглядеть как недостаток сострадания. Все видят очевидное, и лишь немногие познают скрытое. Тратить время на переубеждение людей ограниченного восприятия — бесполезно, тем более что, как ни крутись, всё равно станешь презираемым, если будешь делать не то, чего от тебя хотят люди, а то, что должен делать, следуя дао.

«Распространение добродетельности похоже на её расхищение». Люди, вступившие на Путь, постепенно освобождаются от «светлых» идей, которые и движут «истинно добродетельными». Ученики совершенномудрого обретают иное видение вещей и выпадают из круговорота действий, поощряемых обществом. Это ли не расхищение добродетели? Сократа принудили выпить яду, чтобы он перестал дурить молодёжь речами, отвращавшими от общепринятых идей и представлений. Порой, чтобы прекратить расхищение добродетельности, приходится идти на крайние меры.

«Истинная правда похожа на её отсутствие». Вот утверждение: люди сами выбирают и сами поддерживают и обновляют свои страдания. Кто сможет с ним согласиться? Когда смиренному человеку говорят, что он полон подавленно-го гнева, похоже ли это на правду, если он ничего такого не чувствует? Того, чего человек не видит и не ощущает, для него и не существует. И если ему скажут чистую правду о его истинном состоянии, она будет выглядеть преднамеренной ложью, сказанной с целью поставить себя выше него; дескать, я знаю о тебе то, чего ты не знаешь, а потому я и лучше тебя. Человеческое эго видит в других проявления такого же эго, даже если их нет.

«Великий квадрат не имеет углов». Речь снова идёт об ограниченном восприятии, которое может охватить неболь-

шую часть внутренней или внешней реальности. Поэтому у великого квадрата углы, конечно, имеются, но мы не способны их увидеть в силу разницы между размерами квадрата и нашими. Другими словами, мы не можем воспринять то, что значительно превышает границы нашего личного бытия, поэтому и совершенномудрый может показаться нам круглым идиотом, без всяких там углов. То же самое относится и к дао — оно слишком велико, чтобы мы могли его увидеть прямо, поэтому и знание о нём, выраженное словами, будет упрощением и уменьшением его. Сверчок знает только свой шесток, да и то — знает не всегда хорошо. И потому без изменения уровня личного бытия восприятие высшего останется для нас недоступным.

«Великий сосуд долго изготавливается». Великое — велико. Буквальный смысл этой фразы очевиден — большие процессы требуют немалого времени для своего завершения. Реальный смысл фразы относится к «изготовлению» мистика, чей внутренний «сосуд» должен быть подготовлен к принятию небытия дао. Малая трансформация умещается в месяцы; большая — требует нескольких лет. В это время может казаться, что ничего с тобой не происходит, но сосуд, тем не менее, изготавливается; процесс этот идёт подспудно и заканчивается неожиданно, поэтому тот, кто идёт дальше всех, должен иметь наибольшее терпение.

«Сильный звук нельзя услышать». Тема прежняя — наше восприятие ограничено, и энергий, к восприятию и принятию которых мы не готовы, нам не получить и даже не узнать об их существовании. Путь — это изготовление совершенного сосуда, способного принять в себя энергии запретельного. Тот, кто движется по Пути, обретает способность видеть невидимое и слышать то, что другим недоступно.

«Великий образ не имеет формы»; всё так, но человеческий ум всё равно придаст ему форму, соприкоснувшись

с его энергиями. Форма будет упрощением, и позже необходимость в ней отпадёт, но поначалу без неё обойтись будет трудно. Ограниченное не вместит в себя бесконечность, но может быть связано с ней. Тогда для человеческой формы открывается выход в бесформенное; соединиться полностью им не дано, но именно так познаётся реальность за пределами. Так человек обретает тождественность дэ, становясь дверью между бытием и небытием.

«Дао скрыто от нас и не имеет имени. Но только оно способно помочь всем существам и привести их к совершенству». Если бы Путь был скрыт полностью, никому не удалось бы его пройти. Путь открывается тем, кто в нём нуждается, а тем, чья жажда не всепоглощающа, приходится искать совершенномудрых, чтобы те открыли им вход на Путь. И да — Путь ведёт к совершенству, хотя оно сильно отличается от привычных представлений людей о совершенстве. Ведь человек, проникший в дао, похож на отступающего; ну, и так далее, и так далее.

Дао рождает одно, одно рождает два, два рождают три, а три рождают все существа. Все существа носят в себе инь и ян, наполнены ци и образуют гармонию.

Люди не любят [имена] «одинокий», «сырый», «несчастливый». Между тем гуны и ваны этими [именами] называют себя. Поэтому вещи возвышаются, когда их принижают, и принижаются, когда их возвышают.

Чему учат люди, тому обучаю и я: сильные и жестокие не умирают своей смертью. Этим я руководствуюсь в своём обучении.

Первое предложение подтверждает закон трёх Георгия Гурджиева, гласящий, что любое явление представляет собой взаимодействие трёх сил — положительной (или активной), отрицательной (или пассивной) и нейтральной (или нейтрализующей). Один и тот же элемент может становиться как активной, так и пассивной или нейтрализующей силой в различных ситуациях и явлениях. Лао Цзы, тем не менее, даёт нам фиксированные названия трёх сил, где ян — положительный элемент, инь — отрицательный, а ци — нейтральный. Если дать людям чёткую картину мира, то они, возможно, сумеют её понять. Или хотя бы запомнят её основные понятия. Гармония сил заключается в том, что ни одна из них не доминирует полностью — в кульминации инь всегда присутствует немного ян, и наоборот. Что, собственно, и отражается в общеизвестном знаке «инь-ян», созданном даосами. Поэтому ни одно состояние и ни од-

на ситуация не могут длиться вечно, рано или поздно обращаясь в свою противоположность. Люди, правда, умеют нарушать гармонию, вовремя вырабатывая внутри себя одну и ту же энергию, поддерживающую их психоземotionalные расстройства. Но это происходит из-за того, что их умы деятельны, а о недеянии они либо не слышали, либо неправильно его понимают.

Про «несчастливость» и «сирость» царей и князей (гунов и ванов) мы уже читали в одной из предыдущих глав, и там их жалобы расценивались негативно, как отрыв от основы своего существования. Теперь эти же заявления, согласно данной версии перевода, их возвышают. Сама по себе фраза «поэтому вещи возвышаются, когда их принижают, и принижаются, когда их возвышают» не выглядит соответствующей реальности. Можно заниматься самоуничижением, но возвышеннее от этого не станешь и новых выдающихся качеств не приобретёшь. То же самое относится и к самовосхвалению, которое Лао Цзы вообще считает крайне вредным. Так что здесь Ян Хин Шун явно дал маху.

В ранней версии его перевода этот абзац выглядел так: «Люди презирают тех, которые сами себя возвышают и называют себя государями и знатными. Все существа укрепляются после ослабления и ослабляются после укрепления». Утверждение об укреплении и ослаблении тоже не похоже на чистую правду, поскольку некоторые, ослабев, быстро умирают; но оно хотя бы лежит в русле общей идеи о том, что человеческие и прочие состояния меняются на противоположные. Бодрствование сменяется сном, возбуждение — торможением, а лето — зимой. Мистический Путь — путь смены состояний, и то, что Лао Цзы постоянно говорит о переменах в разных контекстах, вполне объяснимо.

Владимир Малявин перевёл фразу о возвышении и приращении так: «Посему, теряя, порою можно получить боль-

ше, а получая, порою больше теряют». Здесь, с точки зрения логики, придраться не к чему: порою, потеряв, приобретают, а порою — просто теряют, и всё. А уж что там на самом деле написал Лао Цзы, как видно, нам не узнать. Что-то, наверно, хорошее.

В переводе финального абзаца расхождений нет ни у кого, но он, прямо скажем, не слишком и глубок. Всем известно, что сильные и жестокие довольно часто умирают именно своей смертью, но Лао Цзы стремится подчеркнуть, что сила преходяща, и тот, кто ею пользуется для подавления окружающих, вызывает их ненависть и соответствующие ответные действия. Об этом уже говорилось ранее, но автор любит повторения. У того, кто живёт в тесном контакте с дао, память часто подвергается воздействию небытия, и он не запоминает всякую ерунду, как бы рождаясь заново с каждым пробуждением от ночного сна. Поэтому, может быть, и повторы. Ну, и ещё можно сказать, что Лао Цзы был мужчиной преклонного возраста, а память с возрастом, говорят, тоже ослабевает. Всякое можно сказать, да толку большого от этого всё равно не будет. Так что просто двинемся дальше, тем более что разнообразных повторов уже сказанного нас впереди ждёт немало.

В Поднебесной самые слабые побеждают самых сильных. Небытие проникает везде и всюду. Вот почему я знаю пользу от недеяния. В Поднебесной нет ничего, что можно было бы сравнивать с учением, не прибегающим к словам, и пользой от недеяния.

Вода точит камень, а вирус, который самостоятельно существовать в принципе не может, доводит до смерти своего носителя. То есть примеры слабости, побеждающей силу, или мягкости, одолевающей твёрдость, мы найти можем. В человеческом обществе победы слабых над сильными не так очевидны; говорят, что пассивные манипуляторы всегда побеждают активных, но это требует некоторого времени. Впрочем, инь в достаточно длинных временных промежутках всегда побеждает ян, а потому можно заявлять, что мягкое и слабое побеждает сильное и твёрдое.

С другой стороны, слабость есть свойство дао, и в данном контексте можно говорить о том, что те, кто ему следуют, побеждают тех, кто опирается на свою силу и из неё только и действуют. Немного странно применять понятие борьбы к совершенномудрым, но человеческий ум, как мы знаем, всё познаёт в сравнении и противопоставлении. Понятно, что Лао Цзы стремится донести до нас вполне конкретное послание — не стремитесь к силе, будьте мягкими и текучими, не затвердевайте в своих суждениях и оставайтесь открытыми новому опыту, — но способ выражения этого послания он выбирает слишком афористичный. Но, опять

же, мы не знаем, было ли у него достаточно иероглифов, чтобы выражаться подробно, понятным нам языком, да ещё и в привычных для нас выражениях. Две с половиной тысячи лет развития человечества обогатили современный язык новыми понятиями и дали нам возможность формулировать мысли и описывать свой опыт точнее. Разницу в общем уровне знаний и, соответственно, в уровне развития языка со счетов не сбросишь.

«Небытие проникает везде и всюду». Давайте прямо скажем, что небытие ни во что проникать не может, иначе оно тут же станет бытием. Небытие присутствует во всём — это ещё куда ни шло. Потенциал возвращения к истоку, потенциал исчезновения несёт в себе любая вещь. Надо, однако, понимать, что подобные утверждения делаются из специфического видения мира, присущего мистикам. Тот, кто имеет связь с Непроявленным, может видеть его как бы присутствие в мире. Или, говоря точнее, мистик видит мир вместе с его изнанкой; ощущает бездну небытия, скрытую за фасадом бытия. А там уже, чувствуя некоторую иллюзорность видимого мира и очевидную его преходящность, действовать со страстью и полным вовлечением не очень-то получается. Здесь следует говорить даже не о пользе от недеяния, а о его неизбежности, чтобы сохранять хоть какую-то активность в мире.

Финальная фраза выглядит рекламной, но в других её переводах Лао Цзы утверждает, что немногие способны понять его учение. Что тут скажешь, возможно, это учение до сих пор никто толком не понял. Иначе зачем были бы нужны сотни комментариев к нему?

Что ближе — слава или жизнь? Что дороже — жизнь или богатство? Что тяжелее пережить — приобретение или потерю? Кто многое сберегает, тот понесёт большие потери. Кто много накапливает, тот потерпит большие убытки. Кто знает меру, у того не будет неудачи. Кто знает предел, тот не будет подвергаться опасности. Он может стать долговечным.

Тот, кто гонится за славой, упускает жизнь со всем многообразием её проявлений. Впрочем, любой человек, поставивший перед собой одну-единственную цель и положивший все свои силы на её достижение, тоже сужает круг своих интересов; но иначе ничего не добьёшься. Всё это в полной мере относится и к выбравшим Путь; разница лишь в том, что они не сожалеют о своём выборе, если достигают успеха. Тому, кто ничего не желает, сожалеть не о чем.

Богатство как самоцель — вещь бессмысленная. Однако, привыкнув копить и сберегать, начать тратить довольно трудно. С другой стороны, если речь идёт о том, чтобы умереть ради денег или посмертной славы, то вряд ли найдётся много желающих сделать выбор в пользу смерти.

Все эти вопросы вроде бы заставляют задуматься о своём выборе, но они не настолько глубоки, чтобы сильно ими впечатлиться. Возможно, во времена Лао Цзы они выглядели свежими и оригинальными, но сейчас стали общим местом большинства нравоучительных рассуждений.

Лао Цзы снова указывает нам на круговорот состояний — много приобретёшь, значит, много потеряешь; поэтому луч-

ше ничего не иметь и не стремиться что-либо обрести, чтобы выйти из этого круговорота. Аскеты отказываются от всего сразу, но мы не знаем, считается ли это знанием предела по Лао Цзы, ведь их выбор — тоже крайность, особенно когда материальных, сексуальных и прочих желаний внутри у человека ещё много.

Кто знает меру, у того не будет неудачи, а кто знает предел, не будет подвергаться опасности. В итоге всё упирается в вопрос знания меры и предела, но в каждой ситуации они могут быть разными. Нужен внутренний камертон, новый вид восприятия, позволяющий ощутить и распознать предел возможного действия в каждой ситуации. Кто-то вырабатывает внутреннюю дисциплину, позволяющую ему отойти от игорного стола после трёх проигрышей подряд, а кто-то придумывает правила отступления, следуя которым, иногда действует точно, а иногда промахивается. Всё это — не столько знание меры, сколько самоограничители, помогающие не наделать глупостей.

Отсутствие желаний снимает вопрос предела. Если ты ещё не дошёл до этой стадии Пути, следует искать руководства в виде тождества с дэ, когда Воля Бога даст тебе видение и понимание предела. Без ошибок не обойтись, но на них ты будешь учиться. Видение предела необходимого действия развивается вместе с ростом осознанности и более глубоким пониманием ситуации, в которой сейчас находишься. Так это происходит на Пути.

Опасность возникает из страстей, а сильное желание жить и брать от жизни всё, по этой логике, приводит человека к быстрой гибели. Доля правды здесь, безусловно, присутствует. Ну, а когда учишь, небольшое преувеличение идёт только на пользу учащимся, хотя мотивация обещанием долгой, скучной жизни — тоже немного сомнительная. Бойтесь плохих желаний, но потакайте хорошим. Долго жить — хо-

рошо, вот к этому и стремитесь. Компромиссы в изложении истины не идут на пользу ни истине, ни учению. Либо все желания должны быть удалены, и стремиться нужно только к познанию дао, либо мы будем покупать интерес людей обещанием долговечности и соберём вокруг себя всех, кто боится смерти и хочет жить как можно дольше. Толку на Пути от таких будет мало, потому что трусость ни в чём не помогает, но от всего отгораживает. Впрочем, главы с простыми наставлениями делают текст чуть более привлекательным для обывателей, и им же нравятся указания, помогающие сделать жизнь долговечнее. Следовать им они всё равно не смогут, но получить немного мудрости задаром нравится всем. Мудрое эго привлекательнее глупого; украшение себя — любимое занятие многих людей. На этом и остановимся.

Великое совершенство похоже на несовершенное, но его действие [не может быть] нарушено; великая полнота похожа на пустоту, но её действие неисчерпаемо. Великая прямота похожа на кривизну; великое остроумие похоже на глупость; великий оратор похож на заику.

Ходьба побеждает холод, покой побеждает жару. Спокойствие создаёт порядок в мире.

И вот опять мы разбираем позицию внешнего свидетеля, которому видится не то, что есть на самом деле. Совершенство не оценивает себя, совершенномудрый таковым себя не ощущает. Таким его могут признать или не признать окружающие, а сам он себя не идентифицирует, поскольку не имеет в этом необходимости, как не имеет и эго, озабоченного своей важностью и значимостью. И тогда получается, что обычный человек видит несовершенное, а оценить величие имеющегося совершенства способен только тот, кто и сам совершенен. Или, говоря проще, увидеть великое совершенство не способен почти никто. Так оно превращается в абстракцию, но зато имитаторы могут вести себя нарочито странно, чтобы потом обвинить несчастных последователей в том, что те неспособны воспринять истинно совершенное.

Великая полнота появляется в тексте впервые, и, видимо, мы должны понять из этого, что пустота тоже оборачивается полнотой, запуская процесс Творения. В переживаниях мистиков Бог может ощущаться как великая полнота, вопросов нет; но остальные эту полноту почувствовать в принципе не

смогут. Тем не менее, говорить о том, что мало кому доступно, пока не возбраняется; к тому же надо дать людям знание, что есть в мире и по-настоящему великие вещи.

Все эти слова о великом приводят нас к очевидному выводу, что только великий оценит великое, а остальные могут только воображать, что понимают, хотя не понимают и не поймут, пока не дорастут до такого же уровня величия. Это знание может отрезвить тех, кто любит выносить суждения; кроме того, людям бывает полезно поразмыслить над ограниченностью своего восприятия.

У человека есть возможность приспособления к внешним условиям, побеждая ходьбой холод и в покое перенося жару. Действие, адекватное внешней ситуации, позволяет её разрешить. Если вы не впадаете в панику при первой же возможности, тогда вы найдёте способ пережить трудные времена и выйти из сложившейся ситуации наилучшим образом. Спокойствие ума спасает человека от помрачений и безрассудных действий. Так слова Лао Цзы трактуются в отношении человеческой жизни. Можно, конечно, здесь порассуждать, что присутствие всегда спокойного совершенномудрого в мире способствует наведению порядка в нём, но это будет перебор. Да, в том месте, где он сейчас пребывает, энергии выровняются, но во всём мире — извините, не будем выдавать желаемое за действительное. Иначе одного Лао Цзы хватило бы, чтобы навести в мире порядок, и ему не пришлось бы всё время рассуждать о нём в своей книге.

Когда в стране существует дао, лошади унавоживают землю; когда в стране отсутствует дао, боевые кони пасутся в окрестностях. Нет больше несчастья, чем незнание границы своей страсти, и нет большей опасности, чем стремление к приобретению [богатств]. Поэтому, кто умеет удовлетворяться, всегда доволен [своей жизнью].

Даже если считать, что дао в данном контексте означает Путь, то всё равно смысл первого предложения остаётся не вполне ясным. Путь не существует, если по нему никто не идёт. Не следует думать, что Путь — самостоятельная мета-

физическая единица и почти живая вещь; так думают только те, кто ничего о Пути не знает. Человек, вступающий на Путь, проявляет его реальность; без путника Пути нет.

Поэтому здесь следует говорить либо о носителях и проводниках дао, поддерживающих гармонию в стране, либо о людях, идущих по Пути и делающих то же самое. Равновесие энергий, удерживающее людей от помрачений алчности и гнева, способствует сохранению мира между людьми.

Предупреждение о вреде желаний и алчности повторяется в очередной раз. Ну и, конечно, тот, чьи желания минимальны или отсутствуют, тот и доволен жизнью. В целом эта глава не даёт нам никакой новой информации, и неизвестно, принадлежит ли она перу Лао Цзы или была позже вставлена в текст каким-нибудь доброхотом, падким на нравочения.

Не выходя со двора, можно познать мир. Не выглядывая из окна, можно видеть естественное дао. Чем дальше идёшь, тем меньше познаёшь. Поэтому совершенному-дрый не ходит, но познаёт [всё]. Не видя [вещей], он проникает в их [сущность]. Не действуя, он добивается успеха.

Теоретически мир можно познать и глядя из окна, при наличии у вас высокой наблюдательности и сильного аналитического ума. Но, конечно, погуляв по двору, пощупав руками деревья, ощутив землю босыми ступнями и вообще — познакомив с миром и его обитателями все свои пять чувств, знание получится более глубоким и точным. Те, кто хотят путешествовать, стремятся не столько к познанию мира, сколько к получению новых впечатлений, ведь дерево остаётся деревом, даже если оно выглядит иначе, чем то, что стоит у тебя во дворе. Законы мира познаются в любом малом его уголке, а то, что существуют нюансы их проявления, так это самих законов не меняет.

Увидеть естественное дао можно в любом месте при условии, что твоё восприятие развилось настолько, чтобы видеть дао. Здесь всё понятно.

«Чем дальше идёшь, тем меньше познаёшь». Фраза касается как мирского продвижения, так и продвижения по Пути. В любой деятельности ты сначала набираешься знаний и навыков, а потом, применяя их, познаёшь уже гораздо меньше, или же познавать тебе становится уже совсем нечего. В каждой работе существует свой «потолок», выше

которого подниматься некуда. То же касается путешествий, повторения удовольствий и вообще всего, чем занимаются люди.

На Пути человек движется от знания к тайне. Существование дао и дэ — великая тайна, и чем больше ты к ним приблизился, тем и сам стал таинственнее. И я говорю не про нарочитую загадочность, которой любят окружать себя не слишком умные люди, а о том, что меняется всё твоё бытие; и как жить без желаний, знают только те, кто пришёл к такой жизни. Для всех остальных состояние бытия мистика остаётся тайной за семью печатями, и даже самое развитое воображение не способно приблизиться к пониманию этого феномена. Тожественность дао — тайна, следование дэ — ещё одна тайна, и чем дальше мистик продвинулся, тем большим количеством тайн окутана его жизнь. Познать их невозможно, но можно в них жить. Так что познание на Пути в какой-то момент сменяется чистым проживанием происходящего, без попытки выстроить из переживаемого какую-нибудь теорию. Хватает простой Истины — вот Тайна; этого достаточно.

Способ познания через созерцание сути вещей существует, но, чтобы он работал, необходимо иметь то, что созерцать. Должна быть исходная информация или впечатление, из ничего многого не насозерцаешь. Противопоставление обычного метода познания через размышления и познания через созерцание и озарение понятно, оно призвано обозначить разницу между обывателем и мистиком. При этом состояние созерцания доступно людям вне Пути — учёные, писатели и все, кому нужно прийти к пониманию взаимосвязей внутри ситуации или какого-то явления, пользуются им интуитивно и достигают своей цели. Озарения случаются с теми, кто решает очень трудную задачу и имеет высочайшую необходимость в обнаружении ответа. Поэтому такой способ

познания не эксклюзивен, он не принадлежит одним лишь совершенномудрым. Просто они используют его постоянно, целенаправленно и сознательно, вот и вся разница.

В последних двух предложениях мы видим начало возвеличивания способностей совершенномудрого. Судите сами: он, не видя вещей, проникает в их сущность. Если речь идёт о знании невидимого — вроде дао и дэ, — тогда это утверждение имеет смысл. Если здесь заявляется претензия на всезнание совершенномудрого, которому ведомо всё происходящее в мире и суть всех вещей мира, — то это чушь. Будем считать, что автор говорит о познании невидимого.

«Не действуя, он добивается успеха». А здесь будем считать, что речь идёт о недеянии и об успешном познании, не требующем дальних путешествий. Впрочем, образ совершенномудрого в следующих главах всё равно начнёт необратимо меняться, обрастая фантастическими способностями. На качестве текста это изменение скажется тоже — мы подходим к главам, многие из которых, как я считаю, были добавлены позже подлинных глав, и авторы их пишут фанфики по мотивам сочинения Лао Цзы так, как сумели его понять. В общем, впереди нас ждёт непростое и удивительное путешествие.

Кто учится, с каждым днём увеличивает [свои знания]. Кто служит дао, изо дня в день уменьшает [свои желания]. В непрерывном уменьшении [человек] доходит до недеяния. Нет ничего такого, что бы не делало недеяние. Поэтому овладение Поднебесной всегда осуществляется посредством недеяния. Кто действует, не в состоянии овладеть Поднебесной.

В переводе Ян Хин Шуна первые предложения этой главы выглядят повтором уже сказанного. В переводе Владимира Малявина они смотрятся интереснее: «Тот, кто претворяет Путь, каждый день теряет. Потеряй и ещё потеряй — так дойдёшь до недеяния». Продвигаясь по Пути, человек постоянно что-то теряет: страхи, тревоги, привязанности, привычки, автоматические реакции ума, веру в идеи; рушатся прежние отношения, исчезают прежние интересы, растворяется эго, и пропадают желания. Конечно, взамен человек обретает покой, принятие и прочие приятные состояния, которые во многом есть следствие отсутствия всех видов желаний, автоматических реакций и беспокойства ума.

Переставая действовать из желаний и эго, он приходит к состоянию недеяния, которое нельзя отождествлять с полной бездеятельностью, ибо тогда мы получаем настоящий абсурд. Вот, например, удовлетворение естественных потребностей — это действие или нет? Съесть завтрак в состоянии полной осознанности и неотожествления с действием вполне возможно. А позавтракать, оставаясь в буквальном бездействии, никак не получится.

«Нет ничего такого, что бы не делало надеяние». У Маякина: «Ничего не будешь делать — и всё будет делаться». Если понимать сказанное буквально, то надеяние превращается в особую сущность, наподобие джинна из арабских сказок, которая будет неустанно трудиться, пока ты лежишь, как труп. Странное совершенство, не правда ли? Адекватным был бы такой перевод: «Нет ничего такого, что нельзя было бы делать в состоянии надеяния». Но если переводчику это состояние неизвестно, тогда и надеяться на адекватный перевод не приходится.

Но дальше в тексте всё становится ещё хуже: овладение Поднебесной осуществляется посредством надеяния, и кто действует, не в состоянии овладеть Поднебесной. Допустим, что эти строки обращены к власти имущим или к тем, кто жаждет завоевания мира. Тогда им даётся совет, заранее обрекающий их на неудачу, ибо Поднебесной овладевают только через действия, причём действия достаточно агрессивные. Бездействуя, потеряешь даже то, что имеешь.

Если совершенномудрый овладевает Поднебесной через надеяние, то это выглядит по меньшей мере странно: зачем человеку, не имеющему желаний, овладевать хоть чем-нибудь? Человек, ищущий близости с дао или Богом, изначально уходит от мира и его так называемых соблазнов. Зачем ему владеть тем, что ему не нужно? Поэтому фраза о надеянии, помогающем овладеть Поднебесной, выглядит рекламной надеяния, которое волшебным образом делает всё (что хочешь). А пишет эти слова человек, не понимающий сути надеяния, но воображающий себе его невероятную мощь.

Совершенномудрый не имеет постоянного сердца. Его сердце состоит из сердец народа. Добрым я делаю добро и недобрым также делаю добро. Таким образом и воспитывается добродетель. Искренним я верен и неискренним также верен. Таким образом и воспитывается искренность.

Совершенномудрый живёт в мире спокойно и в своём сердце собирает мнения народа. Он смотрит на народ, как на своих детей.

Когда человек перестаёт жить желаниями, остаются только необходимости. Есть его личные необходимости, есть необходимости Творения, и есть необходимые людей, с которыми он взаимодействует. Сердце, по Лао Цзы, служитместилищем страстей или, говоря иначе, — местом, где проявляются и ощущаются желания. Если вы понаблюдаете, где чувствуется энергия желания, когда оно поднялось внутри вас, то увидите, что наиболее сильное ощущение появляется в центре груди. Так вот, отсутствие постоянного сердца — это отсутствие набора своих собственных желаний, следуя которым, люди годами делают одно и то же.

«Его сердце состоит из сердец народа». В суфийской версии этапов индивидуальной эволюции человека шестая стоянка нафса называется «нафс, которым довольны другие». Всего таких стоянок насчитывается семь, и седьмая здесь — совершенный нафс. Под нафсом в суфизме подразумевают совокупность сущностных и личностных качеств человека, которые изменяются и трансформируются по мере продвижения по Пути. В шестом нафсе желаний у человека уже нет, и потому агентом, побуждающим его к действию в недеянии, могут служить необходимости окружающих людей. Мы же помним, что совершенномудрый помогает людям разными таинственными способами? Так вот, именно в шестом нафсе он учится тому, как можно это делать.

Сильное желание создаёт не менее сильную необходимость — либо в его выполнении, либо в освобождении от желания; ведь не так уж редко люди хотят чего-то неосуществимого, вроде всеобщего братства или создания рая на Земле. Святые, как мы знаем, в основном помогают людям получать желаемое — исцеление от болезней, удачу в делах, счастливое замужество и тому подобные простые и не очень

простые вещи. Любой, кто молится, знает, что и Господь в первую очередь откликается на молитву из истинной необходимости, игнорируя просьбы «на всякий случай» и «потому что об этом положено просить», а также моления из желания «быть хорошим». Помощь в освобождении от неисполнимого желания не менее ценна, чем помощь в исполнении того, что может быть исполнено, и в этом совершенному-дрый, безусловно, лучший специалист в мире.

Вот и получается, что желания людей отчасти замещают мистику его собственные желания, и так у него появляется мотивация для применения своего недеяния в мире. А иначе он, действительно, сядет и будет сидеть ровно, пока дао или дэ не призовут его к действию, а люди останутся жить в своих страданиях из-за несбыточного.

Тот, кто не зависит от идей и не связан представлениями о добре и зле, не станет делить людей на ранги в оказании им помощи. Страдания недоброго ничем не отличаются от страданий добряка — содержание разное, а суть одна. Действуя не из идей, а из видения, совершенному-дрый даёт каждому ровно то, что ему нужно. Каждый получает своё — а уж как изменится человек после взаимодействия с совершенному-дрым, нам знать не дано, поскольку такие изменения всегда индивидуальны.

«Искренним я верен, и неискренним также верен». Возможно, что речь здесь идёт о верности своим обещаниям или о том, что совершенному-дрый остаётся открытым и искренним даже с теми, кто лжёт ему в лицо. Подобное поведение со стороны мистика естественно, и специально писать о нём можно только ради обозначения всё той же пресловутой разницы между совершенному-дрым и «простыми» людьми.

Продвижение по Пути сопровождается перемещением с одной ступени индивидуальной эволюции на другую, и так меняются состояния нафса. Путь всегда подразумевает ие-

рархию, ведь тот, кто прошёл дальше, не только обладает более глубоким опытом, но и находится в высшем по отношению к твоему состоянию бытия. Или, говоря языком Лао Цзы, тот, кто прошёл дальше, более тождествен дао и дэ, чем ты. Совершенномудрый видит жизнь иначе — описанию этого видения, собственно, посвящён весь текст «Дао Дэ Цзин». Поэтому неудивительно, что мистик, наблюдая, как люди занимаются ерундой и беспокоятся из-за ерунды, может сравнивать их с неразумными детьми. При этом, правда, он не претендует на роль отца, а потому никого не наказывает. От фразы «Он смотрит на народ, как на своих детей» веет слащавостью, но тут, видимо, мы имеем дело с трудностями перевода. У Малявина она переведена так: «А он их привлекает как детей» — чуть лучше, но оттенок доброй снисходительности всё-таки остаётся. С другой стороны, мистик проходит разные этапы на своём Пути, всякое бывает. Высшая Любовь, избыток сострадания и всё такое. Потом он перестаёт выставлять себя на свет и становится скрытым от людей; чем ближе к дао, тем меньше проявлений.

Жизнь совершенномудрого — сложная штука.

[Существа] рождаются и умирают. Из десяти человек три [идут] к жизни, три — к смерти. Из каждых десяти ещё имеются три человека, которые умирают от своих деяний. Почему это так? Это происходит оттого, что у них слишком сильно стремление к жизни.

Я слышал, что, кто умеет овладевать жизнью, идя по земле, не боится носорога и тигра, вступая в битву, не боится вооружённых солдат. Носорогу некуда вонзить в него свой рог, тигру негде наложить на него свои когти, а солдатам некуда поразить его мечом. В чём причина? Это происходит оттого, что для него не существует смерти.

Пришло время поговорить о смерти. Итак, трое идущих к жизни — это дети, трое идущих к смерти — старики, умирающие естественной смертью, и ещё трое умирают «от своих деяний». Что значит — сильное стремление к жизни? Это стремление к полноте её проживания, к получению максимального наслаждения и острых ощущений. Секс, наркотики, рок-н-ролл, покорение Эвереста, гонки на предельных скоростях — вот примеры насыщения стремления к жизни, и надо полагать, что во времена написания «Дао Дэ Цзин» существовали свои способы получения предельных удовольствий и стимуляции выбросов адреналина. Конечно, можно подумать, что под деяниями, приводящими к смерти, автор подразумевает привычное уже накопление богатств и разного рода преступления, но они вполне могут сопутствовать стремлению к получению наивысшего наслаждения. В ито-

ге преступника казнят, наркоман гибнет от передозировки, а многие удовольствия хоть и не становятся причиной смерти человека, но существенно сокращают время его жизни. В общем, нам предлагается достаточно банальное наблюдение, не претендующее на особую глубину.

А вот в следующем абзаце появляется нечто новое, ранее в тексте не встречавшееся. Нам даётся описание неуязвимо-го и, по сути, бессмертного героя, которого, впрочем, совершенномудрым не называют; но о ком ещё может идти речь в книге, посвящённой совершенной мудрости? Он «умеет овладевать жизнью» (у Малявина — «постиг мудрость сбереженья жизни»), и потому «для него не существует смерти». Причём, он не просто живёт бесконечно долго, но теперь ему не страшны дикие звери и мечи солдат. Совершенномудрый и у Лао Цзы был существом необыкновенным, но теперь он просто стал сверхчеловеком.

Долговечность, о которой писал Лао Цзы, — это всё-таки не вечная жизнь. Все вещи возвращаются к дао — то есть исчезают, возвращаются в небытие. Для совершенномудрого исключения не делалось, и вот — на тебе. Более того: в описании древних мудрецов мы видели робость и осторожность, но теперь перед нами — лихая удаль человека, вступающего в битву и шляющегося по местам обитания диких зверей. То есть он ведёт себя как тот, кто излишне стремится к жизни, но при этом не только не погибает, но, напротив, не знает смерти. Налицо очевидное противоречие, но автора оно нисколько не смущает. Тот, кто знает секрет, может вести себя, как хочет; вот какой вывод прямо-таки напрашивается по прочтении этой главы. И она никак не может принадлежать перу Лао Цзы, потому что вступает в противоречие практически со всем, что написано в первой части книги.

Даосы, как известно, ищут бессмертия, а надо бы искать освобождения от желаний и обретения дао. Не исключено,

что именно эта глава подтолкнула последователей Лао Цзы и тех, кто позже развивал теорию и практику даосизма, к поискам невозможного. Это любит бессмертие, только поэтому оно в разных формах присутствует во всех религиях. Вечное существование привлекает людей, ведь оно почти гарантирует нескончаемые удовольствия и бесконечное время для исполнения всех желаний. Но таков ли путь к совершенной мудрости?

Дао рождает [вещи], дэ вскармливает [их]. Вещи оформляются, формы завершаются. Поэтому нет вещи, которая не почитала бы дао и не ценила бы дэ. Дао почитаемо, дэ ценимо, потому что они не отдают приказаний, а следуют естественности.

Дао рождает [вещи], дэ вскармливает [их], возвращает их, воспитывает их, совершенствует их, делает их зрелыми, ухаживает за ними, поддерживает их. Создавать и не присваивать, творить и не хвалиться, являясь старшим, не повелевать — вот что называется глубочайшим дэ.

Здесь мы видим перепевание того, что было уже сказано Лао Цзы, на новый лад. Нам известно, что сначала дэ появляется из небытия дао, а потом оно рождает все вещи и вскармливает их; впрочем, фраза «дао рождает» уже встречалась в тексте, а точность формулировок — не самое сильное место «Дао Дэ Цзин». Новое здесь вот что: нет вещи, которая не почитала бы дао и не ценила бы дэ. Если имеются в виду все вещи мира — вся неживая его природа, — тогда, испытывая почитание к дао, она должна быть живой. Какое почитание может испытывать камень? Или океан? Если же речь идёт только о живых существах, то куда мы денем тех, кто, узнав о дао, подвергает его осмеянию? Кроме того, дао скрыто, и никто его не видит и не чувствует, а потому и почитать его не может.

Фраза о почитании — очевидная благоглупость, написанная, видимо, каким-то вдохновлённым человеком, желав-

шим спроецировать свою вдохновлённость на все вещи мира. Следующая фраза, впрочем, смотрится чуть лучше: дао почитаемо, дэ ценимо, потому что они не отдают приказаний, а следуют естественности. Заявление о ценности и почитаемости — повторение той же глупости, но с тем, что действие дао и дэ следует необходимости, не поспоришь. Правда, автор тут же низводит смысл сказанного до человеческого (слишком человеческого) уровня — упоминание о том, что дао и дэ не отдают приказаний, показывает, что он обращается к власти имущим: хотите, чтобы вас почитали и ценили, перестаньте указывать нам, как жить. То есть криво переписанная истина, дополненная фантазиями, служит орудием политического воздействия. Такое понимание объясняет цель, с которой эта глава была написана и добавлена к тексту Лао Цзы.

Далее идёт намёк, что всем правителям надо бы быть такими же, как дэ, — воспитывать, совершенствовать, ухаживать и поддерживать. Следовать потребностям народа и служить ему. Финальная фраза, близко к тексту повторяющая последний абзац из десятой главы «Дао Дэ Цзин», призвана, с одной стороны, легитимизировать подделку, с другой — напомнить правителям, как достигается совершенство. С логической точки зрения, она ломает текст, переосмысливая с рассуждений о высших функциях дао и дэ на человеческое поведение, но для наставления князей и так сгодится. Главное — донести до них послание: делайте то, что нужно людям, забыв о своей алчности и прочих пороках; а благое дело иногда требует и подлога, ведь высшая цель, по идее, оправдывает средства ещё в большей степени, чем цель обычная, рядовая. А Лао Цзы не обидится, он добр, мудр, уже умер и не требует защиты своих авторских прав. Чем мы все, по мере сил и необходимости, пользуемся.

В Поднебесной имеется начало, и оно — мать Поднебесной. Когда будет постигнута мать, то можно узнать и её детей. Когда уже известны её дети, то снова нужно помнить об их матери. В таком случае до конца жизни [у человека] не будет опасности. Если [человек] оставляет свои желания и освобождается от страстей, то до конца жизни не будет у него усталости. Если же он распускает свои страсти и поглощён своими делами, то не будет спасения [от бед].

Видение мельчайшего называется зоркостью. Сохранение слабости называется могуществом. Следовать сиянию [дао], постигать его глубочайший смысл, не навлекать [на людей] несчастья — это и есть соблюдение постоянства.

О матери говорится в первой главе «Дао Дэ Цзин»: «Безымянное есть начало неба и земли, обладающее именем — мать всех вещей». Видимо, автор главы имеет в виду именно эту мать. В таком случае, он советует нам сначала познать Творца, а потом уже познавать «всю тьму вещей», чтобы позже снова помнить о Творце. В качестве награды за эти усилия нам обещана безопасность до конца жизни. Совет прекрасный, жаль только, что практически он неосуществим.

Познание причины всегда полезно. Вот, например, вы опечалены, и если вам удастся увидеть нереализованное желание, следствием которого стало появление печали, тогда можно будет что-нибудь предпринять, чтобы изменить — и ситуацию, и своё состояние. Проблема только в том, что

мы всегда вынуждены идти к причине от следствий; ведь, когда их нет, нет и причины.

Мать Поднебесной (Творца Мира) познать напрямую нельзя, ведь это будет умозрительное знание, основанное на идеях и фантазиях, и очень далёкое от реальности. К Причине появления всего мы тоже должны идти от следствий, от сотворённых объектов. Человек познаёт Творца через познание самого себя, делая себя главным объектом исследования. По-другому должного уровня восприятия никогда не достигнуть, и не получится подготовить себя к взаимодействию с Высшим.

Творец (как и Абсолют) познаётся во взаимодействии с Ним. Бывают, конечно, озарения, открывающие человеку некую Истину о Боге, но она всегда упрощена и частична. Да и не может быть у человека полного знания о Первопричине, слишком он мал для того, чтобы познать необъятное.

Постигнув мать, нет необходимости в том, чтобы узнавать её детей, ведь если человек уже узнал себя, то он и так всё знает о людях. В одной из следующих глав «Дао Дэ Цзин» будет об этом сказано, но автор данной главы, возможно, её не читал. Доподлинно неизвестно, сколько доброхотов трудилось над тем, чтобы дополнить книгу Лао Цзы своими «прозрениями».

Тем не менее, помнить о матери полезно, ведь это запоминание сможет уберечь вас от всяких не слишком осмысленных действий, которые в итоге укоротят вашу жизнь. Знание того, что есть высшая сила, творящая и поддерживающая мир, даст вашей жизни дополнительное измерение, в котором, помимо видимого, появится и невидимое, но доступное чувствованию. Большие смыслы лучше маленьких, жизнь, в которой есть место Творцу, богаче, чем жизнь без Бога.

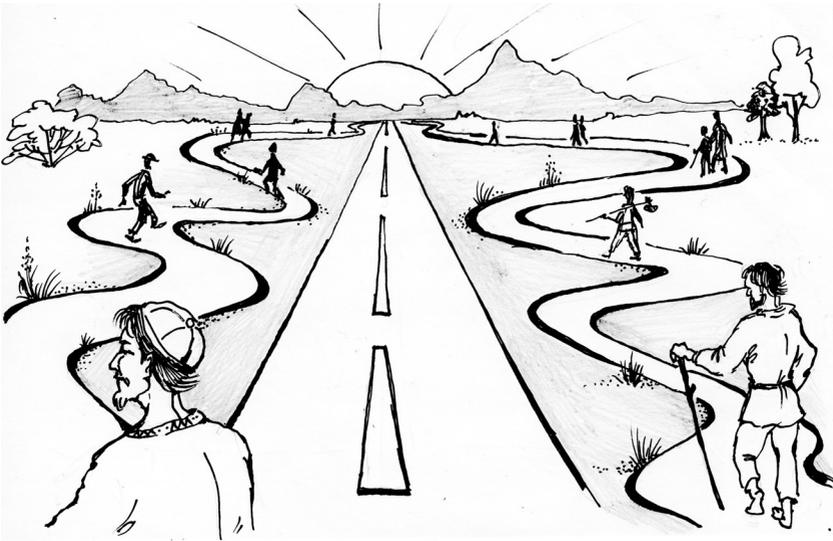
Сильная страсть истощает человека, а желания неизбежно приносят страдания своему обладателю. Отсюда, соб-

ственно, и возникает усталость, которой, по мнению автора главы, не будет у человека, свободного от желаний. Поразительно, как легко люди рассуждают о том, чего никогда не испытывали, а потому и не знают.

Финальные фразы главы насквозь вторичны и ничего нового нам не дают. Впрочем, отпечаток вторичности лежит на всех добавленных главах, поскольку их авторы имеют своей целью создание текста, тщательно имитирующего оригинал. В результате в изначально непростой текст вносится дополнительная смысловая путаница, наводящая тоску на читателя. Но сделанного не воротишь, так что пойдём дальше, к новым прозрениям и откровениям.

Если бы я владел знанием, то шёл бы по большой дороге. Единственная вещь, которой я боюсь, — это узкие тропинки. Большая дорога совершенно ровна, но народ любит тропинки.

Если дворец роскошен, то поля покрыты сорняками, и хлебохранилища совершенно пусты. [Знать] одевается в роскошные ткани, носит острые мечи, не удовлетворяется [обычной] пищей и накапливает излишние богатства. Всё это называется разбоем и бахвальством. Оно является нарушением дао.

Тот, кто знает дао, идёт по большой, ровной дороге. Тот, кто не знает дао, ходит узкими тропинками. Автор сомневает-

ся в своём знании и боится потерять Путь, если вообще вступил на него.

Символика, прямо скажем, очень простая и сообщающая нам только о состоянии того, кто написал эту главу; совершенномудрый не имеет желаний, а потому не испытывает страха утраты чего бы то ни было, включая воображаемую возможность утраты дао или Пути. Тот, кто достиг, уже не теряет; тому, у кого ничего нет, и терять нечего.

Можно, конечно, сказать, что большая, ровная дорога — символ открытости и единения с Высшим, а узкая тропинка — путь эго, опирающегося на свои силы и никому не доверяющего. Так первый абзац главы будет чуть меньше похож на словоблудие, но толку нам от этого сравнения всё равно мало.

Второй абзац по содержанию вторичен и повторяет то, что уже было сказано Лао Цзы: алчность и бахвальство нарушают гармонию; они вредны и осуждаемы. Видно, не очень хорошо обстояли дела в стране, раз все мудрецы стремились наставить знать на путь истинный. Не думаю, что наставлениями, осуждением и благими пожеланиями можно было что-то изменить, но на идеях справедливости и правильности вырастают будущие революционеры, а революции заставляют властителей менять форму и стиль правления. Но нам, конечно, всё это малоинтересно, а потому мы перейдём к следующей главе.

Кто умеет крепко стоять, того нельзя опрокинуть. Кто умеет опереться, того нельзя свалить. Сыновья и внуки вечно сохраняют память о нём.

Кто совершенствуется [дао] внутри себя, у того добродетель становится искренней. Кто совершенствуется [дао] в семье, у того добродетель становится обильной. Кто совершенствуется [дао] в деревне, у того добродетель становится обширной. Кто совершенствуется [дао] в царстве, у того добродетель становится богатой. Кто совершенствуется [дао] в Поднебесной, у того добродетель становится всеобщей.

По себе можно познать других; по одной семье можно познать остальные; по одной деревне можно познать остальные; по одному царству можно познать другие; по одной стране можно познать всю Поднебесную. Каким образом я узнаю, что Поднебесная такова? Поступая так.

Новая глава начинается с фраз, построенных по тому же принципу, что мы уже видели в двадцать седьмой главе «Дао Дэ Цзин». Здесь говорится о повышенной устойчивости и сопротивляемости — и потому мы можем заподозрить намёк на особую внутреннюю стабильность или подумать об упорстве и выносливости человека, который стойко переносит невзгоды и удары судьбы. Утверждение, конечно, послабее, чем «умеющий шагать не оставляет следов», искать в нём глубины не приходится. Зато мы узнаём, что такой человек навсегда остаётся в памяти своих потомков. В одной из последующих глав, правда, будет сказано, что совершенно мудрый не знает близости полов, но речь, похоже, идёт не о нём. Ну, или бывают варианты.

В следующем абзаце тема меняется, и перед нами предстаёт картина неуклонно возрастающей добродетели, возникающей у того, кто совершенствует дао. Малявин вместо слова «добродетель» использует «совершенство», смысловая разница имеется, но содержание становится менее правдоподобным. Представить себе обширную добродетель в древне трудно, но можно. А вот вообразить в ней обретение вечного совершенства по Малявину уже не получается. Хотя я, может быть, видел неправильные деревни.

Итак, кто совершенствует дао внутри себя, у того добродетель становится искренней. У Малявина дао пестуется, но смысл тот же. И здесь нам, наконец, пора задуматься о том, что всё-таки собой представляет понятие дао — если термин не переводится, или Пути — если переводится. Путь, в общем, тоже понятие широкое, а уж тексте Лао Цзы оно предстаёт настолько широким, что и к Пути в привычном для нас понимании этого слова уже совсем не подходит.

Что мы узнали из «Дао Дэ Цзин»? Первая ипостась дао — источник всех вещей, к которому они неминуемо возвращаются, исчезая. Оно не проявлено, пусто, но в применении неисчерпаемо; воспринять его может только тот, кто свободен от страстей. Посредником между небытием дао и бытием мира является дэ — творящий мир элемент или сущность. Дэ подчинено дао и тоже рано или поздно вернётся в небытие. Тот, кто приблизился к дао и дэ, обретает их качества, становится тождественным им. Дэ даёт ему способность творить, дао — жить между бытием и небытием, видя истину воплощения и развоплощения вещей; тот, кто постиг дао и дэ, сам может становиться источником того, что люди называют чудесами. Такой человек, согласно Лао Цзы, становится совершенномудрым, научившимся осуществлять недеяние. Совершенномудрый действует, не действуя, и это трактуется двояко — либо он бездействует внутренне, либо внешне, при буквальном понимании слова «недеяние». Третий вариант, наиболее фантастический, заключается в том, что недеяние — это сверхспособность, проявляющая себя чуть ли не самостоятельно, вне воли человека. То есть он ничего не хочет и внутренне решает ничего не делать (хотя это тоже действие), но всё начинается происходить само собой, и результаты при этом получаются наилучшие. Однако учитывая тот факт, что в книге есть фраза «дао постоянно осуществляет недеяние», а у дао (в любой ипостаси) нет эго и нет внутреннего делателя, тогда первый вариант трактовки наиболее верен. Второй вариант — абсурден, а третий приводит к тому, что мы тогда должны выделить недеяние в отдельную сущность, обладающую своей волей, чего из «Дао Дэ Цзин» нигде ни разу не следует.

Вторая ипостась дао — Путь, ведущий к обретению совершенной мудрости. Ему можно следовать, выполняя всё необходимое, чтобы приблизиться к искомому состоя-

нию и к прямому взаимодействию с первой ипостасью дао. На Пути нужно избавиться от желаний и эго; это и условие взаимодействия с дао и дэ, и одновременно его следствие. То, что человек может сделать сам, — он делает сам. То, в чём нужна помощь Творца и Абсолюта, получается от них. Когда слово «дао» используется для обозначения Пути, дэ тоже меняет свой смысл. Тогда оно обозначает нравственность и совершенство. Соответственно, и следование дао становится следованием принципам и условиям Пути. Алчность, кичливость и прочие, не приветствуемые Лао Цзы качества человека, являются следствиями желаний, но и с ними можно работать отдельно. Так появляется система рекомендаций — как для тех, кто следует Пути, так и для «обычных» людей, желающих несколько улучшить своё личное дэ. Отсюда же возникают высшее и низшее дэ.

Если бы переводчики «Дао Дэ Цзин» озаботились различением двух смысловых уровней, связанных с иероглифом «дао», книга Лао Цзы стала бы в разы понятнее. Но одни просто не переводят иероглиф «дао», а другие, наоборот, везде переводят его как «Путь». В первом варианте непере­ведённое «дао» хорошо подходит к главам об источнике вещей и небытию, но становится непонятным в главах, где говорится о Пути. Там же, где вместо «дао» используется слово «Путь», возникает обратная картина — другая половина текста становится понятной, в ущерб той, где описываются пустота дао и его неисчерпаемость. Ну, а главы второй части книги окончательно запутывают всё, что можно, внося немало противоречий в сложную систему понятий, созданную Лао Цзы. Но — имеем то, что имеем.

Вернёмся к абзацу о совершенствовании дао. Понятно, что здесь имеется в виду именно Путь, а не небытие. При этом вряд ли вся семья или вся деревня разом захотели обрести совершенную мудрость, избавившись от желаний.

Значит, они следуют тому, чему могут следовать — ограничивают желания, стремятся к скромности и знанию меры; не причиняют зла окружающим и не поддаются страстям. Идиллическая картина, чреватая обращением в свою противоположность, если подавленные желания и чувства взрывообразно проявят себя; но половинчатые решения всегда имеют такие следствия. Впрочем, автора главы это не волнует — ему важно показать ценность следования Пути и те блага, которые оно приносит. Будем считать, что у него получилось.

В последнем абзаце — снова повтор или, если угодно, расширение того, что уже было сказано ранее; «не выходя со двора, можно познать весь мир», помните? Теперь тот же принцип перенесён на познание человечества и мира. Интересно, что в дословном переводе первые слова абзаца — «по себе можно познать других» — выглядят так: «собой созерцай себя». Переводчикам она непонятна, но всем, кто практикует осознанность и созерцание, ясна как день. В созерцании познаёшь законы функционирования ума и тела, в созерцании видишь желания и их истоки, в созерцании же можешь от них избавиться. Точно так же, имея навык созерцания, мы увидим общее в частных проявлениях, а потому нам станут понятны законы существования царства, деревни и всего остального.

В дословном переводе «собой созерцай себя» есть тот смысл, который ускользает, если стремиться сделать текст более логичным. Дословный перевод суховат и более понятен тем, кто уже и так знает, что такое созерцание, Путь и небытие. Каждый перевод добавляет к исходному тексту своей «воды», но избежать этого невозможно. Не будем же мы, в самом деле, учить китайский, чтобы прочитать «Дао Дэ Цзин» в оригинале; дел и без того хватает.

Кто содержит в себе совершенное дэ, тот похож на новорождённого. Ядовитые насекомые и змеи его не ужалят, свирепые звери его не схватят, хищные птицы его не заклюют. Кости у него мягкие, мышцы слабые, но он держит [дао] крепко. Не зная союза двух полов, он обладает животворящей способностью. Он очень чуток. Он кричит весь день, и его голос не изменяется. Он совершенно гармоничен.

Знание гармонии называется постоянством. Знание постоянства называется мудростью. Обогащение жизни называется счастьем. Стремление управлять чувствами называется упорством. Существо, полное сил, стареет — это называется нарушением дао. Кто дао не соблюдает, тот погибает раньше времени.

Глава двадцать восьмая: «Кто стал главным в стране, тот не покидает постоянное дэ и возвращается к состоянию младенца». Это можно трактовать как обретение внутренней чистоты, возвращение к жизни без желаний, основанной на естественных нуждах. Но такая трактовка слишком проста и очевидна, должно быть, наверное, что-то ещё — необыкновенное, загадочное и сверхчеловеческое. И вот в пятьдесят пятой главе мы находим по-своему прекрасное расширение и дополнение к тому, что было сказано раньше. В ней совершенный человек буквально уподобляется младенцу.

Я бы не стал считать метафорой фразы о мягких костях и слабых мышцах — сравнения с новорождённым уже достаточно, чтобы умный человек мог сделать из неё вывод

о состоянии совершенномудрого. Тот, кто писал эту главу, решил донести до нас всю необыкновенность мудреца, образно говоря, впавшего в детство, которая почему-то связана с защищённостью от нападения всех видов опасных и диких тварей. Так, видимо, подчёркивается особая привлекательность состояния новорожденного: в норме он защищается родителями, а в случае с мудрецом — просто защищается, без дополнительных объяснений. Чудо и не должно объясняться, это и дураку понятно.

И вот мы получаем странное существо, с размягчёнными костями и слабыми мышцами, не способное самостоятельно передвигаться; подобно младенцу, оно никогда не занималось сексом, хотя почему-то обладает хорошей потенцией. Как и младенец, оно способно долго кричать, не уставая, и в этом автор видит проявление его высочайшей гармонии.

Существует большой соблазн сделать практический вывод о том, что половое воздержание способствует приближению к состоянию совершенного дэ; проблема только в том, что искусственный аскетизм неестественен. Секс для человека, достигшего половой зрелости, является естественной потребностью, а воздержание — нарочитый, неестественный выбор. Вся книга Лао Цзы призывает к естественности и отказу от нарочитости. К тому же в предыдущей главе мы читали о сыновьях и внуках того, кто умеет крепко стоять. Из всего этого можно сделать три вывода: или герои новых глав каждый раз разные, и совершенномудрый так и не стал центральным персонажем «Дао Дэ Цзин»; или совершенномудрые так сильно отличаются друг от друга, что описываются не общим образом, а какие-то конкретные проявления отдельных достигших (у одного — семья, и он крепко стоит, другой живёт в безбрачии и страдает размягчением костей); или главы написаны разными авторами, каждый из которых придумывал что-то своё особенное, не имеющее ника-

кого отношения к реальности совершенномудрых. Выбрать можно, что больше нравится.

В переводе второго абзаца Ян Хин Шун и Владимир Малявин сильно расходятся, хотя суть сказанного остаётся одинаковой — набор вторичных поучений и определений, подражающих тому, что уже говорилось в первой части книги. Нового — ничего, хотя фраза о том, что стремление управлять чувствами называется упорством, как бы призывает читателей к подавлению своих чувств. Но претензии, видимо, следует адресовать переводчику. Впрочем, в первой версии перевода Ян Хин Шун писал, что «напряжение духа в сердце называется упорством». Тоже мало полезного.

Два последних предложения второго абзаца слово в слово заимствованы из тридцатой главы. И это снова указывает на то, что автору очень хотелось приблизить свой текст к оригиналу и подкрепить его авторитетом свои выдумки. Судя по тому, что большинство комментаторов относятся к пятнадцатой главе вполне серьёзно, автору это удалось.

Тот, кто знает, не говорит. Тот, кто говорит, не знает. То, что оставляет свои желания, отказывается от страстей, притупляет свою пронциательность, освобождает себя от хаотичности, умеряет свой блеск, уподобляет себя пылинке, представляет собой глубочайшее. Его нельзя приблизить для того, чтобы с ним сродниться; его нельзя приблизить для того, чтобы им пренебрегать; его нельзя приблизить для того, чтобы им воспользоваться; его нельзя приблизить для того, чтобы его возвысить; его нельзя приблизить для того, чтобы его унижить. Вот почему оно уважаемо в Поднебесной.

Чего не хватает большинству глав второй части «Дао Дэ Цзин» — так это свежести. Удивительные заявления есть, а свежести нет. Всё пропитано духом повторения, как будто историю, которую мы уже слышали, нам пересказывают снова, но в пересказе она делается скучнее и примитивнее.

Начало здесь бодрое: знающий не говорит, говорящий не знает. Буквальное понимание этих слов, принятое как чистая истина, заводит нас в тупик: ведь тогда любой, кто говорит о том, что он знает, например, что происходит в мире атомов, микробов, людей или даже о том, что происходит в соседнем дворе, — точно ничего не знает. А тот, кто говорит, что знает о том, чего говорящий не знает, сам сразу попадает в такое же положение. Поэтому добросовестный комментатор должен сделать интеллектуальное усилие, пред-

положив, что речь идёт только о тайном знании, о котором говорить либо запрещено, либо совсем невозможно.

Существуют люди начитанные, но не имеющие личного опыта мистических состояний и прохождения Пути. Если они возьмутся рассуждать обо всём этом, то их слова не будут иметь под собой истинного знания; а смысл того, что они где-то прочитали или услышали, исказится, ведь они станут говорить о том, чего по-настоящему не понимают. И потому начитанные люди поневоле внесут в пересказ своё понимание, не соответствующее содержанию исходного послания. Это мы, собственно, и наблюдаем при чтении большинства глав второй части «Дао Дэ Цзин».

Есть многое на Пути, что переживается, но не поддаётся адекватному выражению в словах. «Дао, которое может быть выражено словами, не есть постоянное дао», помните? Фразы «Тот, кто знает, не говорит. Тот, кто говорит, не знает», по сути, отсылают нас к утверждению, открывающему «Дао Дэ Цзин». Познавший дао должен молчать, говорящий пока ещё ничего не знает. Под определение говорящего тут же попадает и сам Лао Цзы, но об этом мы просто не должны задумываться. Я бы даже сказал, что мы не должны задумываться об очень многом из того, что написано в «Дао Дэ Цзин», иначе у нас могут возникнуть неправильные мысли, и мы не получим той дозы вдохновения и благоговения перед глубиной этого текста, которую получают из него многие другие. Лучше пойдём дальше.

Третье предложение абзаца — почти дословная цитата фразы из четвёртой главы, посвящённой описанию дао. Добавление в неё отказа от желаний и страстей позволяет предположить, что перед нами — рекомендация, как должен вести себя человек, стремящийся к тождественности с дао. Способен ли он сделать себя таким — другой вопрос. Однако упоминания человека в тексте нет, а есть «то» и «оно»,

и у Малявина так же. И тогда, увы, нам предлагается очередное описание дао, дополненное неуместными здесь желаниями и страстями; в следующей же фразе описывается полная индифферентность дао к попыткам им манипулировать. Поэтому оно уважаемо в Поднебесной, и поэтому мы переходим к рассмотрению следующей главы.

Страна управляется справедливостью, война ведётся хитростью. Поднебесную получают во владение посредством недеяния. Откуда я знаю всё это? Вот откуда: когда в стране много запретительных законов, народ становится бедным. Когда у народа много острого оружия, в стране увеличиваются смуты. Когда много искусных мастеров, умножаются редкие предметы. Когда растут законы и приказы, увеличивается число воров и разбойников.

Поэтому совершенномудрый говорит: «Если я не действую, народ будет находиться в самоизменении; если я спокоен, народ сам будет исправляться. Если я пассивен, народ сам становится богатым; если я не имею страстей, народ становится простодушным».

Ну вот и пришло время снова поговорить о недеянии. Из первой фразы следует, что тот, кто правит страной при помощи хитрости, ведёт войну со своим народом. Хотя, наверное, автор просто указывает нам, что нужно управлять страной справедливо. Не знаю, пригодится ли кому-нибудь из нас этот совет; разве что сделать его основным принципом любого управления.

Дальше — больше. Поднебесную получают посредством недеяния. У Малявина — посредством бездействия. Дальше нам объясняется, что любой избыток имеет свои следствия, а избыток запретительных законов приводит к увеличению количества преступлений и преступников. Следовательно, управлять надо, обходясь минимумом законов; так и проя-

вится надеяние. Есть ещё вариант — если устроить достаточное количество тюрем, тогда увеличение числа преступлений не будет такой уж большой проблемой. Видимо, автор говорит о несправедливых законах и ненависти, которую они медленно, но верно разжигают в народе. В наше время это утверждение выглядит банальностью; возможно, в древние времена оно было сродни откровению, кто знает. Истина оно, впрочем, соответствует, так что придраться не к чему. Правитель, снискавший народную любовь и уважение, может не беспокоиться за свою жизнь, если, конечно, его не задушат подушкой недовольные придворные. Но и им решиться на такое будет труднее на фоне всенародной любви.

Последний абзац загадочен: если бы всё то же самое говорил правитель, логика текста сохранялась бы — и всё было бы понятнее. Но речь о влиянии бездействия на народ произносит совершенномудрый, который, вообще-то, к делам управления никаким боком не относится. И получается нечто странное: совершенномудрый своими действиями мешает народу самоизменяться и оказывает какое-то невиданное влияние на всё происходящее. Если так, тогда понятно, почему он должен сидеть, почти не шевелясь, чтобы, не дай Бог, своими действиями не причинить непредвиденного вреда всему мировому человечеству.

Один человек учил меня когда-то, что на дурацкий вопрос надо, по возможности, давать умный ответ. Вот этим я сейчас и займусь.

Финальная стадия просветления сопровождается выходом за пределы причинно-следственных связей, выходом на нулевой Узор Плана Творения. Кто-то называет это выходом из колеса сансары, но названия не так уж и важны. Важно, что человек получает свободу от всех, практически, влияний, под которыми находился прежде, но у новой свободы есть обратная сторона. Просветлённый освобождён от вли-

яний своего личного Узора Судьбы, его действия могут непредсказуемо откликаться в нижерасположенных слоях общего Узора или в Узорах тех людей, с которыми он так или иначе связан. Известно, что свобода налагает на человека ответственность за свои поступки, но на нулевом уровне Узора ты прямо видишь и переживаешь эту взаимосвязь. И тогда возникает позыв ограничить свои действия самым необходимым, чтобы не причинить какого-либо ущерба тем, кто всё ещё находится под властью причин. Так может осуществляться выбор в пользу бездействия, однако он не имеет целью дать людям развиваться естественно в лучшую сторону, потому что на самом деле ничего подобного не происходит. Ты не плодишь непредвиденных следствий, вот и всё. Ты выбираешь бездействие ровно потому, что не обладаешь Божественным Всеведением.

В этом состоянии можно осуществлять действия, не имеющие никаких особенных следствий. Они относятся к удовлетворению простых нужд, без которых тело не сможет выжить. Постепенно ты учишься различать «опасные» и «неопасные» действия, и жить в новообретённом состоянии становится проще. Но к полному бездействию ты всё равно не приходишь, ведь даже на нулевом Плана ты всё равно остаёшься частью и участником Творения. А к действию в состоянии неотождествления и без ощущения делателя ты приходишь ещё раньше, и ничего потом не меняется.

Тем не менее, абзац с рассуждениями совершенномудрого — совсем не об этом. В нём продвигается идея о волшебном эффекте недеяния, которое почему-то должно обязательно привести к улучшению нравов и росту благосостояния. Взгляд абсолютно утопический, да ещё и приписывающий бездеятельности совершенномудрого особую благую силу. Повторю — если бы эти слова говорил правитель, тогда смысла в них было бы куда больше. На этом и остановимся.

Когда правительство спокойно, народ становится протодушным. Когда правительство деятельно, народ становится несчастным. О несчастье! Оно является опорой счастья. О счастье! В нем заключено несчастье. Кто знает их границы? Они не имеют постоянства. Справедливость снова превращается в хитрость, добро — в зло. Человек уже давно находится в заблуждении. Поэтому совершенномудрый справедлив и не отнимает ничего у другого. Он бескорыстен и не вредит другим. Он правдив и не делает ничего плохого. Он светел, но не желает блеснуть.

Ну вот, слова о спокойствии совершенномудрого, влияющем на состояние народа, перенесены на правительство, а «Дао Дэ Цзин» неуклонно превращается в политический трактат. Деятельное правительство делает народ несчастным, и дальше становится интересно: ведь из следующих строк мы узнаём, что несчастье является опорой счастья. То есть, делая народ несчастным, правительство закладывает основу будущего всенародного счастья. Если подумать, то именно так осуществляются любые реформы — ломаются прежние устои, вводятся новые законы и налоги, начинаются великие преобразования, сопровождающиеся великими же стройками... Народ от всего этого поначалу счастливее не становится, а во многих случаях и потом — тоже; но автор честно пытался применить метод Лао Цзы к счастью и несчастью, и попытку засчитать придётся, потому что доля правды в этом высказывании всё же есть. Состояния ме-

няются, ситуации — тоже; кроме того, говорят, что не бывает худа без добра, а благие намерения ведут своих обладателей напрямиком в ад.

Если бы автор главы задумался над своими же словами, то он, возможно, сумел бы понять, что деятельное правительство всё равно приведёт народ к счастью, просто нужно сначала потерпеть несчастье, а потом всё наладится. Более того, если бы он имел не книжные знания о постоянном круговороте состояний и энергий в мире, а подлинное видение того, как это происходит, то не стал бы писать назидательные строки о правительстве и правителях. Всё вернётся к источнику, радости и печали избежать невозможно, пока живёшь желаниями; стоит ли беспокоиться о народе, которому что ни дай — всё равно среди него останутся недовольные, и о правительстве, которое, как бы ни старалось, всех всё равно не осчастливит? Инь сменил ян, а потом ян сменил инь. Будут тёмные времена, потом светлые, а потом снова тёмные. Тот, кто видит это прямо, не беспокоится об увещеваниях правителей. А кто пишет им наставления или не может не вставить в текст «умную» мысль по поводу принципов правления — всё ещё хочет счастья для всех, а потому — не слишком мудр.

Завершается глава очередным описанием (восхвалением?) качеств совершенномудрого и очередным то ли повтором, то ли заимствованием: в двадцать четвёртой главе сказано: «Кто сам себя выставляет на свет, тот не блестит». Здесь: «Он светел, но не желает блестеть». Ну и отлично.

Управляя людьми и служа небу, лучше всего соблюдать воздержание. Воздержание должно стать главной заботой. Оно называется совершенствованием дэ. Совершенствование дэ — всепобеждающе. Всепобеждающее обладает неисчерпаемой силой. Неисчерпаемая сила дает возможность овладеть страной.

Начало, при помощи которого управляется страна, долговечно и называется глубоким и прочным, вечно существующим дао.

Поговорим о воздержании. Тот, кто соблюдает умеренность и обуздывает свои желания и страсти, управляя страной, — подаёт верный пример и пользуется уважением в народе. Власть развращает, но ты не развращайся; совет полезный, спору нет.

Служа небу, нужно знать меру, предел дозволенного. От того, как трактовать «небо» в данном контексте, зависит весь остальной смысл, и большинство комментаторов сходит на том, что «небо» — это физическое тело или, беря шире, всё бытие человеческого существа, все его уровни. Понятно, почему они приходят к такому выводу: воздержание понимается как процесс самосовершенствования, и последующие слова о всепобеждающем и неисчерпаемой силе как бы очерчивают перспективу возможного совершенствования. Тогда получается, что служение небу — это служение самому себе из высших побуждений. Выглядит странновато.

Если мы понимаем «небо» как Творца, одну из смысловых ипостасей дэ в «Дао Дэ Цзин», то послание главы стано-

вится иным. Служа Творцу и следуя Его Воле, нужно знать меру, потому что сила, с которой ты взаимодействуешь, слишком велика и может стать ловушкой для твоего эго, желающего не только служить, но и действовать самостоятельно, по своему разумению. Не так уж и трудно подменить служение небу служением своим желаниям, используя власть, данную тебе для исполнения Воли. Соблазн велик, и потому служение становится испытанием — трудным для всех и неисполнимым для некоторых. Вспомним: «Они были осторожными, как будто переходили по тающему льду».

В переводе Малявина воздержания нет, но есть бережливость. Накапливай энергию (или что?), копи заслуги (которые, по идее, зарабатываются в служении) — и быстрее прочих достигнешь тождественности с дэ. Сама идея накопления на Пути выглядит нелепо. Заслугами кичится эго, а энергию не накопишь, складировать внутри её нельзя — на то она и энергия, чтобы течь. Путь — это постоянная смена состояний, о чём нам и говорит Лао Цзы. Бережливость на Пути не только не помогает, но тормозит. Тратить себя без остатка — вот ключ к переменам.

Понимать воздержание в обыденном смысле, как отказ от секса и подавление желаний, не соответствует остальному контексту главы. Конечно, людям, не знакомым с настоящей работой над собой, подавление «плохого» видится основным способом самосовершенствования. Проблема в том, что подавление не приводит к обретению неисчерпаемой силы, а его следствием становятся неврозы и перенапряжения.

Следующий небу должен воздерживаться от подмены воли неба своими желаниями, и ему необходимо беречь свою осознанность, не утрачивая её ни на минуту. Так он наберётся всепобеждающей силы и станет главным в стране, как это описывалось в двадцать восьмой главе. Но даже если решить, что можно управлять страной, исходя из связи с не-

бытием или из понимания законов Пути, то ничего этим не добьёшься. Попытка смешать мирское и запредельное обречена на провал. Их можно соединять в своих мечтах, излагаемых на бумаге, но в реальности ничего не получится. Ты или выходишь из желаний, внутренне умирая для мира, или остаёшься в нём и живёшь по его законам. Совершенномудрый стоит позади всех, и о его существовании почти никто не знает — вот реальность того, кто познал дао во всех его ипостасях. И все эти рассуждения об управлении государством никакого отношения к бытию совершенномудрого не имеют.

Поэтому мы можем находить всякие хорошие смыслы в этой главе, но больше всего она похожа на продолжение политического трактата, начатого в предыдущих главах, и в ней тому, кто хочет управлять царством, предлагается следовать высшим духовным законам (небу), проявляя воздержание и бережливость и делаясь всё более нравственным и справедливым, после чего он сумеет овладеть страной. Дао приплетено для красного словца, так же, как долговечность и прочность. Отсылки к Лао Цзы, как я уже писал, придают тексту большей легитимности; а политические утопии вроде этой продвинутые мыслители сочиняли во все времена.

Впрочем, мутность формулировок позволяет вычитать из написанного всякое, поэтому каждый может выбрать для себя то, что ему по душе. То, что отвечает его собственным идеям и представлениям о возвышенном, и то, чему полагается быть в очень мистическом высокодуховном тексте.

Управление большим царством напоминает приготовление блюда из мелких рыб. Если Поднебесной управлять, следуя дао, то злые духи [умерших] не будут действовать. Но злые духи не только не будут действовать, они также не смогут вредить людям. Не только они не смогут вредить людям, но и совершенномудрые не смогут вредить людям. Поскольку и те и другие не смогут вредить людям, их дэ соединятся друг с другом.

Чем дальше в лес — тем больше дров. Вот неизвестный автор и договорился до того, что совершенномудрые подобны чертям, вредящим людям. Как и положено, по закону обра-

щения всего, что есть, в собственную противоположность, за какие-то тридцать глав (и неизвестно, сколько лет между их созданием) совершенномудрые из спасителей превратились во вредителей. Всегда приятно наблюдать неотвратимость действия законов бытия.

Комментаторы расходятся во мнении относительно приготовления блюда из мелких рыб; судя по всему, никто из них никогда таким не занимался. Одни говорят, что оно требует спокойствия и осторожности, другие, наоборот, утверждают, что мелкую рыбу проще всего кинуть в кастрюлю с кипящей водой, а потом вынуть уже готовой, не особенно напрягаясь. А напрягаются пусть те, кто будет её кушать.

Выводы поэтому делаются разные: то ли надо управлять спокойно и осторожно, то ли, как обычно, стараясь ничего не делать, чтобы не разозлить народ. Как по мне, то различия между этими подходами нет, а смысл главы сводится к тому, что надо отделить человеческую реальность от воздействия как низших, так и высших сил. Сама шестидесятая глава похожа на расширение третьей главы, где говорилось о том, что если не почитать мудрецов, то в народе не будет ссор, и надо сделать так, чтобы имеющие знание не смели бы действовать.

Другими словами, надо запретить любую магию и извести всех, кто имеет знания о ней. Создать инквизицию и дать ей пошуровать в стране пару десятков лет. Одновременно с этим запретить духовные практики, оставив только безобидные традиционные ритуалы, и извести всех, кто знает об истинной природе дао и дэ. Тогда люди будут думать только о насущном, и никто не помешает им набивать свои животы, а правители смогут спокойно ловить рыбку в мутной воде, чтобы потом готовить из неё всякие блюда.

Всё это прекрасно, но не соответствует пожеланиям о снижении количества запретительных законов и утвержде-

ниям о вреде чрезмерной активности правительства. Но автор этой главы, может быть, о них и не знает.

Если же знает, то нам надо понять, что он имеет в виду, говоря об управлении Поднебесной, следуя дао. Допустим, что правитель следует Пути, ведущему к тождественности с дао, — а другого в контексте «Дао Дэ Цзин» быть не может. Тогда правитель сам постепенно превратится в совершенно мудрого и станет опасным для людей. В любом случае, тот, кто сможет обезвредить злых духов, заодно с совершенному-дрыми, должен быть самым сильным магом в мире, по силе не уступающим Творцу Миров. В общем, как ни пытайся найти более-менее вменяемое толкование этой главы, получается сплошная чушь. Поэтому все комментаторы, чтобы не ронять своё комментаторское реноме, уходят в свои фантазии, толкуя их, а не содержание главы. Не думаю, что нам следует их упрекать — не каждый, видя бред, сможет признать его бредом; проще поискать скрытые смыслы или придумать их.

Финал главы великолепен — в нём дэ совершенномудрых соединяются с дэ злых духов, сопровождаясь, я полагаю, взаимной аннигиляцией. Так вопрос духов и совершенномудрых решается раз и навсегда без всякой инквизиции, и наступает царство сыто-довольного благополучия. Только совсем чёрствый человек здесь не прослезится; нам же надо двигаться дальше — к новым вершинам удивительных прозрений и невероятным глубинам древней мудрости.

Великое царство — это низовье реки, узел Поднебесной, самка Поднебесной. Самка всегда невозмутимостью одолевает самца, а по своей невозмутимости [она] стоит ниже [самца]. Поэтому великое царство располагает к себе маленькое тем, что ставит себя ниже последнего, а маленькое царство завоевывает симпатию великого царства тем, что стоит ниже последнего. Поэтому располагают к себе либо тем, что ставят себя ниже, либо тем, что сами по себе ниже. Пусть великое царство будет желать не больше того, чтобы все одинаково были накормлены, а малое царство пусть будет желать не больше того, чтобы служить людям. Тогда оба получают то, чего они желают. Великому полагается быть внизу.

Политический трактат продолжается. Здесь, однако, содержание понятное и даже логичное. По сути, в этой главе развивается неоднократно уже обозначенная тема вреда кичливости и полезности принижения. Великое не должно кичиться своим величием, а тот, кто хочет преуспеть во взаимодействии с окружающими, должен ставить себя ниже остальных. Глава седьмая: «совершенномудрый ставит себя позади других, благодаря чему он оказывается впереди». Глава двадцать вторая: «он не возвышает себя, поэтому он старший среди других». Теперь этот принцип переносится на взаимодействие между царствами.

Смысл ясен — то, что объективно больше и выше, должно вести себя, как меньшее, чтобы сравняться с меньшим и не провоцировать у него чувство неполноценности, сопро-

вождаемое завистью и злобой. У нас это называется равноправным партнёрством. Не проявлять снисходительности к тому, кто слабее, ведя себя с ним, как с равным; не претендовать на первое место, будучи объективно вторым. В общем, поступать разумно и здраво.

Большому царству следует пестовать справедливость — тогда все (малые царства) будут накормлены одинаково. Малому царству нужно быть готовым к служению, чтобы стать полезным большому царству. Честно говоря, ничего нового, но, возможно, в древние времена это звучало свежо.

Совет, предлагающий ставить себя ниже оппонента, предлагает нам способ манипуляции окружающими. Но что представляет из себя наша жизнь с другими, как не постоянное повторение одних и тех же манипуляций? Там, где преследуется прагматическая цель, манипуляции окружающими как бы и полезны. А уж когда в выполнении желаемого ты зависишь от другого, то принизишь себя настолько, насколько нужно, чтобы получить вождеденную возможность удовлетворения своей страсти. Тоже ничего нового, но вряд ли мы можем надеяться обнаружить великую новизну в древнем тексте; вся новизна в таких случаях привносится комментаторами. И в главах, подобной этой, комментатору без развитого воображения и чувства сопричастности к великому приходится непросто; из набора банальностей ничего особенно оригинального не выдавишь. С другой стороны, можно просто объяснить своё понимание смысла главы, пусть даже он и так понятен. Взятся комментировать — комментирую; идём дальше.

ао — глубокая [основа] всех вещей. Оно — сокровище добрых и защита недобрых людей. Красивые слова можно произносить публично, доброе поведение можно распространять на людей. Но зачем же покидать недобрых людей? В таком случае для чего же выдвигают государя и назначают ему трех советников?

Государь и советники хотя и имеют драгоценные камни и могут ездить на колесницах, но лучше будет им спокойно следовать дао.

Почему в древности ценили дао? В то время люди не стремились к приобретению богатств, и преступления прощались. Поэтому [дао] в Поднебесной ценилось дорого.

Если толковать первую фразу буквально, тогда нам придётся ввести ещё одну ипостась дао, объяснив, с чего бы это оно стало не просто источником, но и основой всего — вроде атомов и молекул.

В переводе Малявина смысл несколько иной, более понятный: «Путь для всех вместилище царское. Добрым — сокровищница, недобрым — убежище». То есть, на Путь может прийти и добрый, и недобрый; исключений или отбора по моральным качествам Путь не предполагает. Главное — необходимость в нём, а дальше, если человек растёт и меняется, поди отличи доброго от недоброго. Все бесстрастны.

Путь открывает возможность изменений — и потому важно, кем ты был до Пути. Если ты способен ему следовать, прошлое перестаёт иметь значение. Перемены не происхо-

дят в один миг, но они неизбежны, если ты искренен в своих намерениях и усилиях.

У «добрых» стартовая позиция для движения лучше, ровно потому, что они меньше подвержены воздействию страстей, чем «недобрые». «Добрые» видят Путь как сокровищницу методов и возможностей для самосовершенствования. «Недобрые» воспринимают его как убежище от своих собственных пороков и желаний, как средство избавления от них. Когда «недобрые» становятся «добрыми», их восприятие Пути тоже меняется.

Обойтись без упоминания государя, конечно же, не получится; причём не похоже, что автор относит его к когорте «добрых». Понимая, что государь не слишком добр, автор главы сулит ему убежище на Пути; таким образом, Путь рекламируется как всем полезная и всем подходящая вещь. Обойтись без морализаторства тоже не удаётся — нужно обязательно противопоставить стремление к роскоши простому и спокойному следованию Пути.

Финальный абзац должен показать государю пример мудрой гармоничной жизни предков — когда никто не был алчным, а непонятно откуда взявшиеся преступления прощались. Здесь правителю как бы намекается, что надо бы плодить поменьше законов и прощать провинившихся. Хочешь, чтобы до человека дошло, — талдычь ему одно и то же в разных вариациях. Ну, и ещё из этого абзаца нам становится абсолютно ясно, что духовное ценится там, где уже охладели к материальному. Не бог весть какая новость, но всё же лучше, чем совсем никакой.

Нужно осуществлять надеяние, соблюдать спокойствие и вкушать безвкусное. Великое состоит из малого, а многое — из немногoго. На ненависть нужно отвечать добром.

Преодоление трудного начинается с лёгкого, осуществление великого начинается с малого, ибо в мире трудное образуется из лёгкого, а великое — из малого. Поэтому совершенномудрый начинает не с великого, тем самым он совершает великое. Кто много обещает, тот не заслуживает доверия. Где много лёгких дел, там много и трудных. Поэтому совершенномудрый относится к делу, как к трудному, поэтому он не испытывает трудности.

Никто, я думаю, не против осуществлять надеяние, да мало кому это по-настоящему удаётся. Но главное — сказать, что нужно делать, а желающие пусть ищут способы. Великое спокойствие, согласно второй фразе главы, будет состоять из множества мелких спокойствий; и действительно, чем меньше у вас поводов для треволнений, тем спокойнее вы в итоге станете. Что же касается вкушения безвкусного, то здесь, по-видимому, нам следует отойти от буквального понимания текста, совершив интеллектуальное усилие, которое откроет нам суть отказа от удовольствий. Смотри на всё ровным взглядом, ничего не выделяя как прекрасное; не привязывайся к вкусу пищи и ешь не ради наслаждения, а для получения необходимых питательных веществ. Одним словом, смертная скука, компенсирующаяся, наверное, особо приятными внутренними состояниями, к которым, впрочем, тоже не нужно привязываться.

Можно поднять планку и повыше — в тридцать пятой главе было сказано: когда дао выходит изо рта, оно пресное, безвкусное. Тогда, возможно, потенциальным читателям предлагается вкусить безвкусное дао, то есть обратить свои чувства к невидимому и неосязаемому. А чем ещё заняться тому, кто осуществляет надеяние, пребывая в абсолютном спокойствии? Ну и конечно, на ненависть нужно отвечать добром, хотя можно было бы отделаться обычным тихим надеянием, но автору этого мало, или он понимает, что совершенномудрые вряд ли станут читать его опус. А простым людям нужны простые наставления.

Из двадцать шестой главы мы узнали, что тяжёлое является основой лёгкого, теперь нам предлагается взглянуть на трудное и лёгкое в ином масштабе. Допустим, кому-то необходимо избавиться от фобии, а дело это, как известно, исключительно трудное. Первичный испуг вытеснен в подсознание, на поверхности проявлен только панический ужас, крайне плохо поддающийся контролю ума. Как бы ни хотелось человеку освободиться от своей фобии, никаким разовым сверхусилием этого не добьёшься. Начинать приходится с малого и более-менее лёгкого; нужно наблюдать все проявления своей паники, не подавляя её. То есть надо начать практику надеяния по отношению к проявлениям фобии. Сначала отступит страх её появления, потом будет проще переносить её приступы, и в конце концов первичный испуг, с которого всё началось, всплывёт из подсознания в поле вашего внимания. Потом придётся ещё немного поработать, но главное уже будет сделано. Так большая проблема разрешится малыми действиями. Нетерпеливым, правда, такие рекомендации не подходят, но нетерпеливые ни в чём не достигают успеха.

Фразы о том, что многое состоит из небольшого, а трудное образуется из лёгкого, видимо, можно подтвердить примера-

ми, но я лишь скажу, что автор (или переводчик) рисует картину щедрыми, широкими мазками, иллюстрируя общеизвестную ныне истину, что инь без ян не существует и что все противоположности связаны, порождая друг друга. То, что воспринимается лёгким, в реальности может оказаться весьма и весьма трудным делом. Такое случается сплошь и рядом.

Кто много говорит, часто терпит неудачу — узнали мы из пятой главы. Теперь мы знаем, что тот, кто много обещает, не заслуживает доверия. Видно, политики появились в мире очень давно.

Уже привыкнув к противоречивости утверждений в «Дао Дэ Цзин», не стоит удивляться тому, что совершенному-дрый, практикующий недеяние, к любому делу относится, как к трудному. Исходя из ранее полученного знания о совершенномудром, мы понимаем, что он вообще не должен иметь внутренней оценки любого дела; иначе его повседневная жизнь станет олицетворением всех, какие ни есть, трудностей. Автор, возможно, имеет в виду некие особенные дела, но из текста этого не выведешь. Странный ритуал — относиться ко всему, как к трудному, и всё окажется лёгким. Многие люди не хотят избавляться от беспокойства, свято веря, что оно волшебным образом влияет на благополучный исход их дел. Воистину, блажен, кто верует.

Не знаю, как совершенномудрому, а «обычным» людям подобный совет может пригодиться. Относись к любому делу, как к трудному, означает: не расслабляйся раньше времени, оставайся бдительным, не пускай всё на самотёк; помни, что ошибиться может любой. Если будешь заходить в работу с готовностью к тому, что она — трудная, то не разочаруешься из-за того, что твоё желание легко отделаться не сбылось. В общем, определённая польза от рекомендуемого отношения к делам, безусловно, есть; а надо ли ему следовать — каждый решит для себя сам.

То, что спокойно, легко сохранить. То, что ещё не показало признаков, легко направить. То, что слабо, легко разделить. То, что мелко, легко рассеять. Действие надо начать с того, чего ещё нет. Наведение порядка надо начать тогда, когда ещё нет смуты. Ибо большое дерево вырастает из маленького, девятиэтажная башня начинает строиться из горстки земли, путешествие в тысячу ли начинается с одного шага.

Кто действует — потерпит неудачу. Кто чем-либо владеет — потеряет. Вот почему совершенномудрый бездеятелен, и он не терпит неудачи. Он ничего не имеет и поэтому ничего не теряет. Те, кто, совершая дела, спешат достигнуть успеха, потерпят неудачу. Кто осторожно заканчивает свое дело, подобно тому, как он его начал, у того всегда будет благополучие. Поэтому совершенномудрый не имеет страсти, не ценит труднодобываемые предметы, учится у тех, кто не имеет знаний, и идет по тому пути, по которому прошли другие. Он следует естественности вещей и не осмеливается [самовольно] действовать.

Наблюдения, изложенные в первом абзаце главы, абсолютно универсальны и справедливы для любой деятельности; и в управлении страной они пригодятся, и во внутренней работе. Следя за своими состояниями, человек получает возможность рассеивать или выражать негативные эмоции, как только они возникают, и способен предупредить наступление депрессии или панической атаки, разобравшись с желаниями и страхами, когда ещё всё более-менее спокойно. Навык осознанности лучше укреплять в спокойном состоя-

нии, чтобы эффективно применить его для разотождествления с неадекватными мыслями, когда ум помрачается страхом, гневом или тревогой.

Если человек не хочет видеть свою реальность, тогда он подавляет эмоции и желания. В таком случае из маленького страха со временем вырастет девятиэтажная башня ужаса, а несколько нереализованных желаний заведут его в чёрную бездну депрессии. Чем лучше человек осознаёт себя, тем меньше он подвержен опасности эмоционального хаоса, возникающего из переизбытка подавленных энергий.

Путь в тысячу ли, начатый с одного шага, отсылает нас к великому, образуемому из малого. Что, впрочем, несколько не умаляет истинности этого замечания и применимости его к началу прохождения мистического Пути.

«Кто действует — потерпит неудачу». У Малявина: «Тот, кто хочет исправить это, разрушит его». Перевод Ян Хин Шуна более универсален, но очевидно не сочетается с нашим повседневным опытом. Поэтому я буду трактовать так: тот, кто считает себя делателем, кто мысленно присваивает себе успех или неудачу в действиях, тот станет считать себя неудачником, если его затея провалилась. Тот, кто пребывает в недеянии, делая необходимое, не воспринимает полученный результат как успех или провал, поскольку не имеет желания и личной заинтересованности. Он следует дао и дэ, становясь их орудием для осуществления того, что должно быть сделано. Он действует из видения, без желания результата или желания заняться чем-нибудь другим, более приятным, и потому его действие целостно. Он видит, как и что нужно делать, поэтому его действие совершенно — для тех обстоятельств, состояний людей и гармонии энергий, что наличествуют здесь и сейчас. Поэтому он в принципе не может потерпеть неудачу, и полученный результат будет именно тем, какой нужен для людей и Творения. Таков совершенномудрый, и так он поступает.

Тот, кто не имеет терпения, тороплив и допускает ошибки. Его видение сужено желанием скорейшего достижения, и потому он склонен неверно оценивать ситуацию, в которой находится. Вступив на Путь, он будет находить у себя признаки просветления задолго до того, как оно действительно наступит, и сойдёт с Пути раньше, чем достигнет чего-нибудь стоящего.

«Не иметь знаний» в данном контексте означает избавление от влияний любых идей. Можно быть обусловленным идеями, а можно знать их великое множество, но не зависеть в своих решениях ни от одной из них. Вера в идею — неважно, «хорошую» или «плохую», — обязательно форматирует восприятие человека, а потому его видение и понимание реальности несколько искажены. Идеи рождают идеалистические желания, полностью не исполняющиеся никогда, а потому освобождение от страстей невозможно без освобождения от власти идей над умом человека. И то, и другое достигается после большой трансформации, наступающей по окончании этапа бескорыстного служения Творцу; но без огромного запаса терпения до неё не дойти.

«Он следует естественности вещей и не осмеливается самовольно действовать». Естественность вещей заложена в их природе — хищник охотится, вода течёт, зерно прорастает. Естественность совершенномудрого — в следовании Пути и служении Творцу и Абсолюту, которое в итоге обращается служением людям. Зачем ему действовать самовольно? Из какого желания? А удовлетворение насущных потребностей — тоже естественное действие, проявление изначальной природы человека, созданного дао и дэ; это к самовольности не отнесёшь. Поэтому совершенномудрый воздерживается от самодеятельности не из страха наказания или ошибки, а потому, что ему это не нужно. И поэтому, он, в общем-то, и совершенномудрый.

В древности те, кто следовал дао, не просвещали народ, а делали его невежественным. Трудно управлять народом, когда у него много знаний. Поэтому управление страной при помощи знаний приносит стране несчастье, а без их помощи — приводит страну к счастью. Кто знает эти две вещи, тот становится примером для других. Знание этого примера есть знание глубочайшего дэ. Глубочайшее дэ, оно и глубоко, и далеко. Оно противоположно всем существам, но приводит их к полному соответствию [с ним].

Обращение к древности — беспроигрышный ход, потому что древность на то и древность, чтобы о ней знали мало, а потому в ней можно обнаружить всё, что нужно автору для подтверждения своих заявлений. Ну да ладно, управлять неграмотными и малознающими действительно проще, ведь их легче обманывать, предлагая им свою трактовку событий и объяснение причин, из-за которых вводятся новые налоги; а также того, почему смерть, принятая за государя, является высочайшим благом. Трудно понять, на чьей стороне выступают авторы «Дао Дэ Цзин»: то они за народ, а то и против него. Но, может быть, мы, отягощённые самыми разными и не всегда нужными для нас знаниями, не понимаем сути и простоты жизни. Всякое может быть, но в одном автор главы безусловно прав: управление страной на основе идей ничем хорошим не кончается.

В недалёком прошлом проводились два почти научных эксперимента: один — в Советском Союзе и его сателлитах,

другой — в Третьем Рейхе. Их руководство стремилось выстроить жизнь на основе идей о том, какой она должна быть в идеале. Оба эксперимента оказались неудачными, крайне жестокими и не принесли никакого счастья народу. Если понимать под знанием идеологию, то правление, свободное от неё, тоже было бы своего рода идеалом, но так ни у кого ни разу не получалось.

Было бы здорово, если правитель чутко следит за ситуацией в царстве, действуя исключительно по необходимости, предупреждая негативные тенденции развития экономики и поддерживая в народе творчество и предприимчивость. Впрочем, будучи до конца оформленной, эта мысль тут же превратится в идею, которой надо будет следовать, и круг замкнётся. И не будем забывать о религии, которая всегда несёт с собой определённую идеологию и без которой ни одно общество не существует, ведь люди никогда не живут без набора идей, создающих их культурную идентичность.

Если относиться к данной главе всерьёз, то нам придётся определиться с тем, какое знание вредно, а какое — полезно; иначе все эти слова рисуют очередную утопию, в реальности не осуществимую. Если же мы не можем обозначить границы приемлемого и неприемлемого знания, тогда и говорить не о чем. Знание совершенномудрого — тоже знание, и никакое глубочайшее дэ этого не отменяет.

Пассаж о глубочайшем дэ может толковаться двояко: если говорится о совершенстве, тогда противоположность его всем существам обозначает их несовершенство, с чем невозможно согласиться, глядя, например, на какую-нибудь улитку. В чём же она несовершенна, если живёт в той среде, для которой создана? Человек мается своим несовершенством из-за идей о совершенстве, которыми его напичкали смолоду, все остальные существа вполне себе совершенны. Значит, речь идёт о другой ипостаси дэ.

Если имеется в виду творящая сила, тогда как она может быть противоположна всем существам? Все животные, повинаясь своим инстинктам, прямо следуют той Воле, которую в них заложил Творец, ведь инстинкты и есть её проявления. Зверям, в отличие от людей, не требуется подчинять себя Воле Творца, ведь своей воли у них считай что и нет. Поэтому мы не можем понимать приведение в полное соответствие с дэ как согласованность с Творцом; так не получается. Предъявлять претензии к переводу Ян Хин Шуна тоже незачем — у Малявина перевод этой фразы выглядит бессмыслицей. Оставим отсутствие внятного смысла на совести безымянного автора; ему не привыкать.

Реки и моря потому могут властвовать над равнинами, что они способны стекать вниз. Поэтому они властвуют над равнинами.

Когда [совершенномудрый] желает возвыситься над народом, он должен ставить себя ниже других. Когда он желает быть впереди людей, он должен ставить себя позади других. Поэтому хотя он и стоит над народом, но народу он не в тягость; хотя он находится впереди, народ ему не вредит. Поэтому люди с радостью его выдвигают и от него не отворачиваются. Он не борется, благодаря чему он в мире непобедим.

И снова — о власти. Реки, видите ли, могут стекать вниз и потому властвуют — заявление сомнительное по содержанию, поскольку то, что вода протекает по долине, не означает, что она над этой долиной властвует. Богатое воображение поэта способно наделить реку властью, но к реальности это не будет иметь никакого отношения. Тем не менее, образ реки, стекающей вниз, ясно намекает, что и власть имущим следует быть попроще и поближе к народу.

Далее автор начинает порочить светлое звание совершенномудрого, уверенно предполагая, что тот — как, видимо, и все остальные, — хочет возвыситься над народом. Вор, глядя на святого, будет видеть только его карманы; политик, глядя на совершенномудрого, видит такую же, как у себя, жажду власти. Я уже не говорю о том, что этот новый поворот опять радикально отменяет всё, что сообщалось нам о совершенномудром в первой части книги.

В седьмой главе мы читали: «Поэтому совершенному-дрый ставит себя позади других, благодаря чему он оказывается впереди». В общем смысловом контексте главы эта фраза описывала служение людям и продвижение по Пути. Здесь: «Когда он желает быть впереди людей, он должен ставить себя позади других». Слово «желает» (или «хочет») есть во всех версиях перевода, так что смысл первоисточника не искажён. И тогда навык «ставить себя ниже других» и «позади них» становится лицемерным манипулятивным приёмом, применяемым для того, чтобы и властвовать, и не раздражать народ. Если кто-то скажет, что такова высшая мудрость, то я не согласен. Таковы популистские политические приёмы, они и сейчас в ходу.

На примере якобы совершенного поведения мудреца правителя учат, как нужно обращаться с народом; и здесь не вполне понятно, должна ли эта глава заставить задуматься властителей, чтобы они потом поступали мудро, или же она специально написана как готовое руководство к действию, а её автор был вхож во дворцы. Любому хочется, чтобы люди с радостью его выдвигали и от него не отворачивались. У Малавина — ещё круче: «Вот почему весь свет восхваляет его без пресыщения». Предел мечтаний, да и только.

В любом случае, мотивы, которыми руководствовался автор, сочиняя искажающую образ совершенномудрого главу, понятны. Непонятно, как её можно воспринимать всерьёз, считая, что она тоже вышла из-под пера Лао Цзы. В преклонении перед авторитетами люди порой уподобляются слепцам, но не нам их судить. Мы, подражая совершенному-дрым, не будем ни с кем бороться, чтобы остаться неуловимыми и непобеждёнными.

Все говорят о том, что моё дао велико и не уменьшается. Если бы оно уменьшилось, то после долгого времени оно стало бы маленьким. Не уменьшается потому, что оно является великим.

Я имею три сокровища, которыми дорожу: первое — это человеколюбие, второе — бережливость, а третье состоит в том, что я не смею быть впереди других. Я человеколюбив, поэтому могу стать храбрым. Я бережлив, поэтому могу быть щедрым. Я не смею быть впереди других, поэтому могу стать умным вождем.

Кто храбр без человеколюбия, щедр без бережливости, находясь впереди, отталкивает тех, кто находится позади, тот погибает. Кто ведёт войну человеколюбиво, побеждает, и возведённая им оборона непреступна. Небо его спасает, человеколюбие его охраняет.

Глава пятая: «Совершенномудрый не обладает человеколюбием и предоставляет народу возможность жить собственной жизнью». Тот, чьё дао велико, должен, вроде бы, быть совершенномудрым, но автор шестьдесят седьмой главы даёт нам иную картину бытия мудреца и его прекрасных сокровищ.

Малявин переводит так: «Три сокровища я бережно храню в себе: первое — любовь, второе — бережливость, третье — нежелание быть первым в мире». Эта версия выглядит несколько лучше, но у Малявина и в пятой главе перевод другой: «Премудрый человек лишён человечности». Если

любовь — проявление человечности, то противоречие появляется всё равно.

Те, кто не хочет видеть очевидного, объясняют веер противоречий в «Дао Дэ Цзин» безмерной, а потому непостижимой мудростью Лао Цзы, который именно в противоречиях и противопоставлениях отражает истину запредельного, ведь иначе её и не опишешь. Удобное, ничего не объясняющее объяснение. Художники пишут картины с натуры. Писатели используют своих знакомых в качестве прототипов героев книг, а наблюдения за жизнью людей и за своей собственной жизнью дают им сюжеты рассказов и романов. Любое творчество отражает реальность, с которой взаимодействует автор. Каждый мистический текст, не относящийся к жанру духовной фантастики, несёт в себе послание, которое *должно быть понятным* для тех, кто знает систему символов и аллегорий, в нём применённых. А значит, послание будет иметь свою логику и связную систему понятий, исключающих двоякое и троякое толкование. Наличие нескольких уровней смыслов вполне допускается и чаще всего — бывает, но они не возникают из отрицания прежних формулировок с одновременной заменой их на противоположные в пространстве одного и того же текста. Первая часть «Дао Дэ Цзин» — всё-таки учебная в самом хорошем смысле этого слова; вторая местами напоминает сочинение графомана, которому очень хотелось писать, как Лао Цзы.

Если совершенство на Пути существует, то, невзирая на индивидуальные различия совершенномудрых и их существенные особенности, они будут иметь то общее, что присуще совершенному человеческому существу. Например, у них не будет желаний, но будет неколебимое внутреннее спокойствие. Они смогут действовать, внутренне не участвуя в том, что делается. Они будут иметь дао внутри себя, в виде слоя небытия, о чём люди, не достигшие такого уров-

ня развития, даже помыслить не могут. Вот какую реальность описывает Лао Цзы, а все прочие сочинители дописывают за ним то, что им выгодно, или то, что, по глупости, им хочется дописать.

Человеколюбие — идея, от которой совершенномудрый избавляется на Пути к мудрости. Тем не менее, он может быть наполнен любовью, ни на кого конкретно не направленной. Это — так называемая любовь без объекта; чистая энергия, возникающая во внутреннем пространстве мистика на поздних этапах Пути. Пока человек не прошёл через глубокую трансформацию, энергия его любви всегда проецируется на кого-то; в тяжёлых случаях он любит себя или свои вещи. Любовь совершенномудрого может изливаться на тех, с кем он взаимодействует в данный момент, а может оставаться внутри, она не связана с сексуальным желанием (которого у совершенномудрого и нет) и не окрашена стремлением к духовной, физической и прочей близости. Она не лишает мистика свободы; напротив, любовь без объекта становится ещё одним её проявлением.

Чем всё-таки хвастается автор главы — человеколюбием или любовью, — мы точно не знаем. Если учесть его утверждение о том, что благодаря этому он может быть храбрым, то человеколюбие подходит больше. Идея о том, что надо защищать людей из любви к ним, из любви ко всему роду человеческому, тогда, конечно, взрастить в себе храбрость станет проще. Но защищать их, видимо, придётся от других людей, и тогда человеколюбие становится избирательным: любишь хороших и не любишь плохих. Или любишь их так сильно, что готов даже убить, чтобы они не успели совершить слишком много плохого; убить из высшего сострадания. И если речь идёт о храбрости в бою, то все эти заявления о любви и человеколюбии пропитаны невыносимым лицемерием.

Если же храбрость нужна, чтобы увещевать плохих и рассказывать им о прелестях жизни без страстей и желаний, тогда грош цена такой храбрости. Дадут тебе по левой щеке — подставишь правую и живёшь дальше, ощущая себя почти что героем и примером для подрастающего поколения. Тоже ерунда какая-то. Вот почему совершенномудрый не обладает человеколюбием и предоставляет народу возможность жить собственной жизнью. Сами разберутся, проявят храбрость или трусость и получат то, что заслужили согласно сделанному выбору. А если уж и помогать им — то так, чтобы они об этом не знали, завязывая и развязывая невидимые для них узлы. Но для этого храбрость не нужна — нужны соответствующий уровень бытия и правильные навыки.

Вообще, всё перечисленное в качестве сокровищ впечатляет тем, насколько не соотносится с уровнем бытия совершенномудрого. «Все говорят, что моё дао велико и не уменьшается». Малявин видит здесь сарказм Лао Цзы по отношению к судачащим о его дао людям, но, в свете содержания многих глав второй части книги, возможно, здесь мы имеем дело с очередным бахвальством, демонстрирующим не слишком глубокий ум автора. Великое дао — это такая степень внутреннего небытия, что все перечисленные сокровища не будут иметь значения. Великое дао — это отсутствие страха и невозможность даже толком вспомнить, как он переживался раньше. О какой, к чёрту, храбрости можно говорить в таком состоянии? Храбрость существует, пока есть трусость, и ни один совершенномудрый даже не думает и не помнит о существовании храбрости. Бережливость — ещё один нонсенс, она не нужна. Когда действуешь из необходимости, делаешь то, что необходимо, — ни больше, ни меньше. Щедрость и бережливость в этом действии не существуют, им нет места. И уж, конечно, совершенномудрый не будет вождём, потому что вести ему людей — некуда. Он мо-

жет рассказать о Пути, может подсказать, что нужно делать, — тем, кто в этом нуждается. Всё остальное зависит от них самих, и Путь им придётся проходить самостоятельно, своими усилиями. Совершенномудрый способен помочь, но каждый должен сам получить свой опыт и сам должен разобраться со своими страхами и желаниями.

Нельзя сказать, что шестьдесят седьмая глава — одна сплошная глупость. Толика мудрости в ней присутствует, просто это мудрость житейская, никак не соотносящаяся с великим дао, о котором заявляется в начале главы. Может быть, Малявин и прав, видя сарказм в первых её предложениях. Автор, понимающий, что он никаким боком не совершенномудрый, слегка издевается над читателями, а потом демонстрирует свой истинный уровень бытия — смотрите, люди, я храбр, бережлив и могу быть умным вождём. То есть я — почти такой же, как вы, только немного лучше. Честь ему тогда и хвала, тогда автор — молодец. А если он, не будучи совершенномудрым, считает себя таковым, тогда он вводит читателей в заблуждение и приносит вред, искажая учение Лао Цзы.

Ну и хватит, пожалуй.

Умный полководец не бывает воинственен. Умелый воин не бывает гневен. Умеющий побеждать врага не нападает. Умеющий управлять людьми ставит себя в низкое положение. Это я называю дэ, избегающее борьбы. Это сила в управлении людьми. Это значит следовать природе и древнему началу [дао].

Ум лучше глупости, а опыт лучше неопытности. Умный полководец оттого и умный, что знает цену побед и поражений. Война должна быть последним средством разрешения противоречий, но большие войны порой начинались из-за всякой ерунды, а начать войну куда проще, чем её закончить. Поэтому умный полководец не хочет войны, но его мнение редко бывает решающим, ведь он — лицо подчинённое.

Умелый воин обладает тем видом спокойствия, которое приносится опытом и проверенными навыками. Гнев — это слабость; человек в гневе действует безрассудно, совершая глупости и ошибки. Гнев добавляет сил, но лишает разума.

То, что умеющий побеждать врага не нападает — утверждение спорное, но допустим, что здесь подразумевается человек, знающий свою силу и не стремящийся её демонстрировать. Сильный и скромный, настоящий пример для молодёжи.

О низком положении управляющего уже говорилось, добавить нечего.

Всё это автор называет совершенством, избегающим борьбы; спорить не о чем, комментировать нечего.

Следовать древнему началу — значит позволить изменяться вещам, согласно их природе и законам бытия. То есть не суетиться в понимании того, что твои враги не бессмертны и умрут сами, без твоей помощи. А если ты умрёшь раньше — то так тому и быть.

Может быть, враги станут друзьями, и их ненависть обратится в свою противоположность; но этого тоже надо дожидаться. Запасайся терпением и береги здоровье, чтобы пожить подольше, а там, в будущем, все проблемы с недругами, так или иначе, разрешатся. Не жизнь, а сказка; но правда в ней та, что не заморачивающийся борьбой живёт куда спокойнее и проще, чем одержимый ею. Небу такие почему-то не нравятся.

Мудрость — она такая.

Военное искусство гласит: я не смею первым начинать, я должен ожидать. Я не смею наступать хотя бы на вершок вперед, а отступаю на аршин назад. Это называется действием посредством недеяния, ударом без усилия. В этом случае не будет врага, и я могу обходиться без солдат. Нет беды тяжелее, чем недооценивать противника. Недооценка противника повредит моему сокровенному средству [дао]. В результате сражений те, кто скорбит, одерживают победу.

Говорят, что Лао Цзы (или кто там написал эти поучения) стал одним из патриархов китайской военной стратегии. Это, возможно, объясняет, почему Китай так часто уступал в войнах и покорялся захватчикам. Когда миролюбивое существо создаёт военные стратегии, они выглядят впечатляюще, но большой практической пользы не приносят. В качестве индивидуальной тактики поведения совет отступить может быть полезен, ведь враги, как мы знаем из комментария к предыдущей главе, смертны и рано или поздно сами от тебя отвяжутся. Но здесь-то речь идёт о солдатах, а значит, и не о стычке на улице, а о настоящей войне.

С другой стороны, у нас есть пример Отечественной войны 1812 года, когда русская армия отступала, отступала, а потом за французов взяли зимние морозы, голод и партизаны. То есть отчасти враги сами и умерли. Так что иногда план с отступлением на тысячи и тысячи аршинов может работать.

Мысли о вреде недооценки противника — вполне здравые; но как она может повредить сокровенному средству

дао — не вполне понятно. Хотя, если тебя убьют, то, безусловно, от твоего дао ничего не останется, оно вернётся к истоку всего.

Финальная фраза отсылает нас к тридцать первой главе: «Если убивают многих людей, то об этом нужно горько плакать». И вот задумаешься: то ли автор написал это из желания укрепить истину, сказанную патриархом, то ли сам патриарх не понимает природы и действия скорби, то ли речь идёт о морально-нравственной победе, а не о победе в сражении. Печаль ослабляет человека, а если она сопровождается жалостью к себе, то он совсем обессиливается. Как войско, погружённое в скорбь, сможет биться — большой вопрос. Но раз в «Дао Дэ Цзин» написано, что оно одерживает победу, значит, так и есть. Не будем вступать в борьбу, примем всё, как написано, ведь мы, слава богу, не военачальники, и вся эта военная тема нас не слишком волнует. Нам бы ещё немного высшей истины, и мы будем вполне довольны.

Мои слова легко понять и легко осуществить. Но люди не могут понять и не могут осуществлять. В словах имеется начало, в делах имеется главное. Поскольку люди их не знают, то они не знают и меня. Когда меня мало знают, тогда я дорог. Поэтому совершенномудрый подобен тому, кто одевается в грубые ткани, а при себе держит яшму.

Мне, разумеется, известно, что правда похожа на её отсутствие, но слова про «легко понять и легко осуществить» выглядят, мягко говоря, сильным преувеличением. Буквальное понимание рекомендаций, данных в «Дао Дэ Цзин», приведёт к подавлению чувств и желаний; а надеяние, воспринятое так же буквально, обернётся полным бездействием в ожидании перемен, которые наступят сами собой. Такое случается, когда человек, желающий изменить свою ситуацию, тянет с необходимыми для её изменения действиями и вынуждает окружающих принять решение за него. Тогда его ситуация действительно меняется, но не совсем так, как ему хотелось бы. Как правило, его положение ухудшается, а он оказывается не настолько бесстрастен, чтобы принять происходящее с лёгким сердцем.

«Дао Дэ Цзин» — это своего рода манифест о существовании Пути, Творца и Абсолюта; хотя Лао Цзы применяет слова «дао» и «дэ», но суть их сводится к этому. Манифест не содержит в себе описания практик, приводящих человека к совершенной мудрости. Он говорит о законах, по которым существует мир, о его истоке, о взаимодействии человека

с дао — в обеих его ипостасях. Он описывает состояние совершенномудрого и указывает на главные его черты. Но нигде в тексте нет прямых указаний, как прийти к недеянию, Лао Цзы просто указывает на то, что существует способ действия без действия, и оно наиболее совершенно и эффективно.

Мутная вода, которой дополнили исходный текст неизвестные доброхоты, тоже ничего не даёт читателю в практическом смысле постижения Пути. Житейская мудрость и политические уловки не то чтобы совсем бесполезны, но прямого отношения к совершенной мудрости они не имеют. Советы и указания такого рода понять и в самом деле нетрудно, но следование им не приведёт человека к обладанию дао. Имитация достижения не помогает достигнуть.

Люди не могут понять сказанное в трёх случаях: когда им не интересна тема и они изначально не собираются в неё вникать; когда у них нет такого же или сходного по содержанию опыта, как у тебя, и им остаётся только фантазировать, представляя себе описанную ситуацию, но не зная её в реальности; когда сказанное изложено с использованием непонятных, никак не объяснённых терминов, и текст содержит в себе логические неувязки и смысловые противоречия, а предложения выстроены так, что нужно самому домысливать их содержание в силу суперлаконичности формулировок, — и домыслить можно по-всякому. К тексту «Дао Дэ Цзин» два последних случая непонимания относятся в полной мере, и Лао Цзы виноват в этом только отчасти. Его главы вполне понятны тем, у кого есть сходный опыт, но оставляют простор для толкований тем, у кого этого опыта нет. Главы, внесённые позже, настолько противоречат основному посланию, что, воспринимая текст как нечто единое, понять его становится невозможно.

Но, может быть, автор главы говорит не о тексте, а о тех своих словах, которые он говорил людям, но так и остался не-

понятым ими? И в них на самом деле имелись конкретные указания, которые люди не смогли осуществить, потому что не особенно старались? Узнать этого мы не можем, а потому остаёмся с тем, что есть, — с несколькими странноватыми (учитывая контекст трактата) заявлениями, в которых прочие комментаторы нередко видят признание автора в невероятном своём одиночестве среди людей. И вот что я им скажу: обладающий дао не бывает одиноким, он настолько наполнен и далёк, что не нуждается во внешнем внимании или понимании его окружающими людьми. И все эти слова про то, что люди не знают моих дел и потому не знают и меня, а у меня за пазухой спрятана огромная яшма, выглядят дешёвым самоутешением.

Совершенномудрый не стремится к известности, но порой перед ним стоит задача распространения Истины, и тогда привлечь к себе внимание людей необходимо. Каждому времени — свои способы действия, надеяние всё равно остаётся их основой. А потому совершенномудрый делает необходимое, но не беспокоится о результатах — что должно случиться, то и случится; сделай, что нужно, и ни о чём не думай. Автор главы пишет о людях так, словно испытывает к ним сострадание или слегка на них обижен. Если он и на Пути, то ещё не достиг высшего уровня личного бытия, и его яшма не столь ценна, как ему кажется. Но Путь — на то и Путь, чтобы открывать тому, кто по нему движется, всё новые уровни опыта и понимания; возможно, наш автор позже и сам познал иные состояния, в которых его перестали беспокоить люди и их отношение к нему.

Кто, имея знания, делает вид, что не знает, тот выше всех. Кто, не имея знаний, делает вид, что знает, тот болен. Кто, будучи больным, считает себя больным, тот не является больным. Совершенномудрый не болен. Будучи больным, он считает себя больным, поэтому он не болен.

Можно восхищаться парадоксальностью высказываний «Дао Дэ Цзин», усматривая в них выражение особого восприятия реальности и особую же мудрость. Но, пытаясь разобраться в том, что сказано, нам всё равно придётся определять для себя значения слов, из которых лепятся парадоксы. О каком знании здесь говорится? О какой болезни?

Есть знание, полученное извне, и знание, основанное на собственном опыте. Известно, что мужчине никогда не узнать ощущений и переживаний женщины во время родов, как и женщинам никогда не познать страданий мужчины, у которого температура подскочила до 37,2 по Цельсию. Разный опыт — разное знание; то, что одному даётся легко, другой переживает в муках, и чем глубже мы начнём исследовать данный вопрос, тем скорее придём к выводу, что любое человеческое знание относительно. Можно обобщать, но опыт останется сугубо индивидуальным, как и выводы, сделанные из него. Поэтому из одной и той же ситуации его участники вынесут неодинаковое знание, и ничего с этим не поделаешь. Одного травмирует грубое слово, несправедливо ему сказанное, другого не проймёшь и вырванными кишками.

Если мы считаем, что «Дао Дэ Цзин» — книга о Пути, значит, в этой главе говорится о знании Пути. Тогда тот, кто прошёл Путь и знает стадии и состояния, на нём возникающие, должен скрывать своё знание. А кто не имеет своего опыта, но считает, что имеет знание о Пути, — тот болен. Чем болен? Тщеславием, чем же ещё. Люди лгут о себе по многим причинам, но когда человек приписывает себе достижения, которых у него нет, в основе позыва солгать всегда лежит тщеславие. Каковы следствия этой болезни? Привыкнув к своей лжи, человек закрывает себе возможность действительного продвижения. К тому же ложь рождает лицемерие, а лжемистики, выдающие себя за совершеннымудрых, дискредитируют Путь.

Дальше перевод Ян Хин Шуна явно хромает, выдавая эффектную, но бессмысленную фразу: «Кто, будучи больным, считает себя больным, тот не болен». У Малявина здесь: «Только тот, кто знает свою болезнь, способен не быть больным». Другими словами, если ты осознаёшь своё тщеславие, если ты узнал причины, по которым тебе хочется снизить признание, уважение и приязнь окружающих, то ты можешь исцелиться. Понятно, что это относится не только к тщеславию, но и к любому чувству, желанию или состоянию человека. Если ты признал свою трусость, решив не выставлять себя храбрецом, то можешь от неё избавиться. Если перестал оправдывать свою алчность, то у тебя появилась возможность изменить свою ситуацию.

В финале главы опять появляется совершенномудрый, который, по Малявину, «знает, что такое болезнь, и потому не болен». Полагаю, что совершенномудрый уже изучил все свои «болезни» и освободился от них. Честь ему и хвала, что тут ещё скажешь.

Когда народ не боится могущественных, тогда приходит могущество. Не тесните его жилища, не презирайте его жизни. Кто не презирает [народа], тот не будет презрен [народом]. Поэтому совершенномудрый, зная себя, себя не выставляет. Он любит себя и себя не возвышает. Он отказывается от самолюбия и предпочитает невозвышение.

Люди, старавшиеся до меня найти возвышенный смысл в этой главе, находили всякое. Некоторые считали, что в ней говорится о внутренней работе, и под жилищем понимается физическое тело человека. Другие размышляли над связью могущества и страха. Я же скажу так: когда народ не боится власти, тогда он может её сместить. С другой стороны, зачем же смещать власть, если она не стесняет твоего жилища и вообще ведёт себя прилично? Отсюда — кто не презирает народ, тот не будет презрен народом. Логика присутствует, всё нормально.

Но дальше, как обычно, в сюжет введён совершенномудрый, совсем не нужный для подтверждения сказанного выше. И начинается повтор уже известного: он, зная себя, себя не выставляет. Однако потом идёт нечто новое — он любит себя и себя не возвышает. Любовь к себе очень приветствуется современной психологией, имеющей дело с людьми, измученными самоосуждением. Любовь здесь равна принятию себя и избавлению от осуждения своих проявлений, мыслей и внешнего вида. Полюбить себя в этом контексте означает обретение приятного принятия себя, когда че-

ловек себе, в общем, нравится, и у него нет желания стать кем-нибудь другим, обретя новую внешность и новые качества.

О любви совершенномудрого я писал выше, ну а с принятием у него всё в порядке: когда нет никаких желаний, то нет и желания быть лучше, быстрее, сильнее. А пока есть хоть малюсенькое желание изменить в себе что-нибудь, полного принятия не случится.

Если же речь идёт о нарциссизме, пусть даже в лёгкой форме, то совершенномудрый, любящий себя и наслаждающийся наличием у себя совершеннейших качеств, — не мудрец, а идиот. Предположим, что автор главы всё-таки имел в виду что-то хорошее, а не что-то плохое. Или он, как это уже бывало в предыдущих главах, описывает образ совершенномудрого не с натуры, а из набора собственных представлений о прекрасном — а любовь прекрасна во всех своих манифестациях, спору нет. Вот совершенномудрый и любит себя (потому что есть за что любить), но никому об этом не рассказывает, чтобы ненароком не возвыситься.

Далее в переводе Ян Хин Шуна мы видим явное противоречие: «Он отказывается от самолюбия и предпочитает невозвышение». Только что и любил, и не возвышался, и тут — на тебе. У Малявина здесь другое: «Итак, он отбрасывает то, и берёт себе это». Понимай, как хочешь, но логичнее было бы предположить, что совершенномудрый оставляет себе любовь, отбрасывая самовозвышение. Утверждение не менее сомнительное, но всякое, наверно, случается с совершенномудрыми; откуда нам знать.

Связь народа и поведения совершенномудрого уже му-солилась по-всякому; из шестьдесят шестой главы мы знаем, что принижение себя помогает возвыситься над народом. Невозвышение в этом смысле выглядит нейтрально, но оно тоже, судя по всему, может быть практически полезным.

Из всех параллелей поведения совершенного и властителей нам надо бы сделать вывод о том, что совершенномудрый тоже имеет некую власть, но об этом прямо говорилось в первой части «Дао Дэ Цзин».

Простой человек и комментирует по-простому.

Кто храбр и воинственен — погибает, кто храбр и не воинственен — будет жить. Эти две вещи означают: одна — пользу, а другая — вред. Кто знает причины того, что небо ненавидит [воинственных]? Объяснить это трудно и совершенномудрому.

Небесное дао не борется, но умеет побеждать. Оно не говорит, но умеет отвечать. Оно само приходит. Оно спокойно и умеет управлять [вещами]. Сеть природы редка, но ничего не пропускает.

Воинственность по-прежнему не в чести; причём ответственность за это возложена на небо. То есть воинственных не любят высшие силы, но почему это так, автор не знает и сидит в глубокой задумчивости. Сказать «я не знаю» куда лучше, чем сочинять небылицы, однако автор, констатируя непонятную неприязнь неба к воинственным, решается записать то, что ему вообще известно о небе.

В двадцать пятой главе говорилось, что земля следует законам неба, а небо следует законам дао, из чего я сделал блестящий вывод о том, что небо в данном случае обозначает Творца. И получается, что автор семьдесят третьей главы берётся рассматривать качества Творца — при условии, что в разных частях «Дао Дэ Цзин» сохраняется хоть какая-то преемственность смыслов.

Итак, небо не борется, но умеет побеждать. Что такое победа, как не подчинение противника своей воле? Волей Творца выстроен весь мир, со всеми его взаимосвязями, противо-

речиями и законами. Борься со своим же Творением бессмысленно, ведь его и так можно изменить, так что здесь всё понятно.

«Оно не говорит, но умеет отвечать». Немало мистиков поспорило бы с этим утверждением. Господь может говорить с человеком, если тот готов услышать. Восприятие мистиков очищено, поэтому они получают голосовые послания гораздо чаще просто верующих. И да, мне известна расхожая фраза, гласящая, что человек, разговаривающий с Богом, — это нормально, а вот Бог, говорящий с человеком, — уже психическое расстройство последнего. Тот, кто имеет ограниченный и неполный опыт, делает из него ошибочные выводы. Безумцы существуют, что правда — то правда; но существуют и мистики, иначе зачем нам вообще читать и пытаться понять этот древний китайский трактат?

Творец немногословен, но Он говорит с теми, для кого есть послание. Знаете, как бывает: люди собрались посидеть компанией, а сказать им друг другу почти и нечего. Вот так и с Господом — многие хотели бы услышать Его Глас, но Ему не о чем с ними говорить. Однако Его молчание не означает, что вы вообще не получите ответа. «Не говорящий, но отвечающий»: на искреннюю молитву из необходимости ответ всегда приходит. Ну, или почти всегда — бывают условия, мешающие его получению, но мы сейчас не об этом.

«Оно само приходит». У Малявина: «Не ведает приказаний, а сам является». И вот что получается: человек не может вызвать Творца на общение по своему желанию; человек не может навязать Творцу свою волю, пусть даже принесёт в жертву всё, что имеет; Творец Сам выбирает, проявиться Ему для человека или остаться скрытым. Многие хотят, чтобы Господь явил им Себя, им кажется, что тогда они будут более уверенными в Его существовании и смогут лучше вкладываться в выполнение практик (или ритуалов). Истинные

мотивы такого требования — Господи, заметь меня, Господи, сделай меня особенным, проявившись передо мной, — а того, что просящий об этом слеп, глух и толком даже ещё не родился, он не понимает. В общем, просьбы этого рода всегда идут от эго, стремящегося себя усилить.

Творец проявляет Себя, как захочет и тем способом, каким захочет, а уж почему он открывается одним и скрыт от других, объяснить трудно и совершенномуудрому.

Про то, что Творец спокоен и может управлять вещами, объяснять не буду, здесь и так всё почти понятно. Гнев Божий будем считать исключением из правил, а управление вещами осуществляется через их следование законам Творения и собственной природы.

В финальной фразе Ян Хин Шун явно дал слабину под воздействием своих атеистических убеждений. У Малявина так: «Небесная Сеть так широка, так просторна! Но из неё ничего не ускользает». Объяснить, что значит эта Сеть, можно по-разному, но я для начала предположил бы, что имеется в виду внимание Бога, от которого никто не может скрыться, ведь его агент спрятан внутри каждого живого существа в виде Сознания. Но если автор описывает сеть наподобие рыбацкой, тогда речь идёт о том, что никто не избежит возвращения к истоку, предварительно померев. Такое толкование, может быть, даже ближе к авторскому замыслу, чем любые другие. Можно ещё сказать, что у Творца всё под контролем, но это, как мне кажется, само собой разумеется, раз уж Он — Творец.

В общем, Господь велик, спокоен и мудр, а совершенномудрый — слабое его человеческое подобие, хоть и тоже неплох.

Ну, а что касается особо воинственных, то они чаще прочих ввязываются в войны, драки и потасовки, в которых нередко и гибнут. Вот, собственно, и весь секрет.

Если народ не боится смерти, то зачем же угрожать ему смертью? Кто заставляет людей бояться смерти, считает это занятие увлекательным, того я захвачу и уничтожу. Кто осмеливается так действовать?

Всегда существует носитель смерти, который убивает. А если кто его заменит — это значит заменит великого мастера. Кто, заменяя великого мастера, рубит [топором], повредит свою руку.

Вот что мы узнали о смерти из предыдущих глав: все вещи вернутся в небытие, и смерть всего неизбежна; совершенномудрый может превзойти смерть, став бессмертным, потому что она для него перестанет существовать. Даже если отнестись к достижению бессмертия серьёзно, следует признать, что оно всё равно будет относительным, а не абсолютным, ведь с прекращением Творения и возвращением всего в небытие туда же отправится и бессмертный — из общей реальности не выпрыгнешь, как ни старайся.

Некоторые люди, напившись опьяняющего или нанюхавшись ещё более опьяняющего, пишут всякую ерунду в твиттер. Семьдесят четвёртая глава заставляет задуматься о том, чем вдохновлялся автор, когда начал её сочинять. Первый абзац, вроде бы, направлен на очередную защиту народа от супостатов, стращающих его смертью. Но когда это народ не боялся смерти, скажите мне? То, что мыслей о её неотвратимости обычно избегают, — это понятно; то, что в некоторых культурах считалось особенно почётным умереть в бою, —

понятно тоже; но это не значит, что страха перед смертью люди совсем не испытывали. Впрочем, преувеличение как средство для оказания большего впечатления на читателя используется многими пропагандистами и писателями.

Ну ладно, народ не боится смерти, но кто-то его ею пугает. Видимо, это какой-нибудь злой тиран — больше, вроде, некому. Дальше автор угрожает (смертью?) тому, кто запугивает народ, обещая захватить злодея. Фраза «Кто осмеливается так действовать?», судя по всему, — эмоциональный всплеск и риторический вопрос. Такое чувство, что в дописывании «Дао Дэ Цзин» мог поучаствовать кто угодно.

Малявин в переводе семьдесят четвёртой главы пошёл другим путём, воспользовавшись той версией списка «Дао», в которой вместо иероглифа «смерть» использовался иероглиф «казнь». Его перевод получился более осмысленным, но вторая часть главы стала выглядеть несколько глуповато.

В версии Ян Хин Шуна второй абзац обретает метафизическую глубину. «Носитель смерти, который убивает» — это почти ангел смерти или злой рок Судьбы. И вот что получается: тот, кто берёт на себя роль ангела смерти, вмешивается не в своё дело, а потому повредит самому себе. Вывод примитивный, но в нём есть хоть какой-то смысл: дай судьбе делать свою работу и не суетись с тем, чтобы кого-нибудь отправить на тот свет своими руками. Или, как уже было писано ранее, дай врагам умереть самим. А сам живи спокойно, в надеянии, и наблюдай, как вещи изменяются, время от времени изменяясь до полного исчезновения.

А если комментировать очень въедливо, то надо сказать, что настоящего мастера никто не заменит, а попытавшись заменить, сделает только хуже. Очевидная, вроде бы, мысль, но всегда удивительная. Ещё бы понять, кто настоящий мастер, и не должен ли именно ты стать тем орудием Судьбы, от рук которого твой недруг должен сгинуть вовеки; всюду,

где существует недоговорённость, находятся лазейки для сомнений и произвольных интерпретаций сказанного.

Великая мудрость похожа на великую глупость; отсутствие мудрости похоже на её отсутствие.

Народ голодает оттого, что власти берут слишком много налогов. Вот почему [народ] голодает. Трудно управлять народом оттого, что власти слишком деятельны. Вот почему трудно управлять. Народ презирает смерть оттого, что у него слишком сильно стремление к жизни. Вот почему презирают смерть. Тот, кто пренебрегает своей жизнью, тем самым ценит свою жизнь.

Повторяем пройденное. Народ голодает оттого, что власти слишком алчны и живут в роскоши, а управлять народом трудно потому, что власть принимает слишком много законов, отчего плодятся преступники и растёт недовольство.

Расшифруем, что означает сильное стремление к жизни, из-за которого презирается смерть, — вдруг кому-то непонятно? Когда вы хотите получить удовольствие и хотите этого очень сильно, желание настолько помрачает ваш разум, что последствия содеянного вас не интересуют. Заболею — так заболею, а может, и не заболею вовсе. Умру — так умру, никто вечно жить не будет; и лучше уж умереть от наслаждения, чем жить, прозябая в тоске и скуке.

Те, кто стремится к острым ощущениям, сознательно ставят себя в опасные ситуации — прыгая с парашютом, забираясь на горные вершины и накачиваясь наркотиками. Это и есть стремление к жизни, понимаемое как максимально наполненное сильными ощущениями её проживание. Вот откуда берётся презрение к смерти, или, говоря иначе, вот

почему людям становится почти безразлично, умрут они в своей погоне за острыми ощущениями или нет.

Последнее предложение предлагает нам не слишком сильно стремиться к жизни; не слишком ценить её удовольствия, чтобы не сгинуть раньше времени. Так, во всяком случае, можно её трактовать. А ещё можно сказать, что она очень похожа на фразу из седьмой главы «Дао Дэ Цзин», в которой сказано: «Он пренебрегает своей жизнью, и тем самым его жизнь сохраняется». Наверное, это случайность.

Человек при своем рождении нежен и слаб, а при наступлении смерти твёрд и крепок. Все существа и растения при своём рождении нежные и слабые, а при гибели сухие и гнилые. Твёрдое и крепкое — это то, что погибает, а нежное и слабое — это то, что начинает жить. Поэтому могущественное войско не побеждает, и крепкое дерево гибнет. Сильное и могущественное не имеют того преимущества, какое имеют нежное и слабое.

Человеческий ум любит крайности. Он обожает мыслить в категориях крайностей — всё или ничего, сейчас или ни-

когда; крайняя позиция для него лучше промежуточной, подобно тому, как определённая лучше непонятной и неприятной неопределённости.

То, что мы видим в этой главе, — тоже крайности, противопоставленные друг другу. Человек при рождении нежен и слаб, а при наступлении смерти твёрд и крепок. Поэтому нежное и слабое лучше твёрдого и крепкого. А как же золотая середина — когда человек ещё нежен, но уже и силён? Почему нужно выбирать только из крайностей?

Понятно, что зарождающееся имеет более высокий потенциал развития в сравнении с тем, что уже развилось и окостенело. Но, как мы помним, то, что слабо, легко разделить и рассеять. Этот потенциал может так и не реализоваться, и примеров тому — полно.

Да, в том, что только-только проявилось в мире, жизни больше, чем в том, что давно существует. Благодаря тому, что нарождаются новые поколения людей, а старики сходят со сцены, мир постоянно обновляется. Да, тот, кто стремится к силе, получив её, успокаивается и внутренне затвердевает. Да, во время сильного ветра ломаются самые твёрдые деревья. То, что отжило, исчезает естественным образом, это факт.

Если приложить знание о превосходстве слабого и нежного к внутренней работе, то мы должны заключить, что слабое эго лучше сильного. Отчасти это и так: человек с сильным эго редко может от него избавиться — слишком сильны его убеждения, и слишком высокого мнения он о своей персоне. Учиться ему трудно, почти невозможно. Но человеку со слабым эго тоже непросто — он слишком слаб, чтобы начать серьёзную работу над собой. Он мучается от самоосуждения и мнительности, и ему сначала нужно прийти в равновесие, то есть укрепить своё эго, чтобы начать делать что-то настоящее. Срединный вариант всё равно лучше.

Сильная необходимость лучше слабой, только нарождающейся. Благодаря сильной необходимости во взаимодействии с Творцом человек быстрее продвигается. Слабая необходимость не даёт человеку достаточной мотивации к действию.

Сильная неудовлетворённость своей жизнью — как внешней её ситуацией, так и внутренней, — ничуть не лучше слабой неудовлетворённости. Если человек живёт в глубоким страдании, то его сначала нужно уменьшить; если же недовольство своей жизнью слишком слабое, то он не станет прикладывать усилий к тому, чтобы что-нибудь изменить. Средняя степень неудовлетворённости лучше всего подходит для начала движения по Пути.

То, что начало жизни потенциально лучше её конца, ясно любому. Но зачем же игнорировать её середину? Середина жизни — это время развёртывания того самого начального потенциала и реализации человека в мире. Слабость можно восхвалять сколько угодно, но не будем забывать о том, что старики бывают ничуть не сильнее младенцев. Однако слабость стариков автор во внимание не принимает.

Истину можно описывать по-разному. Проще всего брать отдельные её аспекты, и тогда изложение получится более-менее ясным и связным. Чем глобальнее тема, тем больше будет в ней обобщений и упрощений. Говорить парадоксами не так уж сложно, к тому же они сильнее впечатляют слушателей и читателей. То, что слабое лучше сильного, — очевидный парадокс, из которого делаются ложные выводы. То, что могущественное войско не побеждает, извините, не подтверждается опытом. А то бы все вели партизанские войны — ведь партизаны и есть зачаток армии, слабый и нежный. А любители всегда побеждали бы профессионалов, взявшись за их работу.

Не исключено, что вся эта глава является размышлением на тему содержания той фразы из двадцать восьмой главы,

где говорится: «Кто стал главным в стране, тот не покидает постоянное дэ и возвращается к состоянию младенца». Вот о преимуществах младенца автор нам и поведал, не слишком заботясь о логике и здравом смысле.

Но если цель оправдывает средства, то почему бы не написать о преимуществах слабости, не обращая внимания на остальное? Почему бы не настроить зрение особым образом, чтобы видеть только то, что кажется глубочайшей истиной? Если у читателей тоже получится это сделать, тогда всё сказанное покажется им именно что истиной высокой пробы, к которой их приобщил мудрейший Лао Цзы, а не какой-нибудь самозванец.

Небесное дао напоминает натягивание лука. Когда понижается его верхняя часть, поднимается нижняя. Оно отнимает лишнее и отдаёт отнятое тому, кто в нем нуждается. Небесное дао отнимает у богатых и отдаёт бедным то, что у них отнято. Человеческое же дао — наоборот. Оно отнимает у бедных и отдаёт богатым то, что отнято. Кто может отдать другим всё лишнее? Это могут сделать только те, которые следуют дао. Поэтому совершенномудрый делает и не пользуется тем, что сделано, совершает подвиги и себя не прославляет. Он благороден потому, что у него нет страстей.

В одном из предыдущих комментариев я толковал небесное дао как Творца, но в этой главе весь контекст указывает, что под дао подразумевается Путь. Поэтому можно попробовать рассмотреть небесное дао как некий высший или божественный Путь, но легче нам от этого не станет: всё равно в итоге получится какой-то Робин Гуд, отбирающий у богатых, чтобы раздать отобранное бедным.

Метафора с натягиванием лука ближе к Пути: тетива не должна быть натянута слишком сильно, чтобы она не лопнула, ну а слабое натяжение приведёт к тому, что стрела никуда не полетит, упав у ваших ног. То есть речь идёт о правильном усилии, о гармонии и избегании крайностей. Следующее предложение про отнятие лишнего превращает Путь в некую отдельно взятую сущность, озабоченную восстановлением справедливости. Здесь можно было бы приплести Творца, но все мы знаем, что небо не обладает чело-

веколюбием и что богатые беспрепятственно богатеют, пока бедные беднеют, а высшие силы в это дело не вмешиваются.

Марксистская обусловленность не позволила Ян Хин Шуну найти иное прочтение фразы об отнятии лишнего, поэтому обратимся к переводу Малявина: «Вот каков Путь Небес: отнимает лишнее и прибавляет недостающее». Если мы говорим о Пути к совершенству, то именно так и происходит: в трансформации исчезает лишнее и несовершенное, а потом появляются новые качества. Если бы автор на этом и остановился, то было бы неплохо. Но он не останавливается и начинает обличать: «Путь же людей не таков: отнимают недостающее и добавляют к тому, что в избытке». И тут мы понимаем, что перевод Ян Хин Шуна, в общем, вполне точен, и автор изначально говорит о перераспределении земных благ, а не о духовной трансформации. И тогда становится понятным, что перед нами — очередное упражнение в назидании, где мечты автора о высшей справедливости выдаются за действительность.

Кто может отдать людям всё лишнее? Только тот, кто следует Пути. То есть тот, кто уже ни к чему не привязан, а потому ничего лишнего иметь в принципе не может. Существует соблазн найти и в этом высказывании духовное измерение, решив, например, что человек Пути делится с другими своими прекрасными состояниями и чудесами, но это не вяжется с общим смыслом главы. Излишки — только материальные, о других автор не знает.

Тем не менее, обойтись без упоминания совершенномудрого никак нельзя — он всё-таки главный герой трактата. Поэтому о нём говорится то, что уже было сказано ранее. Христиане, иудеи и мусульмане, завершая молитву, говорят: «Аминь!» Авторы «Дао Дэ Цзин», завершая очередную нелепую главу, поминают совершенномудрого.

Ритуалы очень важны.

Вода — это самое мягкое и самое слабое существо в мире, но в преодолении твёрдого и крепкого она непобедима, и на свете нет ей равного.

Слабые побеждают сильных, мягкое преодолевает твёрдое. Это знают все, но люди не могут это осуществлять. Поэтому совершенномудрый говорит: «Кто принял на себя унижение страны — становится государем, и кто принял на себя несчастье страны — становится властителем».

Правдивые слова похожи на свою противоположность.

Очень удобно, взяв отдельный пример мягкой силы, вывести из него формулу, претендующую на абсолютную истинность. Вот вода: она точит камни и всегда побеждает. Она же при этом на холоде превращается в лёд, теряя всю свою мягкость. Лёд слабым не назовёшь — айсберг отправил на дно огромный непотопляемый «Титаник». Все упрощения грешат тем, что игнорируют все другие аспекты бытия, кроме того, который нужен для изложения хорошей и важной идеи.

Ну хорошо, вода совершенна в своей слабости, и нам, значит, надо быть такими же текучими, подвижными и мягкими, как вода. Посыл понятен, а гибкость во взаимодействии с людьми, безусловно, полезна. Кроме того, полезно не иметь фиксаций на идеях и привязанностей, снижающих «текучесть» человека. Вода может послужить примером срединного (между паром и льдом), гармоничного состояния человека.

А вот дальше идут утверждения, вызывающие сомнения. Слабые, видите ли, побеждают сильных, а мягкое преодолевает твёрдое. Чем уже видение и ниже понимание, тем прочнее уверенность человека в истинности того, что ему открылось. Всё относительно, но в древнем Китае, возможно, этого ещё не знали. Отступление может привести и к победе в войне, и к поражению в ней; всё зависит от множества обстоятельств, обрамляющих это действие. Страх может спасти жизнь, не пустив человека под пули, а может стать причиной его гибели, если надо бежать или бить, а ты им парализован. Иногда помогает слабость, иногда — сила, но у большинства людей нет особого выбора способов действия, потому что всё решают автоматические реакции их умов. Кто выучил бегство — бежит, кто умеет только нападать — нападает, и всегда повторяется одно и то же.

Далее идёт сетование на то, что, сколько людей ни учи, они всё делают по-старому. Причину этого я изложил выше, но автор, похоже, её не знает. Если уж хочешь, чтобы люди менялись, научи их осознанности, чтобы отменить их выбор без выбора. Ну и разъясни заодно, каким конкретно образом слабые побеждают сильных и как выглядит такая победа. Дай метод, не ограничивайся поучениями.

Следующая фраза не очень хорошо сочетается с предыдущими; предположу, что принятие на себя унижения страны и есть проявление слабости принимающего. Другой вопрос, как может один человек это сделать — не в своих повседневных размышлениях и беспокойстве за родину, а в грубой реальности. Я бы сказал, что фраза о принятом на себя унижении, делающем тебя государем, отсылает нас к утверждению о том, что принижение себя помогает возвыситься. Ещё одна, между прочим, философская идея, работающая в жизни только отчасти. Но помощникам Лао Цзы в дописывании «Дао Дэ Цзин» нравится возводить в абсолют любую мысль.

Категоричность утверждений, как известно, нередко заменяет их истинность.

Финальная фраза отсылает нас к сорок первой главе, в которой сказано, что истинная правда похожа на её отсутствие. Здесь автор говорит более определённо, заявляя, что правдивые слова похожи на лживые. Хороший ход с точки зрения ответа на все возможные претензии к изложенным в главе поучениям. Дескать, если мои слова для вас подходят на ложь, то вы сами в этом и виноваты; я говорю то, во что верю, и то, что считаю чистой правдой. Что тут скажешь — правда у каждого своя, и она тоже относительна.

Да и Истину можно изложить так, что от неё почти ничего не останется. Ведь имя, которое может быть названо, не есть постоянное имя. Так и правда может не быть постоянной — то, что вчера было правдой, сегодня, при вскрывшихся и не известных нам вчера обстоятельствах, оказывается ложью. Может, в древнем Китае слабость и в самом деле побеждала силу, и на турниры выставляли самых слабых и молодых бойцов, кто знает? Может быть, это мир испортился, а с истиной, изложенной в тексте, всё в порядке? Но тогда, опять же, для нашего испорченного мира то, что говорится в этой главе, больше похоже на очень неполную правду; на частный её случай.

Пусть так и будет.

После успокоения большого возмущения непременно останутся его последствия. Как можно назвать это добром? Поэтому совершенномудрый даёт клятву, что он не будет никого порицать. Добрые стремятся к соглашению, а недобрые — к вымогательству. Небесное дао относится ко всем одинаково, оно всегда на стороне добрых.

Здесь, пожалуй, тот самый случай, когда лучше взять перевод Малявина целиком: «Когда мирятся после большой ссоры, непременно остаётся обида. Как можно счесть это благом? Вот почему премудрый человек держит левую часть договора и ничего не требует от других. Человек совершенства блюдёт договор, человек без совершенства взыскивает подать. Небесный Путь не имеет пристрастий, но всегда жалует сведущего человека».

Совершенномудрый, дающий клятву, что он не будет никого порицать, — это очень странно. Если он способен кого-то порицать, то он уже не совершенномудрый, и клятва ничего в этой ситуации не изменит. Ну, и небесное дао, всегда выбирающее сторону добрых, выглядит тоже вполне абсурдно. Поэтому я буду комментировать перевод Малявина — его смысл не столь вопиюще нелеп.

Допускаю, что тот, кто не выразил своего гнева полностью, в силу воспитанности или нерешительности, после примирения несёт в себе обиду. Никакого блага он не чувствует. Чтобы такого не случилось, нужно быть ответственным и нетребовательным существом, наподобие совершен-

номудрого. Согласно Малявину, на левой дощечке договора в древнем Китае записывались обязательства должника по возврату долга. Вот и совершенномудрый живёт, как должник, требуя только с себя и оставив в покое окружающих. Поскольку он ничего от них не хочет, то и ссориться с ними ему ни к чему.

Проблема любых отношений между людьми заключается в ожиданиях, которые они проецируют друг на друга. Если ты мой друг, значит, я вправе надеяться на твою поддержку в любой ситуации; это ли не ожидание? Если ты моя дочь, значит, я рассчитываю на послушание и уважение; а когда его не получаю, то поневоле начинаю копить возмущение, чреватое взрывом. Тот, кто ничего не ждёт от людей, никогда в них не разочаровывается. Он предоставляет людям свободу выбора, и если они хотят быть с ним, пусть будут, а если им сейчас не до него, то это, может, даже и лучше. Поэтому у совершенномудрого не бывает отношений с людьми — во всяком случае, их нет в привычном понимании этого слова. Давая свободу выбора другим, он и за собой оставляет такую же свободу. Поэтому обида может возникнуть у тех, кто ждёт от совершенномудрого каких-то определённых действий, а тот от них отказывается. Но большой взаимной ссоры из такой ситуации не получится. Будет одностороннее выражение гнева или демонстрация обиды.

Левая часть договора символизирует обязательства совершенномудрого перед Творцом, но это уже не отношения, а договор. Если совершенномудрый взял на себя обязательство служения, то он его выполняет. Человек без совершенства продолжает вымогать внимание и поддержку — как у людей, так и у Творца; он не готов к служению и к тому, чтобы дать людям жить собственной жизнью.

В этой главе небесное дао по контексту ближе к Творцу, чем к Пути. И тогда Творец не имеет пристрастий, но всег-

да жалует сведущего человека. Или привечает его же. Что же должен знать сведущий человек? Полагаю, что сведущим будет считаться тот, кто имеет опыт следования Пути и познал вкус взаимодействия с дао и дэ. Ведь нет же ничего странного, что Творец жалует «своих» людей? С чего бы Ему привечать тех, кому Он нужен только в дни богослужений и религиозных праздников?

Господь, подобно совершенномуудрому, даёт людям сделать свой выбор, не нарушая их свободы воли. Если человеку хочется заниматься ерундой — это не проблема, наиграйся. Если человек ищет служения и готовит себя к нему, то он его получает. В подготовке к служению человек познаёт себя, в служении начинает познавать дэ и дао. И чем более сведущим в этом он становится, тем сильнее они его жалуют. Но мы же ведь помним, что великая любовь может быть похожей на свою противоположность, а великое сострадание похоже на его отсутствие? Поэтому, может, и хорошо, что небесное дао не имеет пристрастий, а уж как выглядит великое «жалует», знают только те, кто это прочувствовал на себе.

Пусть государство будет маленьким, а население редким. Если [в государстве] имеются различные орудия, не надо их использовать. Пусть люди до конца своей жизни не уходят далеко [от своих мест]. Если [в государстве] имеются лодки и колесницы, не надо их употреблять. Даже если имеются воины, не надо их выставлять. Пусть народ снова начинает плести узелки и употреблять их вместо письма. Пусть его пища будет вкусной, одяние красивым, жилище удобным, а жизнь радостной. Пусть соседние государства смотрят друг на друга, слушают друг у друга пение петухов и лай собак, а люди до самой старости и смерти не посещают друг друга.

Похоже, что нам явлено описание государства, населённого совершенномудрыми, занимающимися недеянием и познающими мир, не покидая двора собственного жилища. Учёность отсутствует, а люди не общаются, потому что говорящий не знает, а знающий не говорит. Настоящий рай для просветлённых и социофобов.

Когда-то я задумывался о том, что будет, если всё население планеты в один миг станет просветлённым. Довольно быстро я пришёл к выводу, что всеобщее просветление может быть одним из вариантов конца света, если Господь вдруг решит прикрыть нашу лавочку. Люди без желаний, с очень небольшим набором необходимостей, без стремления к продолжению рода и продолжению собственной жизни долго на Земле не протянут. Автор рисует нам близкую по содержанию и абсолютно утопическую картину жизни, ка-

кой, по его мнению, она должна быть. Уберите из человека человеческое, и, может быть, что-то такое же возвышенное и полумёртвое получится.

Существование небольшой горстки пробуждённых среди мира, полного страстей, вносит в него равновесие и некоторую гармонию. Сделайте пробуждёнными всех, и мир погрузится в иной вид спячки — когда качать энергию и добиваться хоть чего-нибудь станет некому. Мир и так совершенен, но люди, озабоченные светлыми идеями, никак не могут этого увидеть. В нём есть верх и низ, красота и уродство, добро и зло, жизнь и смерть. Всё существует в относительном равновесии и обеспечивает динамику, необходимую для развития Творения. Но многим не хочется динамики, им хочется кладбищенского спокойствия и сытой, беззаботной жизни. Ну что же — Путь создан не для них; а те, кто рисует утопические картины и грезит золотым веком человечества, ничего не понимают — ни в людях, ни в дао, ни в законах бытия.

Вот так начитаешься всяких поучений и сам начинаешь городить невесть что. Учёность, всё-таки, не очень приятная штука.

Верные слова не изящны. Красивые слова не заслуживают доверия. Добрый не красноречив. Красноречивый не может быть добрым. Знающий не доказывает, доказывающий не знает.

Совершенномудрый ничего не накапливает. Он всё делает для людей и всё отдаёт другим. Небесное дао приносит всем существам пользу и им не вредит. Дао совершенномудрого — это деяние без борьбы.

И здесь нам снова лучше взять перевод Малявина, который выглядит более точным:

«Правдивые слова не угодливы. В угодливых речах нет правды.

Добрый человек не любит спорить. Ловкий спорщик не добр.

Знающий человек не имеет много знаний. Многознающий не знает.

Премудрый человек не накапливает. Чем больше он помогает другим, тем больше имеет сам. Чем больше он даёт другим, тем больше получает сам.

Путь Неба — приносить пользу и ничему не вредить. Путь мудрого — действовать и не препятствовать другим».

С угодливыми речами всё понятно. Добрый человек не любит спорить, потому что не хочет причинять неудобств собеседнику и не считает, что в спорах рождается истина. Он не ищет борьбы, в отличие от заядлого спорщика, которому нужно взять верх над оппонентом любой ценой. Его

это упивается победой и чувствует себя хорошо, оно ощущает свою силу.

«Знающий человек не имеет много знаний». Имеются в виду книжные знания, заимствованные и не имеющие основы в личном опыте. Тот, кто познал дао, не должен быть начитанным; начитанность и насыщенность ума разными мистическими теориями не являются условием достижения. Более того, на определённом этапе Пути все заимствованные знания становятся, очевидно, лишними, а потому без труда забываются.

Многознающий — то есть начитанный — редко способен следовать Пути, ведь ему вполне хватает собственных, с таким трудом нажитых, интеллектуальных сокровищ. Мысленно он пережил уже все виды просветлений и знает о них всё, что можно узнать человеку. Думать о возвышенном легче, чем медитировать, вот многознающие и перебирают свою коллекцию знаний, поражая эрудицией знакомых и незнакомых людей.

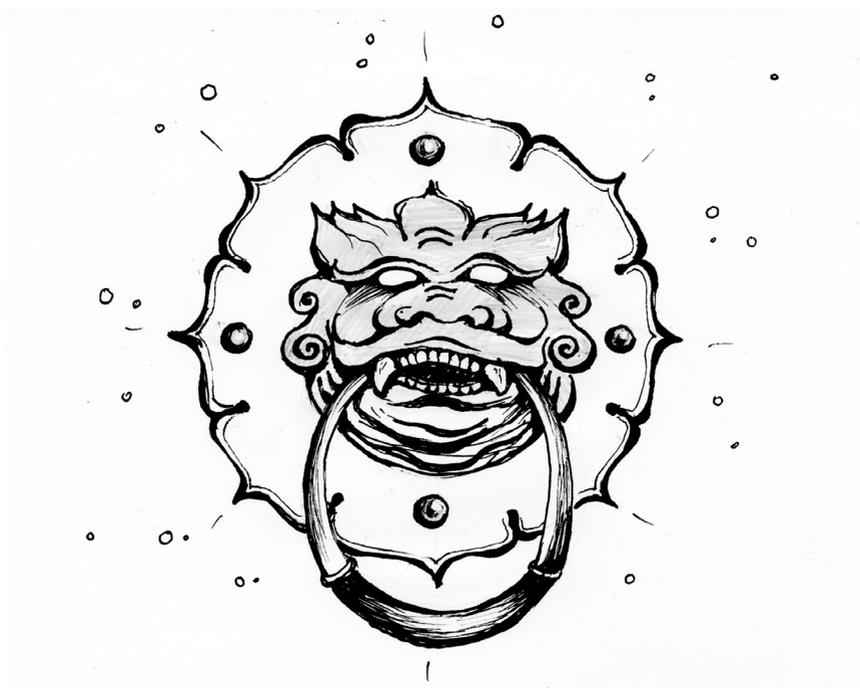
Отдавая, совершенномудрый получает ещё больше. Это закон Пути — чем больше ты делишься тем, что имеешь, тем больше получаешь. Делишься благодатью — получаешь новую благодать, делишься опытом — лучше его понимаешь и легче движешься дальше; учишь других — учишься сам. Чем больше энергии отдаёшь в практиках, тем больше тебе её возвращается; но это будет уже другая, более высокая энергия. Закон продвижения по Пути таков: не бойся ничего потерять или растратить. Тот, кто хочет хоть что-нибудь сохранить, не преуспеет.

Путь приносит пользу всем существам и им не вредит. Творец, в общем, тоже полезен и не вреден, хотя многим и не нравится, как устроен мир, ведь в нём слишком много страданий.

«Путь совершенномудрого — это деяние без борьбы». Пока не стал совершенномудрым, побороться придётся, потому что внутренняя работа — это и преодоление собственной инертности, и противостояние страхам, и усилие по разотождествлению с идеями и реакциями ума. Когда просветление уже случилось — бороться не с чем. Борьба привлекательна для человеческого эго, но как только оно исчезает, потребность в борьбе с чем-либо или с кем-либо отпадает сама собой, а Путь продолжается. Он ведёт к тождественности дао и дэ, но сколько об этом ни рассказывай, понятнее не станет. Пока тот, кто действительно хочет познания, не начнёт следовать Пути, ведущему за пределы страстей, он не познает.

От невежества — к знанию, от волнений — к спокойствию, от деяния — к недеянию.

От бытия — к небытию.

П О С Л Е С Л О В И Е

Реальность одна — но степени постижения её бывают разными; поэтому и описания её тоже разнятся. Есть индивидуальность познавшего и особенности его личного духовного и мистического опыта — они тоже повлияют на то, каким станет его описание высшей реальности.

Лао Цзы прошёл дальше многих и выразил своё видение Истины весьма своеобразно. Тем не менее, сила его слов до сих пор производит огромное впечатление на людей, и потому «Дао Дэ Цзин» до сих пор читают, пытаюсь понять все уровни его смыслов. Древние мудрецы всё ещё дают пищу для размышлений своим потомкам.

Вполне очевидно, что Лао Цзы написал только часть трактата, издающегося под его именем. И вот что интересно: оставь мы в книге только те главы, которые действительно демонстрируют глубокое постижение Истины, книга казалась бы неполной. Допустим, мы выбрали сорок с небольшим глав, и трактат уменьшился наполовину. Тогда при его чтении возникло бы ощущение недоговорённости и незавершённости, и общее впечатление от чтения было бы иным — далеко не столь сильным. Добавленные главы, повторяющие то, что было сказано ранее, вносящие сумятицу в стройную систему видения Лао Цзы и уводящие читателя в сторону от основного послания текста, создают такое ощущение избыточности, что, закончив чтение, человек чувствует себя перегруженным. Кто-то из-за этого не добирается до конца текста, но тот, кто добрался, — уже впечатлён, и даже очень. Он запутался, понял немного, но

воздействие, пусть и не самого высокого порядка, всё равно получил.

Надо отметить, что из добавочных глав возникли основные направления даосизма — поиск бессмертия, идея, что совершенство проявляется в возможности действовать без всякой усталости; и примеры безостановочной, например, ходьбы часто встречаются в поздних даосских текстах. Упоминание инь, ян и ци, как я подозреваю, внесено в текст тоже не Лао Цзы. Говорят, что чистую Истину людям воспринять трудно, а вот в сильно разбавленном или даже искажённом виде она становится удобоваримой. Новости из мира пробуждённых спящие слышат сквозь сон, а сны, как мы знаем, вечно обрамляются фантастическими деталями.

Начиная писать комментарий к «Дао Дэ Цзин», я искал ответы на те вопросы, которые у меня возникали при прежних его прочтениях. Я на них ответил. Если у вас вопросы остались, то вам придётся сделать дополнительное усилие, посозерцав их источник или те утверждения трактата, которые оказались для вас вызывающе непонятными. Но надёжнее — найти Путь и начать делать то, что необходимо для продвижения по нему. Только собственный опыт даёт человеку глубину понимания; к его обретению и надо стремиться.

О Г Л А В Л Е Н И Е

ПРЕДИСЛОВИЕ

3

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

6

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

122

ПОСЛЕСЛОВИЕ

252

Самопознание и Путь к Богу

16 августа 2017 года в 21:40 было добавлено новое видео в разделе «Аудио-видео лекции»

Почему самопознание всегда приводит к познанию реальности Бога? В чём разница между желанием и стремлением, как они влияют на возможности искателя? Ответы на эти и другие вопросы были даны суфийским Мастером Русланом Жуковцом на открытой лекции, прошедшей в «Белых Облаках».

Смотреть...

2 комментария

Поиск по сайту...

Социальные сети

[Страница Школы VK](#)
[Страница Мастера VK](#)
[Страница Школы в Facebook](#)
[Канал Школы на YouTube](#)

[Как помочь школе?](#)

Между прошлым и будущим

31 июля 2017 года в 22:14 была добавлена новая публикация в разделе «Слово учеников»

Опять они – эмоции... Везде. Внутри – в собственных реакциях. Снаружи – в проявлениях окружающих людей, близких и далеких. Четыре отрицательных и одна положительная. Они всегда рядом. Демонстрируют нам самим фактом своего существования, что с нами что-то не так (отрицательные), или же что мы наконец-то находимся в долгожданной передышке от этих бесконечных проблем (положительная). Каждая из эмоций имеет свои причины и характерные

mystic-school.ru

*Дорогие Искатели, приглашаем
Вас посетить веб-сайт
суфийской школы
«Восходящий Поток»*

РУСЛАН ЖУКОВЕЦ

ВЕЛИКОЕ ДАО

Комментарий к «Дао Дэ Цзин»

Рисунки Татьяна Васильева

Подписано в печать 18.11.21.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 16.
Заказ №

Издание предназначено для лиц старше 16 лет

В КОНТАКТЕ

http://vk.com/amrita_rus

Instagram

amrita_rus

amritarus

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного электронного оригинал-макета